

**INTERNATIONAL JOURNAL OF
MEDICINE AND PSYCHOLOGY /
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
МЕДИЦИНЫ И ПСИХОЛОГИИ**

2021, Том 4, №8

Подписано к публикации: 10.12.2021

Главный редактор журнала

Боязитова Ирина Валерьевна, доктор психологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

- Агранович Надежда Владимировна** (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
- Азовцева Ольга Владимировна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – кандидат медицинских наук, доцент
- Акбиева Зарема Солтанмурадовна** (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
- Аль Замиль Мустафа Кхалил М. Дауд** (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, доцент
- Аскерханов Гамид Рашидович** (РФ, г. Махачкала) – доктор медицинских наук, профессор
- Баев Валерий Михайлович** (РФ, г. Пермь) – доктор медицинских наук, профессор
- Берсенева Евгения Александровна** (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
- Васильев Андрей Глебович** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
- Гаджимурадова Зоя Магомедовна** (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
- Гайдуков Сергей Николаевич** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
- Гвозденко Татьяна Александровна** (РФ, г. Владивосток) – доктор медицинских наук, профессор
- Дергунов Анатолий Владимирович** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
- Дерягина Лариса Евгеньевна** (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
- Есина Елена Юрьевна** (РФ, г. Воронеж) – доктор медицинских наук, профессор
- Зеленский Владимир Александрович** (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
- Иванова Ольга Николаевна** (РФ, г. Якутск) – доктор медицинских наук, профессор
- Карлова Елена Владимировна** (РФ, г. Самара) – доктор медицинских наук, профессор
- Козлова Елена Михайловна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
- Корабельников Александр Иванович** (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
- Кудайбергенев Талгат Капаевич** (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
- Куликова Наталья Геннадьевна** (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
- Леонова Елена Сергеевна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
- Ловцова Любовь Валерьевна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор фармацевтических наук, доцент
- Локшин Вячеслав Нотанович** (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
- Лоскутов Игорь Анатольевич** (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
- Меских Елена Валерьевна** (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
- Накохова Рида Рашидовна** (РФ, г. Черкесск) – доктор психологических наук, профессор
- Новопольцева Екатерина Геннадьевна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
- Овсяник Ольга Александровна** (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
- Пазухина Светлана Вячеславовна** (РФ, г. Тула) – доктор психологических наук, доцент
- Пантюхин Андрей Валерьевич** (РФ, г. Смоленск) – доктор фармацевтических наук, доцент
- Петрова Наталия Гурьевна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
- Петрушкина Надежда Петровна** (РФ, г. Челябинск) – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник
- Прокопьев Николай Яковлевич** (РФ, г. Тюмень) – доктор медицинских наук, профессор
- Прошин Андрей Владимирович** (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
- Прошина Лидия Григорьевна** (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
- Севрюков Федор Анатольевич** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
- Семенова Файзура Ореловна** (РФ, г. Карачаевск) – доктор психологических наук, профессор
- Скосарев Иван Александрович** (Казахстан, г. Караганда) – доктор медицинских наук, профессор
- Спирина Алена Вадимовна** (РФ, г. Тюмень) – кандидат психологических наук, доцент
- Тихомирова Галия Имамутдиновна** (РФ, г. Ижевск) – доктор медицинских наук, доцент
- Ткаченко Ирина Валериевна** (РФ, г. Армавир) – доктор психологических наук, доцент
- Федоров Андрей Алексеевич** (РФ, г. Екатеринбург) – доктор медицинских наук, профессор
- Хаджиева Зара Джамалеевна** (РФ, г. Пятигорск) – доктор фармацевтических наук, профессор
- Хайдов Сергей Курбанович** (РФ, г. Тула) – кандидат психологических наук, доцент
- Хан Майя Алексеевна** (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
- Пахеева Анжелика Амировна** (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
- Шабанов Петр Дмитриевич** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
- Шарабрин Евгений Георгиевич** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
- Ястребова Елена Борисовна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор

«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии» включен в список ВАК с 04.02.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru) и в Международную базу данных Agris.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-76101 от 24 июня 2019г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-3313 (online)

E-mail: medicine@dgpu-journals.ru

Сайт: <http://ijmp.ru>

© International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии, 2021

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Никонова М.А.**
ПРОЯВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ
В ТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (СУПЕРМАРКЕТАХ) 7-12
- Самойленко Н.В., Дьяченко Е.В.**
ОБРАЗ ПАЦИЕНТА – ЭКСПЛИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ 13-18
- Селукова Н.С.**
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ БУДУЩЕГО
ПЕДАГОГА КАК УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ 19-22
- Лосев В.Р., Гун Г.Е.**
ГОТОВНОСТЬ К СЛУЖБЕ В АРМИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ 23-28
- Минюрова С.А., Аминова Дж.К.**
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО
ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА В УСЛОВИЯХ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ
КЛИЕНТОВ, ПОДВЕРЖЕННЫХ COVID-УГРОЗЕ 29-36
- Худякова Т.Л., Клепач Ю.В., Валеева Г.В., Арпентьева М.Р.**
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ 37-42
- Бартуль Е.С.**
ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ
В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ (2010-2021 ГГ.):
БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 43-50
- Фёдоров А.Ф.**
ВЗАИМОСВЯЗЬ И ЗАВИСИМОСТЬ СУИЦИДАЛЬНОГО
И КРИМИНАЛЬНОГО ВИДОВ ДЕВИАЦИИ
В ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ 51-56
- Хлевная Е.А., Киселева Т.С., Никитина А.А.,
Осипенко Е.И., Сергиенко Е.А.**
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК РЕСУРС СОВЛАДАНИЯ
СО СЛОЖНЫМИ СТРЕССОВЫМИ СИТУАЦИЯМИ 57-66
- Яценко О.В., Чернецкая Н.И., Кедярова Е.А.**
ПОВЫШЕНИЕ УЧЕБНОЙ УСПЕВАЕМОСТИ ПОДРОСТКОВ
ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИХ ПРОФООРИЕНТИРОВАНИЯ
ПО ТЕХНОЛОГИИ PROF.NAVIGATOR 67-71
- Кулешов Д.О.**
ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ
КАЧЕСТВ БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ 72-76
- Стародубцева Г.А.**
ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 77-86

Саркисян Н.В., Сорокин А.Ю.

РАСШИРЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДХОДА
К ПРОФИЛАКТИКЕ СОНЛИВОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ ЗА РУЛЕМ
ПОСРЕДСТВОМ ОЛЬФАКТОРНОЙ СТИМУЛЯЦИИ

87-91

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Чистякова Г.Н., Кадочникова П.А.,

Устьянцева Л.С., Гришкина А.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ЗРЕЛОСТИ
И РАЗВИТИЯ ЛЕГКИХ У НЕДОНОШЕННЫХ НОВОРОЖДЕННЫХ

92-102

Фефелова Е.В., Цыбиков Н.Н., Егорова Е.В.,

Маниковская Т.М., Шаповалов Ю.К.

РОЛЬ АМИНОТИОЛОВ В ПАТОГЕНЕЗЕ ХРОНИЧЕСКИХ
РИНОСИНУСИТОВ БАКТЕРИАЛЬНОЙ ЭТИОЛОГИИ

103-108

Нагорная М.О., Небрятенко С.В., Котельникова С.В.

ВЛИЯНИЕ РАННЕЙ СПОРТИВНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

109-113

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<p>Nikonorova M.A. MANIFESTATION OF ORGANIZATIONAL CONFLICTS IN TRADE ORGANIZATIONS (SUPERMARKETS)</p>	7-12
<p>Samoilenko N.V., Dyachenko E.V. THE PATIENT'S IMAGE AS AN INDICATOR OF THE PROFESSIONAL IDENTIFICATION OF FUTURE DOCTORS</p>	13-18
<p>Selukova N.S. FORMATION OF PROFESSIONAL COMMUNICATION OF THE FUTURE TEACHER AS A CONDITION FOR IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION</p>	19-22
<p>Losev V.R., Gun G.E. READINESS FOR SERVICE IN THE ARMY OF MODERN ADOLESCENTS</p>	23-28
<p>Minyurova S.A., Aminova J.K. THE SPECIFICS OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF A GRADUATE STUDENT OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL EDUCATION IN CONDITIONS OF EXPOSURE TO THE COVID THREAT OF HIS CLIENT</p>	29-36
<p>Khudyakova T.L., Klepach Yu.V., Valeeva G.V., Arpenteva M.R. ENSURING THE PSYCHOLOGICAL SAFETY OF EDUCATION IN HIGHER SCHOOL</p>	37-42
<p>Bartul E.S. RESEARCH OF THE MOTIVATION AND PERSONAL SPHERE IN RUSSIAN SCIENCE (2000-2021): BIBLIOMETRIC ANALYSIS</p>	43-50
<p>Fedorov A.F. INTERCONNECTION AND DEPENDENCE OF SUICIDAL AND CRIMINAL KINDS OF DEVIATION IN ADOLESCENT-YOUTH AGE</p>	51-56
<p>Khlevnaya E.A., Kiseleva T.S., Nikitina A.A., Osipenko E.I., Sergienko E.A. EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A RESOURCE FOR COPING WITH COMPLEX, STRESSFUL SITUATIONS</p>	57-66
<p>Yatsenko O.V., Cherneckaya N.I., Kedyarova E.A. THE IMPROVING OF THE ACADEMIC PERFORMANCE OF ADOLESCENTS UNDER THE INFLUENCE OF THEIR CAREER GUIDANCE USING PROF.NAVIGATOR TECHNOLOGY</p>	67-71
<p>Kuleshov D.O. THE PROGRAM FOR THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL AND PERSONAL QUALITIES OF THE FUTURE OFFICER OF THE NATIONAL GUARD TROOPS AS A REPRESENTATIVE OF THE PROFESSIONAL ELITE</p>	72-76
<p>Starodubtseva G.A. ON INFORMATION AND DIGITAL SOCIALIZATION OF PRESCHOOL CHILDREN</p>	77-86

Sarkisyan N.V., Sorokin A.Yu.

AN EXTENDED STUDY OF THE APPROACH TO THE PREVENTION
OF DROWSINESS OF DRIVERS AT THE WHEEL
THROUGH OLFACTORY STIMULATION

87-91

MEDICINE AND BIOLOGICAL SCIENCES

Chistyakova G.N., Kadochnikova P.A.,

Ustyantseva L.S., Grishkina A.A.

ACTUAL PROBLEMS OF DETERMINING THE DEGREE
OF MATURITY AND DEVELOPMENT OF THE
LUNGS IN PREMATURE NEWBORNS

92-102

Fefelova E.V., Tsybikov N.N., Yegorova E.V.,

Manikovskaya T.M., Shapovalov Yu.K.

THE ROLE OF AMINOTHIOLS IN THE PATHOGENESIS OF
CHRONIC RHINOSINUSITIS OF BACTERIAL ETIOLOGY

103-108

Nagornaya M.O., Nebratenko S.V., Kotelnikova S.V.

IMPACT OF EARLY SPORTS SPECIALIZATION

109-113

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Никонорова М.А., кандидат психологических наук,
Керченский государственный морской
технологический университет*

ПРОЯВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ В ТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (СУПЕРМАРКЕТАХ)

Аннотация: в статье рассмотрена проблема организационных конфликтов в супермаркетах смешанного типа и супермаркетах бытовой техники. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей проявления межличностных конфликтов среди персонала торговых организаций, между персоналом и клиентами (покупателями) и между работниками и менеджерами (руководителями) организации. Автором выявлены особенности в представленности различных видов организационных конфликтов в супермаркетах. Также определены причины конфликтов на уровне организации и на уровне личности. Исследовано влияние организационных конфликтов на жизнедеятельность персонала. Что касается профилактики конфликтов в торговых организациях (супермаркетах), то автором установлены основные направления и формы профилактической работы. Так же очерчены перспективы дальнейшего исследования проблемы конфликтов в супермаркетах, а именно исследование основных компонентов психологической готовности персонала торговых организаций к профилактике конфликтов. В целом исследование показало наличие в супермаркетах различных видов организационных конфликтов, которые обусловлены как организационно-профессиональным, так и личностными причинами, а также потребность персонала в оказании психологической помощи в решении организационных конфликтов. Кроме того, было показано большую выраженность организационных конфликтов в супермаркетах товаров смешанного типа, по сравнению с супермаркетами товаров одного типа.

Ключевые слова: конфликт, организационный конфликт, специфика труда, специализация, вертикальный конфликт, горизонтальный конфликт, клиенты, персонал, профессиональная активность, стратегия поведения, конфликтоген, профилактика конфликтов

Конфликты вообще, и организационные в частности, вызывают интерес исследователей еще с первой половины XX в. Проблема конфликтов, в том числе организационных, нашла отражение в различных направлениях зарубежных психологических исследований конфликта, сформировавшихся в первой половине XX в., таких как: этологическое (Н. Тинберген [23]); интеракционистский (Т. Шибутани [32]); поведенческий (А. Бандура [3]); психоаналитический (А. Адлер [1], З. Фрейд [27], Э. Фромм [28], К. Хорни [30]); социометрический (С. Додд [12], Д. Морено [18]); социотропный (В. Мак-Дуголл [17], С. Сигеле [21] и др.); фрустрационно-агрессивный (Л. Берковитц [6], Н. Миллер [35]), а также в более современных подходах: теоретико-игровом (М. Дойч [34]); теории организационных систем (Р. Блейк, Дж. Мутон [7]); теории и практики переговорного процесса (Р. Фишер [25], У. Юри [25]).

Среди российских ученых проблему конфликтов, в том числе организационных, начиная с 90-х годов XX в., разрабатывали А. Анцупов [2], С. Баныкина [4], Н. Гришина [11], А. Здравомыслов [14], Г. Любимова [16], Б. Парыгин [19], Б. Хасан [28], В. Шейнов [30] и др. Конфликты в организациях разного типа являются предметом изучения и

у современных исследователей: А. Белов [5], Л. Брылева [8], Р. Гайрбекова [9], П. Глазыхев [10], Е. Жулина [13], Ф. Ионов [15], А. Сухов [21], С. Тянь [23], В. Фрайманн [25], Е. Янбекова [32] и др. Следует отметить, что существующие разработки психологии конфликтов были посвящены преимущественно особенностям конфликтов в образовательной, военной, спортивной сферах, сфере МВД и значительно меньше – конфликтам в сфере бизнеса. Проблема психологической готовности персонала супермаркетов к профилактике организационных конфликтов, как нам известно, ранее не выступала предметом специального исследования. Учитывая социальную значимость проблемы профилактики организационных конфликтов в супермаркетах, а также, исходя из недостаточной разработанности этой проблемы в социальной психологии, предметом нашего исследования стали организационные конфликты в супермаркетах.

Исследование проходило среди персонала супермаркетов товаров смешанного типа и супермаркетов товаров одного типа («Фреш», «Сильпо», «Таир», «DNS») и предусматривало анализ основных проявлений организационных конфликтов в супермаркетах разного типа, а именно анализировались проявления организационных кон-

фликтов в супермаркетах в целом и особенности организационных конфликтов в супермаркетах разного типа. Выборку составили 296 человек. Проявления организационных конфликтов в супермаркетах изучались с помощью анкеты «Психологические особенности организационных конфликтов в супермаркетах» (Л. Карамушка, М. Никонорова) и контент-анализа. Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета статистических программ SPSS (версия 20.0).

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что подавляющее большинство опрошенных (92,8%) указали на наличие конфликтов в деятельности супермаркетов и в их собственной деятельности (74,5%). Были выявлены следующие особенности в представленности различных видов организационных конфликтов в супермаркетах: а) «внешние» конфликты (конфликты с клиентами) значительно преобладают над «внутренними» (конфликты с работниками и руководителями) б) среди «внутренних» конфликтов горизонтальные конфликты преобладают над вертикальными; в) среди «внутренних» горизонтальных конфликтов конфликты между работниками различных подразделений преобладают над конфликтами, которые возникают между работниками одного подразделения. Так, на наличие конфликтов с клиентами указало 72,8% опрошенных, конфликтов с работниками различных подразделений – 48,1%, конфликтов с работниками одного подразделения – 20,0%, конфликтов с руководителями подразделений – 12,2%, с руководителями супермаркетов – 2,2%.

Наиболее выражены причины организационных конфликтов на уровне организации (организационно-профессиональные причины): а) «внутренние» вертикальные конфликты: «необъективная оценка труда и низкая заработная плата» (83,3%); «крайности кадровой политики» (17,2%); «плохое обустройство рабочего места» (16,1%); б) «внутренние» горизонтальные конфликты: «чрезмерный контроль со стороны коллег» (66,1%); «медлительность и нерасторопность коллег» (42,2%); «незнание коллегам своего дела» (35,6%); в) «внешние» конфликты с клиентами: «необоснованные претензии покупателей» (76,1%); «медлительность покупателей» (41,1%); «неуважение покупателей» (21,7%); «лишние» вопросы покупателей» (12,2%).

Что касается причин возникновения организационных конфликтов на уровне личности (личностные причины), то установлено, что на эти причины указало значительно меньше опрошенных по сравнению с организационно-профессиональным причинам (одна пятая опро-

шенных против одной третьей опрошенных). Больше всего респондентов указали на такие личностные характеристики: обидчивость (27,2%), прямолинейность (25,6%), настойчивость (16,1%), чрезмерная ответственность (14,4%), возбудимость (14,4%), тревожность (13,3%), неуступчивость (13,3%). В категорию конфликтогенов, но с меньшей долей выбора, попали и такие личностные характеристики, как успешность (8,3%), нерешительность (6,1%), застенчивость (5,0%), пессимизм (3,9%), замкнутость (3,9%) и общительность (1,7%). Кроме того, 90,6% опрошенных отметили влияние личных проблем (семейных, бытовых, транспортных и т.п.) и влияние настроения (91,1%) на возникновение организационных конфликтов.

Исследование влияния организационных конфликтов на жизнедеятельность персонала выявило преобладание их негативного влияния над положительным. Это проявилось в том, что 57,8% опрошенных указали на то, что в результате возникновения организационных конфликтов у них появляется «обίδα», 29,4% – «тревога», в то время как незначительная часть опрошенных указали на возникновение «облегчения» (7,2%) и «покоя» (5,6%).

В процессе анализа подходов персонала супермаркетов к профилактике организационных конфликтов были установлены следующие основные проблемы: а) более половины респондентов (59,5%) имеют временные трудности в решении конфликтов (решают конфликты достаточно долго) б) наблюдается недостаточно гибкое использование основных способов поведения в конфликте (например, «уход» представлен у 23,9% опрошенных, в то время как «борьба» – только у 7,2%); в) низкая ориентация (9,1%) на обращение за помощью для разрешения конфликтов к руководителям подразделений и руководству супермаркетов. Кроме того, большинство персонала супермаркетов (77,7%) указали на потребность в психологической помощи в ситуации организационных конфликтов. Среди наиболее желаемых форм помощи были названы: «тренинги» (72,8%), «групповые консультации» (40,0%), «получение устной информации» (40,0%), «индивидуальные консультации» (26,1%).

Обнаружены статистически значимые взаимосвязи между основными проявлениями организационных конфликтов и типом супермаркетов. Анализ таких взаимосвязей показал, что в целом супермаркеты товаров смешанного типа являются более «проблемными», по сравнению с супермаркетами товаров одного типа, относительно представленности в них многих проявлений организационных конфликтов. Это проявляется в следую-

щих основных показателях: а) число конфликтов между работниками других подразделений в супермаркетах смешанного типа вдвое больше, чем между работниками других подразделений в супермаркетах товаров одного типа (63,3% против 28,9%; $p < 0,001$); б) такая причина вертикальных конфликтов, как «плохое обустройство рабочего места», в супермаркетах смешанного типа представлена практически в пятнадцать раз больше, чем в супермаркетах товаров одного типа (30,0% против 2,2%; $p < 0,001$); в) такая причина конфликтов с клиентами, как «неуважение покупателей», представленная почти в пять раз больше в супермаркетах смешанного типа, чем в супермаркетах товаров одного типа (35,6% против 7,8%; $p < 0,001$); г) такие личностные причины конфликтов, как «замкнутость» и «возбудимость» персонала, более представлены среди персонала супермаркетов смешанного типа, чем среди персонала супермаркетов товаров одного типа (соответственно, 6,7% против 1,1%, $p < 0,05$; 20,0% против 8,9%; $p < 0,05$); д) персонал супермаркетов смешанного типа уступает персоналу супермаркетов товаров одного типа по использованию производительных стратегий поведения в конфликте (компромисс – 14,4% против 23,3%; $p < 0,05$; сотрудничество – 24,4% против 41,1% $p < 0,05$) и др. Это можно, на наш взгляд, объяснить тем, что в супермаркетах товаров смешанного типа, с большим количеством направлений и групп товаров, используется гораздо больше психолого-

экономических подходов к реализации товаров, требующих более сложного взаимодействия между персоналом различных подразделений, чем в супермаркетах однопрофильного типа.

Итак, нами констатировано, что организационно-профессиональные причины организационных конфликтов в супермаркетах по уровню выраженности преобладают над личностными причинами организационных конфликтов. Выявлено, что супермаркеты товаров смешанного типа являются более «проблемными», по сравнению с супермаркетами товаров одного типа, относительно наличия организационных конфликтов. Это проявляется в преобладании конфликтов между работниками различных подразделений; плохом обустройстве рабочих мест; неуважении покупателей; замкнутости и возбудимости среди персонала; негибком использовании различных стратегий поведения в конфликте, в частности конструктивных стратегий и др. Установлено, что большинству персонала супермаркетов (77,7%) необходима психологическая помощь в ситуации организационных конфликтов. Среди наиболее желаемых форм помощи были названы: «тренинги», «групповые консультации», «индивидуальные консультации». Таким образом, с целью профилактики организационных конфликтов среди персонала супермаркетов особое внимание следует уделять прежде всего персоналу супермаркетов смешанного типа.

Литература

1. Адлер А. Понять природу человека. СПб.: Академический проект, 1997. 256 с.
2. Анцупов А.Я., Прошанов С.Л. Актуальные проблемы конфликтологии. М.: Изд-во СГУ, 2011. 321 с.
3. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
4. Баныкина С.В. Педагогическая конфликтология: состояние, проблемы исследования и перспективы развития. Режим доступа: https://www.studmed.ru/banykina-sv-pedagogicheskaya-konfliktologiya-sostoyanie-problemy-issledovaniya-i-perspektivy-razvitiya_6164580af22.html (дата обращения: 12.11.2021)
5. Белов А.А. Состояние организационного конфликта // Инновационные решения в аграрной науке – взгляд в будущее: Материалы XXIV Международной научно-производственной конференции: в 2 т. Майский, 27-28 мая 2020 года. Майский: Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, 2020. С. 59 – 60.
6. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. Режим доступа: <https://www.psychologos.ru/articles/view/leonard-berkovic.-agressiya-dvoe-zn--prichinyzpt-posledstviya-i-kontrol%20?%3E> (дата обращения: 01.11.2021)
7. Блейк Р., Мутон Дж. Два измерения менеджмента. М.: 1978. 212 с.
8. Брылева Л.Г. Управление конфликтами в условиях организационных изменений (на примере предприятий дальневосточной дирекции инфраструктуры – филиала ОАО "РЖД"): специальность 22.00.08 "Социология управления": автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. социол. наук. Хабаровск, 2016. 22 с.
9. Гайрбекова Р.С. Особенности управления организационными конфликтами в деловой сфере российского общества // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 4-2 (38). С. 89 – 91.
10. Глазычев П.А., Сулягина Ю.О. Влияние устройства организационной структуры на возникновение конфликтов в организации // Сборник трудов кафедры менеджмента и административного управления. Москва: Перспектива, 2020. С. 96 – 100.

11. Додд С., Дэвид Дж. Методы получения ранжирования // Социологические методы и исследования. Т. 1. № 3. С. 317 – 327.
12. Жулина Е.Г., Кузнецова И.В., Воронина Н.А. Методология управления организационными конфликтами // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 11(79). С. 2779 – 2791. DOI 10.35679/2226-0226-2020-10-11-2779-2791
13. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999. 341 с.
14. Ионов Ф.В. Организация как племя, способ управления сотрудниками и профилактики организационных конфликтов // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 12-6 (68). С. 14 – 18.
15. Любимова Г.В. Ресурсные конфликты сквозь призму антропологических теорий: «ресурсное проклятие» и «трагедия общинных ресурсов» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2020. Т. XXVI. С. 764 – 769.
16. Мак-Дуголл В. Основные проблемы социальной психологии: пер. с 4-го англ. изд. М.Н. Смирновой, под ред. Н.Д. Виноградова. Москва: Космос, 1916. 282 с.
17. Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе: пер. с англ. А. Боковой / под ред. Р.А. Золотовицкого М.: «Академический проект», 2001. 320 с
18. Гришина Н. Психология конфликта. Режим доступа: http://www.law.vsu.ru/structure/criminalistics/books/grishina_psy_conf.pdf (дата обращения: 12.11.2021)
19. Парыгин Б.Д. Анатомия общения. СПб: изд. Михайлова, 1999. 301 с.
20. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М.: 2011, 128 с.
21. Сухов А.Н. Организационные конструктивные конфликты // Психолого-педагогический поиск. 2020. № 1 (53). С. 89 – 99. DOI 10.37724/RSU.2020.53.1.012
22. Тинберген Н. Осы, птицы, люди: пер. с англ. И. Гуровой; Под ред. и с послесл. Е. Панова. М.: Мир, 1970. 336 с.
23. Тянь С. Причины и пути решения организационных конфликтов внутри высшего руководства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 59 – 63. DOI 10.23672/r3564-9895-1416-p
24. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения: пер. с англ. А. Гореловой; Предисл. В.А. Кременюка. М.: Наука, 1992. 158 с.
25. Фрайманн В.А., Сулягина Ю.О. Сущность организационных конфликтов: проблемный аспект // Сборник трудов кафедры менеджмента и административного управления. Москва: Перспектива, 2020. С. 13 – 22.
26. Фрейд З. Психоаналитические этюды / сост. Д.И. Донской, В.Ф. Круглянский. Минск: Попурри, 2010. 608 с.
27. Фромм Э. Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики: пер. Э.М. Спировой. М.: АСТ, 2010. 35 с.
28. Хасан Б.И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск: Фонд ментального здоровья, 1996. 157 с.
29. Хорни К. Наши внутренние конфликты: пер. с англ. В. Старовойтовой и др. М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. 555 с.
30. Шейнов В.П. Управление конфликтами. Питер, 2019. 576 с.
31. Шибутани Т. Социальная психология / Сокращенный пер. с англ. В.Б. Ольшанского; Общ. ред. и послесл. проф. Г.В. Осипова. Москва: Прогресс, 1969. 534 с.
32. Янбекова Е.Р. Возраст и стаж работы сотрудников как факторы возникновения организационных конфликтов // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке: Сборник материалов XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2020», Москва, 17-18 февраля 2020 года. Москва: ООО "МАКС Пресс", 2020. С. 1279 – 1281.
33. Deutsch N. The constructive and destructive processes // New Haven and London 1973. P. 13 – 17.
34. Miller Neal Elgar Minor studies in aggression: The influence of frustrations imposed by the in-group on attitudes expressed by the out-group. (with R. Bugelski) // Journal of Psychology. 1948. № 25. P. 437 – 442.

References

1. Adler A. Ponyat' prirodu cheloveka. SPb.: Akademicheskij proekt, 1997. 256 с.
2. Ancupov A.YA., Proshanov S.L. Aktual'nye problemy konfliktologii. M.: Izd-vo SGU, 2011. 321 s.
3. Bandura A. Teoriya social'nogo naucheniya. SPb.: Evraziya, 2000. 320 s.

4. Banykina S.V. Pedagogicheskaya konfliktologiya: sostoyanie, problemy issledovaniya i perspektivy razvitiya. Rezhim dostupa: https://www.studmed.ru/banykina-sv-pedagogicheskaya-konfliktologiya-sostoyanie-problemy-issledovaniya-i-perspektivy-razvitiya_6164580af22.html (data obrashcheniya: 12.11.2021)
5. Belov A.A. Sostoyanie organizacionnogo konflikta. Innovacionnye resheniya v agrarnoj nauke – vzglyad v budushchee: Materialy XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-proizvodstvennoj konferencii: v 2 t. Majskij, 27-28 maya 2020 goda. Majskij: Belgorodskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet ime-ni V.Ya. Gorina, 2020. S. 59 – 60.
6. Berkovic L. Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol'. Rezhim dostupa: <https://www.psychologos.ru/articles/view/leonard-berkovic.-agressiya-dvoe-zn--prichinyzpt-posledstviya-i-kontrol3E> (data obrashcheniya: 01.11.2021)
7. Blejk R., Muton Dzh. Dva izmereniya menedzhmenta. M.: 1978. 212 s.
8. Bryleva L.G. Upravlenie konfliktami v usloviyah organizacionnyh izmenenij (na primere predpriyatij dal'nevostochnoj direkcii infrastruktury – filiala OAO "RZHD"): special'nost' 22.00.08 "Sociologiya upravleniya": avtoref. dis. ... na soisk. uchen. step. kand. sociol. nauk. Habarovsk, 2016. 22 s.
9. Gajrbekova R.S. Osobennosti upravleniya organizacionnymi konfliktami v delovoj sfere rossijskogo obshchestva. Evrazijskoe Nauchnoe Ob"edinenie. 2018. № 4-2 (38). S. 89 – 91.
10. Glazychev P.A., Sulyagina Yu.O. Vliyanie ustrojstva organizacionnoj struktury na vzniknovenie konfliktov v organizacii. Sbornik trudov kafedry menedzhmenta i administrativnogo upravleniya. Moskva: Perspektiva, 2020. S. 96 – 100.
11. Dodd S., Devid Dzh. Metody polucheniya ranzhirovaniya. Sociologicheskie metody i issledovaniya. T. 1. № 3. S. 317 – 327.
12. Zhulina E.G., Kuznecova I.V., Voronina N.A. Metodologiya upravleniya organizacionnymi konfliktami. Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika. 2020. T. 10. № 11(79). S. 2779 – 2791. DOI 10.35679/2226-0226-2020-10-11-2779-2791
13. Zdravomyslov A.G. Mezhnacional'nye konflikty v postsovetskom prostranstve. M., 1999. 341 s.
14. Ionov F.V. Organizaciya kak plemya, sposob upravleniya sotrudnikami i profilaktiki organizacionnyh konfliktov. Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. 2020. № 12-6 (68). S. 14 – 18.
15. Lyubimova G.V. Resursnye konflikty skvoz' prizmu antropologicheskikh teorij: «resursnoe proklyatie» i «tragediya obshchinnyh resursov». Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. 2020. T. XXVI. C. 764 – 769.
16. Mak-Dugoll V. Osnovnye problemy social'noj psihologii: per. s 4-go angl. izd. M.N. Smirnovoj, pod red. N.D. Vinogradova. Moskva: Kosmos, 1916. 282 s.
17. Moreno YA.L. Sociometriya: Eksperimental'nyj metod i nauka ob obshchestve: per. s angl. A. Bokovikova, pod red. R.A. Zolotovickogo M.: «Akademicheskij proekt», 2001. 320 s
18. Grishina N. Psihologiya konflikta. Rezhim dostupa: http://www.law.vsu.ru/structure/criminalistics/books/grishina_psy_conf.pdf (data obrashcheniya: 12.11.2021)
19. Parygin B.D. Anatomiya obshcheniya. SPb: izd. Mihajlova, 1999. 301 s.
20. Sigele S. Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoj psihologii. M.: 2011, 128 s.
21. Suhov A.N. Organizacionnye konstruktivnye konflikty. Psihologo-pedagogicheskij poisk. 2020. № 1 (53). S. 89 – 99. DOI 10.37724/RSU.2020.53.1.012
22. Tinbergen N. Osy, pticy, lyudi: per. s angl. I. Gurovoj; Pod red. i s poslesl. E. Panova. M.: Mir, 1970. 336 s.
23. Tyan' S. Prichiny i puti resheniya organizacionnyh konfliktov vnuti vysshego rukovodstva. Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 10. S. 59 – 63. DOI 10.23672/r3564-9895-1416-p
24. Fisher R., Yuri U. Put' k soglasiyu, ili peregovory bez porazheniya: per. s ang. A. Gorelovoj; Predisl. V.A. Kremenyuka. M.: Nauka, 1992. 158 s.
25. Frajmann V.A., Sulyagina YU.O. Sushchnost' organizacionnyh konfliktov: problemnyj aspect. Sbornik trudov kafedry menedzhmenta i administrativnogo upravleniya. Moskva: Perspektiva, 2020. S. 13 – 22.
26. Frejd Z. Psihoanaliticheskie etyudy / sost. D.I. Donskoj, V.F. Kruglyanskij. Minsk: Popurri, 2010. 608 s.
27. Fromm E. CHelovek dlya samogo sebya. Issledovanie psihologicheskikh problem etiki: per. E.M. Spirovoj. M.: AST, 2010. 35 s.
28. Hasan B.I. Psihotekhnika konflikta i konfliktnaya kompetentnost'. Krasnoyarsk: Fond mental'nogo zdorov'ya, 1996. 157 s.
29. Horni K. Nashi vnutrennie konflikty: per. s angl. V. Starovojtovoij i dr. M.: Aprel'-Press: EKSMO-Press, 2000. 555 s.
30. SHEjnov V.P. Upravlenie konfliktami. Piter, 2019. 576 s.
31. SHibutani T. Social'naya psihologiya. Sokrashchennyj per. s angl. V.B. Ol'shanskogo; Obshch. red. i poslesl. prof. G.V. Osipova. Moskva: Progress, 1969. 534 s.

32. Yanbekova E.R. Vozrast i stazh raboty sotrudnikov kak faktory vzniknoveniya organizacionnyh konfliktov. Tradicionnye i novye social'nye konflikty v XXI veke: Sbornik materialov XIV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Sorokinskie chteniya – 2020», Moskva, 17-18 fevralya 2020 goda. Moskva: OOO "MAKS Press", 2020. S. 1279 – 1281.

33. Deutsch N. The constructive and destructive processes. New Haven and London 1973. P. 13 – 17.

34. Miller Neal Elgar Minor studies in aggression: The influence of frustrations imposed by the ingroup on attitudes expressed by the out-group. (with R. Bugelski). Journal of Psychology. 1948. № 25. P. 437 – 442.

*Nikonorova M.A., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.),
Kerch State Marine Technological University*

MANIFESTATION OF ORGANIZATIONAL CONFLICTS IN TRADE ORGANIZATIONS (SUPERMARKETS)

Abstract: the article deals with the problem of organizational conflicts in mixed type supermarkets and home appliances supermarkets. The article presents the results of an empirical study of the features of the manifestation of interpersonal conflicts among the personnel of trade organizations, between personnel and customers (customers) and between employees and managers (leaders) of the organization. The author has revealed the peculiarities in the representation of various types of organizational conflicts in supermarkets. The causes of conflicts at the level of the organization and at the level of the individual are also identified. The influence of organizational conflicts on the life of the personnel has been investigated. As for the prevention of conflicts in trade organizations (supermarkets), the author has established the main directions and forms of preventive work. The prospects for further research of the problem of conflicts in supermarkets are also outlined, namely, the study of the main components of the psychological readiness of the personnel of trade organizations to prevent conflicts. In general, the study showed the presence in supermarkets of various types of organizational conflicts, which are due to both organizational, professional and personal reasons, as well as the need for staff to provide psychological assistance in resolving organizational conflicts. In addition, it was shown that organizational conflicts are more expressed in supermarkets of mixed goods, compared with supermarkets of goods of the same type.

Keywords: conflict, organizational conflict, specificity of work, specialization, vertical conflict, horizontal conflict, clients, personnel, professional activity, behavior strategy, conflict generator, conflict prevention

*Самойленко Н.В., старший преподаватель,
Дьяченко Е.В., кандидат психологических наук, доцент,
Уральский государственный медицинский университет*

ОБРАЗ ПАЦИЕНТА – ЭКСПЛИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ

Аннотация: в статье представлены результаты исследования, в котором через изучение содержания семантического пространства образа пациента у студентов медицинского университета на разных этапах обучения было выявлено наличие внутрилличностного конфликта и состояния «интенсивной тревоги» обуславливающие процесс их профессиональной идентификации. Применен психосемантический подход, метод личностного семантического дифференциала, метод цветовых выборов. Изучение образа пациента как образа «Другого» в структуре образа мира студентов медицинского университета в показателях его содержания, строения и динамики позволит создать модель профессиональной идентичности студентов медицинских вузов, а также определить причины профессионального выгорания, эмоциональной истощенности при отсутствии профессиональной деятельности, склонности к авторитарной (патерналистской) модели взаимодействия с пациентами, повышенного эгоцентризма в процессе общения с пациентами.

Ключевые слова: образ пациента, профессиональная идентификация, будущие врачи

Введение

Неудовлетворенность населения качеством оказания медицинской помощи и решение государством данной проблемы через реализацию национальных проектов в практическом здравоохранении и медицинском образовании определили направление научного поиска: как можно решить актуальную проблему с позиций психологической науки; через какие психологические категории возможно изучение данной проблемы. Поиск ответов позволил выявить противоречие между требованиями, которые предъявляются к качеству оказываемой медицинской помощи и уровнем профессиональной готовности будущих врачей, действовать согласно требованиям, закрепленным в профессиональном стандарте врача-лечебника (врача участкового терапевта). Полагаем, что система профессионального медицинского образования (условия обучения профессии врача) существенно не изменилась за последние десятилетия. Возможно, причиной выявленного противоречия являются внутренние процессы профессионального становления личности студента медицинского университета, как специалиста, которые запускаются и/или актуализируются системой подготовки медицинских кадров для практического здравоохранения. В более ранних исследованиях было определено, что образ пациента – это динамическая составляющая образа «Другого» в структуре образа мира студентов медицинского университета, семантическое пространство которого имеет динамичное факторное строение, содержательно наполненное имплицитной системой значений, определяющей поведение будущего врача при взаимодействии с пациентом [3].

Теоретический анализ работ Л.Я. Дорфмана позволяет утверждать, что при обучении в медицинском университете образ пациента как образ «Другого» в структуре образа мира студента медицинского университета находится в непосредственной связи с представлениями о себе как будущем враче и будет являться предпосылкой становления и трансформации этих представлений, т.е. будет определять и направлять процесс профессиональной идентификации.

Идентификация (ср.-лат. *identification* – отождествление) – это отождествление, установление идентичности, т.е. тождества, полного сходства чего-либо с чем-либо [2]. В нашей работе профессиональная идентификация студента медицинского университета будет пониматься как процесс отождествления его с врачебной деятельностью, присвоение себе ролевой позиции врача, а профессиональная идентичность как результат данного процесса.

Методы и организация исследования

В исследовании приняли участие будущие врачи – студенты 1-го и 6-го курсов лечебно-профилактического факультета Уральского государственного медицинского университета г. Екатеринбурга, всего 387 человек. Из общего числа респондентов 78,2% – девушки, 21,8% – юноши в возрасте от 17 до 25 лет.

Важным критерием в выборе подхода и методов исследования было стремление выявить имплицитную, в большинстве случаев – неосознаваемую, открыто не декларируемую совокупность характеристик образа пациента. Для изучения субъективных семантических пространств, представляющих совокупность субъективных систем значений в отношении пациента, был применен

психосемантический подход. Методический инструментальный представлен биполярным личностным семантическим дифференциалом (В.П. Серкин, 2008), методом цветových выборов (Л.Н. Собчик, адаптированный вариант цветového теста М. Люшера). Методы обработки данных: факторный анализ (метод главных компонент, Varimax-вращение с нормализацией по Кайзеру), дескриптивный и сравнительный анализы (критерии Колмогорова-Смирнова).

Результаты и их обсуждение

В более ранних исследованиях было определено, что семантическое пространство образа пациента у студентов на начальном этапе обучения наполнено диффузными, разнонаправленными характеристиками пациента (добросовестный, пассивный, открытый,

отзывчивый, дружелюбный, энергичный, общительный, самостоятельный, непривлекательный, несправедливый, сильный и т.д.) [3]. На этапе завершения обучения в медицинском университете образ пациента упорядочен в форме типичного и идеального пациента. Выявлено, что данный образ пациента определяет поведение будущего врача при взаимодействии с пациентом как защитное, активизируя такие механизмы как доминирование, обесценивание, авторитарность [4].

Для проведения качественного анализа цветоассоциативных ответов проводилось сопоставление цветов, ассоциируемых респондентами с категорией «пациент», с их ранговым местом в ряду цветových предпочтений.

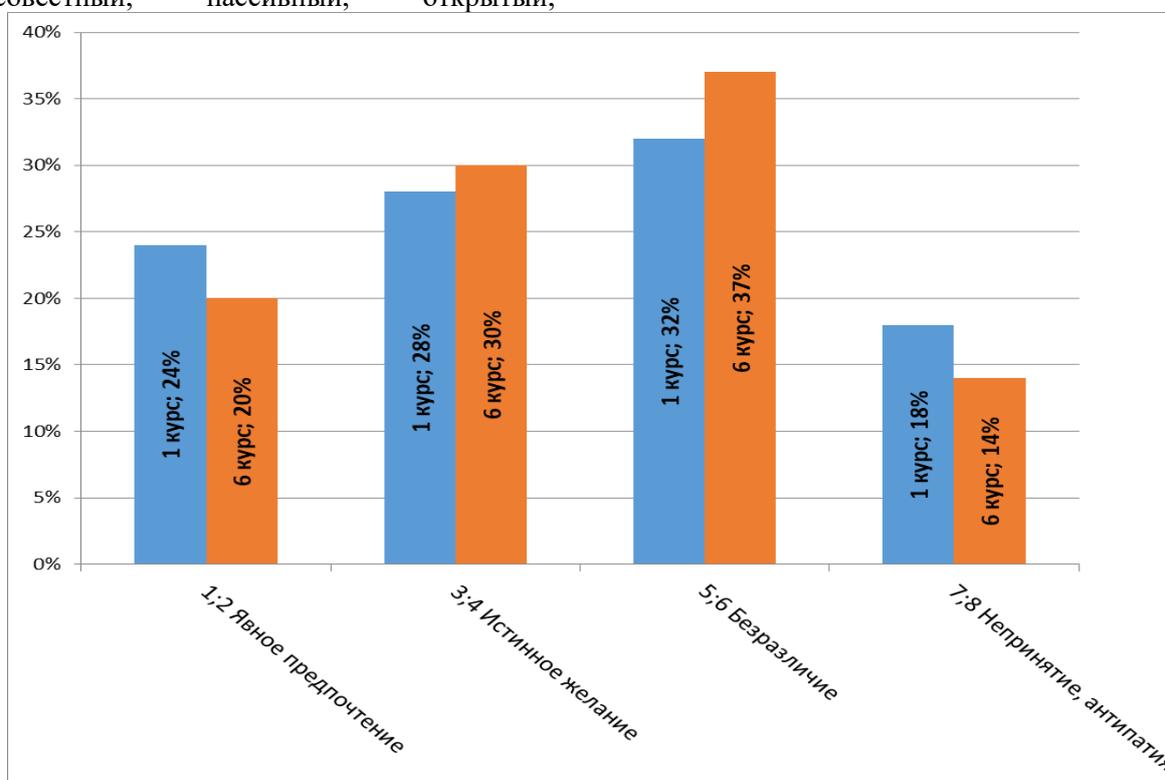

Рис. 1. Распределение категории «пациент» в ряду цветových предпочтений у студентов 1-го (синий цвет на графике) и 6-го (красный цвет на графике) курсов медицинского университета (по вертикальной оси % цветových выборов от всей выборки по курсам)

- 1,2 Явное предпочтение – первая и вторая позиции в цветovém выборе, представляют выраженную значимость категории для респондентов, определяют «основной способ действия» и цель
- 3,4 Истинное желание – третья и четвертая позиции в цветovém выборе определяют «образ действия», вытекающий из сложившейся ситуации
- 5,6 Безразличие – пятая и шестая позиции в цветovém выборе указывают на невостребованные в данный момент резервы, индифферентную зону, бездействующие свойства личности относительно категории «пациент»
- 7,8 Неприятие, антипатия – седьмая и восьмая позиции в цветovém выборе указывают на «подавленные потребности» или отвергаемое и избегаемое отношение к пациенту [5]

Из рис. 1 наглядно видно, что половина студентов располагают категорию «пациент» на 1 и 2 позициях, что можно рассматривать как положительное отношение к ней, а другая половина студентов готовы к проявлению отношения к пациенту в виде безразличия, неприятия и антипатии. Возникает правомерный вопрос, чем обусловлено размещение категории «пациент» на позиции в цветовом выборе, связанной с безразличием, неприятием и антипатией у большей части первокурсников в начале своего обучения, не имеющих в большинстве случаев опыта профессиональной деятельности, и выпускников – завтрашних врачей-лечебников?

Дальнейший анализ распределения цветовых выборов в соответствии с ранговым местом в ряду цветовых предпочтений позволил выявить у 70% первокурсников состояние «интенсивной тревоги», в терминах Л.Н. Собчик, связанного с утратой иллюзий, разочарованием, отсутствием энергии для проявления активной позиции в деятельности, невозможностью реализации потребности в самоутверждении. У 65% выпускников состояние «интенсивной тревоги» в терминах Л.Н. Собчик, связано не только с очевидным изменением в жизни (начало профессиональной деятельности), но и с наличием внутриличностного конфликта.

Теоретический анализ работ Л.Я. Дорфмана позволяет утверждать, что образ пациента, как образ «Другого» в структуре образа мира студентов медицинского университета, находится в непосредственной связи с представлениями о себе, как о будущем враче, является предпосылкой становления и трансформации этих представлений и позволяет эксплицировать процесс профессиональной идентификации [1]. Исходя из этого, было проанализировано распределение категории «врач» в ряду цветовых предпочтений по порядку выбора (позиция и порядок выбора цвета), что позволило описать характер внутриличностного конфликта или состояния «интенсивной тревоги» у студентов лечебно-профилактического факультета медицинского университета.

Для выявления статистических различий в распределении категорий «врач» и «пациент» в ряду цветовых предпочтений по порядку выбора (позиция и порядок выбора цвета) был применен критерий Колмогорова-Смирнова. Эмпирическое распределение данных категорий в соответствии с ранговым местом в ряду цветовых предпочтений среди первокурсников по 2-ой позиции и выбор фиолетового цвета имеют значимые отличия (табл. 1, 2).

Таблица 1

Распределение категорий «врач» и «пациент» в ряду цветовых предпочтений по позициям в выборе у первокурсников (n=342)

Позиции в цветовом выборе	Эмпирич. частоты (врач)	Эмпирич. частотность	Накопленная эмпирич. частотность	Эмпирич. частоты (пациент)	Эмпирич. частотность	Накопленная эмпирич. частотность	Разность эмпирич. частот (d)
1-предпочтение	188	0,55	0,55	116	0,34	0,34	0,21
2-истинное желание	109	0,32	0,87	103	0,3	0,64	0,23
3-безразличие	31	0,09	0,96	68	0,2	0,84	0,12
4-антипатия неприятие	14	0,04	1	55	0,16	1	0

Таблица 2

Распределение категорий «врач» и «пациент» в ряду цветовых предпочтений по выбору цвета у первокурсников (n=342)

Цвета	Эмпирич. частоты (врач)	Эмпирич. частотность	Накопленная эмпирич. частотность	Эмпирич. частоты (пациент)	Эмпирич. частотность	Накопленная эмпирич. частотность	разность эмпирич. частот (d)
1-синий	62	0,18	0,18	55	0,16	0,16	0,02
2-зеленый	75	0,22	0,4	65	0,19	0,35	0,05
3-красный	51	0,15	0,55	58	0,17	0,52	0,03
4-желтый	75	0,22	0,77	47	0,14	0,66	0,11

Продолжение таблицы 2

5-фиолетовый	51	0,15	0,92	38	0,11	0,77	0,15
6-коричневый	14	0,04	0,96	24	0,07	0,84	0,12
7-черный	11	0,03	0,99	55	0,16	1	0,01
0-серый	3	0,01	1	0	0	1	0

Данный эмпирический факт свидетельствует о разной выраженной значимости категорий «врач» и «пациент», т.е. выбора основного способа действия и целей в отношении них (табл. 1). Для категории «врач» преобладают действия, связанные с уходом от реальной действительности и иррациональностью притязаний, субъективизмом и эмоциональной незрелостью (в терминах Л.Н. Собчик) [5]. Процесс профессиональной идентификации протекает на фоне внутриличностного конфликта, состояние «интенсивной тревоги» у студентов первокурсников обосновано

идеализированными, иллюзорными представлениями о врачебной деятельности, которые в процессе обучения (производственная практика, учебные занятия на клинических базах и пр.) сталкиваются с реальной практикой работы медицинского специалиста, что продуцирует состояние внутриличностного конфликта.

Эмпирическое распределение категорий «врач» и «пациент» в соответствии с ранговым местом в ряду цветовых предпочтений среди выпускников по 4-ой позиции и выбор зеленого цвета имеют значимые отличия (табл. 3, 4).

Таблица 3

Распределение категорий «врач» и «пациент» в ряду цветовых предпочтений по позициям в выборе у выпускников (n=45)

Позиции в цветовом выборе	Эмпирич. частоты (врач)	Эмпирич. частотность	Накопленная эмпирич. частотность	Эмпирич. частоты (пациент)	Эмпирич. частотность	Накопленная эмпирич. частотность	Разность эмпирич. частот (d)
1-предпочтение	23	0,51	0,51	9	0,2	0,2	0,31
2-истинное желание	8	0,18	0,69	13	0,29	0,49	0,2
3-безразличие	14	0,31	1	16	0,36	0,85	0,15
4-антипатия неприятие	0	0		7	0,15	1	1

Таблица 4

Распределение категорий «врач» и «пациент» в ряду цветовых предпочтений по выбору цвета у выпускников (n=45)

Цвета	Эмпирич. частоты (врач)	Эмпирич. частотность	Накопленная эмпирич. частотность	Эмпирич. частоты (пациент)	Эмпирич. частотность	Накопленная эмпирич. частотность	Разность эмпирич. частот (d)
1-синий	15	0,33	0,33	6	0,13	0,13	0,2
2-зеленый	14	0,31	0,64	11	0,24	0,37	0,27
3-красный	4	0,09	0,73	9	0,2	0,57	0,16
4-желтый	5	0,12	0,85	2	0,04	0,61	0,24
5-фиолетовый	2	0,04	0,89	3	0,07	0,68	0,21
6-коричневый	1	0,03	0,92	5	0,12	0,8	0,12
7-черный	2	0,04	0,96	0	0	0,8	0,16
0-серый	2	0,04	1	9	0,2	1	0

Данный эмпирический факт свидетельствует о разной выраженной значимости данных категорий, т.е. в отношении пациента выпускники склонны к проявлению антипатии, неприятия

(табл. 3). В отношении категории «врач» преобладают действия, связанные с ригидно-интровертными тенденциями в отстаивании собственной позиции, оборонительность и агрессивность

защитного характера, связанных с накопленной напряженностью (в терминах Л.Н. Собчик) [5]. Эти внутриличностные процессы актуализируют у будущих врачей, выявленные в более ранних исследованиях защитные механизмы поведения в форме доминирования, обесценивания, авторитарности, вытеснения неприятных эмоций, связанных с образом пациента, имплицитно наделенного негативными характеристиками и связанного с отрицательной модальностью эмоций.

Выводы

Идеализированные, иллюзорные представления о врачебной деятельности у первокурсников продуцируют у них состояние «интенсивной тревоги» и внутриличностного конфликта в столкновении с реальной практикой работы медицинского специалиста в процессе обучения (производственная практика, учебные занятия на клинических базах и пр.). У выпускников же состояние «интенсивной тревоги» связано с противоположными, разнонаправленными тенденциями в процессе отождествления себя с врачебной деятельностью, который протекает на фоне

проявления антипатии и неприятия образа пациента, как образа «Другого» в структуре своей личности.

Принятие роли врача и идентификация с ней требует от студентов медицинского университета (на примере студентов лечебно-профилактического факультета) на разных этапах обучения большого напряжения, защиты и ресурса в процессе профессиональной идентификации. Деструктивная ролевая идентификация актуализирует у будущих врачей защитные механизмы поведения в форме доминирования, обесценивания, авторитарности, вытеснения неприятных эмоций, связанных с образом пациента.

Таким образом, изучение содержания семантического пространства образа пациента у студентов медицинского университета на разных этапах обучения позволяет эксплицировать процесс профессиональной идентификации, который требует от будущих врачей большого напряжения, защиты и ресурса, так как протекает на фоне внутриличностного конфликта.

Литература

1. Dorfman Л.Я., Соболева Н.В. Полиmodalность Я и грани самоактуализации // Практическая психология. Екатеринбург: Уральский гос.пед. Ун-т, 2000. Т. 3. С. 22 – 27.
2. Миронова С.П. Профессиональная идентификация личности: постановка проблемы и определение понятия // Образование и наука. 2008. № 4 (52).
3. Самойленко Н.В., Дьяченко Е.В. Образ пациента как составляющая образа мира студентов при обучении в медицинском вузе // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 122 – 138. DOI 10.17759/psyedu.2020120109.
4. Самойленко Н.В., Дьяченко Е.В. Отношение к пациенту у выпускников медицинского вуза в контексте пациент-ориентированной модели медицинской помощи // Психология XXI века: актуальные вызовы и достижения: сборник статей участников международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 22-24 апреля 2019 года / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт". 2020. С. 206 – 216.
5. Собчик Л.Н. Метод цветочных выборов – модификация восьмицветового теста Люшера: Практическое руководство. СПб.: Речь, 2016. 128 с. (Практикум по психодиагностике). ISBN 978-5-9268-2247-9

References

1. Dorfman L.YA., Soboleva N.V. Polimodal'nost' YA i grani samoaktualizacii. Prakticheskaya psihologiya. Ekaterinburg: Ural'skij gos.ped. Un-t, 2000. T. 3. S. 22 – 27.
2. Mironova S.P. Professional'naya identifikaciya lichnosti: postanovka problemy i opredelenie ponyatiya. Obrazovanie i nauka. 2008. № 4 (52).
3. Samojlenko N.V., D'yachenko E.V. Obraz pacienta kak sostavlyayushchaya obraza mira studentov pri obuchenii v medicinskom vuze. Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya. 2020. T. 12. № 1. S. 122 – 138. DOI 10.17759/psyedu.2020120109.
4. Samojlenko N.V., D'yachenko E.V. Otnoshenie k pacientu u vypusknikov medicinskogo vuza v kontekste pacient-orientirovannoj modeli medicinskoj pomoshchi. Psihologiya XXI veka: aktual'nye vyzovy i dostizheniya: sbornik statej uchastnikov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh, Sankt-Peterburg, 22-24 aprelya 2019 goda. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. Sankt-Peterburg: ООО "Skifiya-print". 2020. S. 206 – 216.
5. Sobchik L.N. Metod cvetovyh vyborov – modifikaciya vos'micvetovogo testa Lyushera: Prakticheskoe rukovodstvo. SPb.: Rech', 2016. 128 s. (Praktikum po psihodiagnostike). ISBN

*Samoilenko N.V., Senior Lecturer,
Dyachenko E.V., Candidate of Psychological
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Ural State Medical University*

THE PATIENT'S IMAGE AS AN INDICATOR OF THE PROFESSIONAL IDENTIFICATION OF FUTURE DOCTORS

Abstract: the article presents the results of a study in which, through the study of the content of the semantic space of the patient's image among students of a medical university at different stages of training, the presence of an intrapersonal conflict and a state of "intense anxiety" that determined the process of their professional identification was revealed. The psychosemantic approach, the method of personal semantic differential, the method of color choices are applied. The study of the patient's image as the image of the "Other" in the structure of the image of the world of students of a medical university in terms of its content, structure and dynamics will allow, in our opinion, to create a model of professional identity of students of medical universities, as well as to determine the causes of professional burnout, emotional exhaustion in the absence of professional activity, a tendency to an authoritarian (paternalistic) model of interaction with patients, increased egocentrism in the process of communicating with patients.

Keywords: patient image, professional identification, medical students

*Селукова Н.С., аспирант,
Нижегородский государственный педагогический
университет им. Козьмы Минина*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА КАК УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: в данной статье раскрывается опыт формирования профессионального общения у студентов дошкольного и начального школьного образования в процессе обучения в ВУЗе. Проведен анализ различных подходов к изучению педагогического общения, рассмотрены вопросы и значение коммуникативной составляющей в структуре педагогической деятельности. Особое внимание уделяется изучению различных научных концепции стилей педагогического поведения. Автором статьи раскрывается поэтапная подготовка будущего специалиста, обеспечивающая развитие личности, характеризующейся: высокой активностью и социальной ответственностью, любовью к детям, высоким профессионализмом, стилем научно-педагогического мышления, личностно- ориентированного общения, потребностью в постоянном самообразовании. Исходя из произведенного анализа, сделан вывод об актуальности формирования профессионального общения. Обосновывается, что это будет в свою очередь способствовать совершенствованию качества образования.

Данный обзор может быть использован для работы со студентами – будущими педагогами всех профилей подготовки.

Ключевые слова: коммуникация, качество образования, профессиональное общение, будущий педагог

Введение

Значительная актуализация трудности подготовки молодых специалистов дошкольного и начального школьного образования вызвана социальными изменениями, направлением сознания общественности на формы внесемейного воспитания и обучения подрастающего поколения.

Небезуспешность содержательного преобразования деятельности дошкольных организаций связывается с функцией становления профессиональной идентичности, т.е. развития у студентов соразмерной инновативным тенденциям концепции личности педагога – профессионала на основе единства практики и научной теории. Анализ функционирующей в настоящее время практики вузовской подготовки будущих педагогов свидетельствует об отсутствии целостной системы формирования коммуникативных качеств, необходимых для успешной самореализации педагога в сфере профессионального общения [1].

Молодые специалисты зачастую испытывают коммуникативные проблемы при началах становлении своей профессиональной деятельности, при этом образовательные учреждения стали предъявлять к молодому педагогу завышенные ожидания, сама образовательная среда характеризуется сложностью организации, насыщенностью профессиональной деятельности, наличием проблемы взаимодействия с участниками образовательного процесса. Современные дети отличаются независимостью, спонтанностью поведения, зачастую отсутствием авторитетов.

Проблема профессионализма в работе начинающего педагога связывается с осознанием и переоценкой его собственного личностного опыта, который в значительной степени определяет качество воспитания и образования. В этой связи не случайно усилено внимание к проблеме личности воспитателя, к вопросам рефлексии собственных мыслей, переживаний, поступков, готовности и умения работать над собой.

Основные положения, организация и содержание профессиональной подготовки будущего педагога раскрыты в работах В.А. Слостенина, Л.Ф. Спирина, Ю.К. Бабанского и др.

Вопросы и роль становления профессионального общения в структуре педагогической деятельности педагога рассмотрены в трудах А.В. Мудрика, В.А. Кан-Калика, А.А. Леонтьева, А.К. Марковой, Н.В. Кузьминой и др.

В ряде педагогических исследований раскрыты отдельные закономерности развития у будущих педагогов различных составляющих коммуникативной культуры (С.В. Кондратьева, Д.А. Белухин, М.И. Рожков и др.).

В то же время недостаточно исследована проблема индивидуально-ориентированного подхода ко всем участникам воспитательно-образовательного процесса [2].

Методология и методы исследования

Методологическим основанием исследования явились компетентностный и деятельностный подходы.

В своем исследовании мы полагаемся на научные принципы о гуманизации образовательного

процесса, отражение которых можно найти еще в трудах Л.Н. Толстого и Ж.Ж. Руссо, на обязательное присутствие личностно-ориентированного подхода к ребенку, наличия уважения к мнению, взглядам, интересам ребенка в его воспитании и образовании. На концептуальные взгляды в педагогической работе А.А. Вербицкого, Е.В. Бондаревской, В.В. Серикова; основные положения становления личности педагога в работах Сластенина В.А., Архангельского С.И., Кузьминой Н.В, Мудрик А.В. Также опирались на основные психологические положения А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, А.В. Петровского о роли общения в организации жизнедеятельности личности и на основную концепцию педагогических основ координации социальной координации Л.В. Байбородовой. Значимы в исследовании оказалась концепция творчества педагогов и учащихся В.И. Андреева; теорию активности, как первостепенного проявления жизни и деятельности индивида А.В. Петровского, Л.С. Выготского, Н.Д. Добрынина, А.Н. Леонтьева [3].

Исследование базируется также на социально-психологической концепции К.Г. Юнга о индивидуальных особенностях в коммуникации и на психолого-педагогические концепции В.А. Кан-Калика, В.А. Сластенина о развитии индивидуальных профессионально-педагогических навыков. Б.Г. Ананьев, М.И. Лисина, И.Ю. Кулагина и др. рассматривают общение как специфический вид деятельности; Б.Ф. Ломов, А.А. Бодалев, О.В. Суворова, А.В. Петровский видят в нем процесс субъект-субъектного взаимодействия. Андреева Галина Михайловна в своих многочисленных трудах рассматривает общение как сложное разностороннее явление с трех аспектов и с точки зрения кооперации и конкуренции. «Человек познает самого себя через другого с помощью определенных механизмов перцепции, к которым относятся: идентификация, стереотипизация, эмпатия, аттракция, рефлексия и каузальная атрибуция» [4].

При всей абсолютной трансцендентальной и прагматической важности данных научных исследований, в психолого- педагогической науке еще недостаточно фактического материала, необходимого для создания целостной системы формирования навыков индивидуально-ориентированного подхода ко всем участникам воспитательно-образовательного процесса.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим более подробно формирование профессионального общения у будущих педагогов на примере подготовки специалистов по дошкольному и начальному школьному образованию в нашем вузе.

Подготовка специалиста должна обеспечивать

поэтапное становление личности педагога, характеризующегося такими качествами как: активность и социальная ответственность, мастерство, любовь к детям, преобладание личностно- ориентированного общения при взаимодействии с социальным окружением, тяготению к постоянному саморазвитию.

1 этап: учебно-ознакомительная практика, при прохождении которой происходят первые профессиональные пробы студентов. В данной практике студенты обучаются использованию технологий создания воспитывающей образовательной среды, формированию умения выявлять трудности в обучении и корректировать пути достижения образовательных результатов; формированию умения организовывать образовательную среду в соответствии с правовыми и этическими нормами профессиональной деятельности.

2 этап: теоретический, с целью найти ответы на волнующие студентов вопросы после прохождения практики, анализ причин того, почему появились затруднения в общении с детьми.

3 этап: Производственно-педагогическая практика. В процессе прохождения которой происходит становление, закрепление у учащихся системы профессиональных знаний, умений, навыков, необходимых педагогу для выполнения его обязанностей; планирование и осуществление учебно-воспитательного процесса с опорой на познания основополагающих закономерностей возрастного развития познавательной и личностной сфер учащихся, также овладение студентами способами и тактикой коммуникаций, обеспечивающих принятие личностно-ориентированного взаимодействия с ребёнком; создание обстановки эмоционального благополучия детей; освоение отношений сотрудничества с родителями в вопросах воспитания детей.

Поскольку обучение в высшей школе преимущественно происходит на двухпрофильном бакалавриате, содержание подготовки необходимо осуществлять к каждому виду профессиональной деятельности, и развитие педагогического общения в частности.

Так, на практических занятиях большая речевая активность приходит на долю обучающихся. Помимо обсуждения вопросов по той или иной теме, со студентами проводятся различные формы организации на занятиях, это работа в парах, малыми группами, учащиеся приходят к определенным выводам во время дискуссий, решение кейсов, обсуждение педагогических ситуаций, работа над проектами, тематические учебные конференции, диспутов. При этом работа проходит группами как постоянного, так и временного состава, в зависимости от содержания и характера предстоящей

работы.

В процессе изучения дисциплины Театральная педагогика студенты поглощаются в атмосферу творчества, развития креативного мышления, воображения, и самое главное развитие умения общаться, находить выходы из сложных педагогических ситуаций. Преодолевают страх выступления перед большой аудиторией, также работаем над развитием эмоциональной сферы, положительного настроения на профессию педагог и в целом положительного отношения к жизни и всему происходящему вокруг. Хочется отметить положительный эффект использования в работе со студентами коммуникативных тренингов, изучение техник слушания. Они проводятся как на занятиях, так и на кураторских часах. У учащихся, с которыми проводится данная работа, отмечаются развитие умения слушать и слышать, договариваться, общаться без конфликтов, отсутствие страха перед новыми знакомствами и т.д. Производственная педагогическая практика в школе и в детском саду, отзывы учителей и воспитателей, кураторов, говорят о том, что у студентов данного направле-

ния коммуникативная компетенция развита, проведение уроков студентами происходит на более высоком уровне. Защита курсовых и дипломных работ проходят преимущественно блестяще, на высоком квалифицированном уровне.

4 этап: Теоретико-рефлексивный этап. На данном этапе происходит оценка собственной педагогической деятельности с точки зрения ее соответствия требованиям стандарта.

Заключение

Таким образом, формирование профессионального общения у будущего педагога является одним из необходимых условий повышения качества современного образования. Профессиональное общение является одним из главных факторов выявления и раскрытия всех сторон личности, развития ее самосознания. В процессе общения со всеми участниками воспитательно-образовательного процесса, умело проводя рефлексию, анализируя, и студент, и педагог обнаруживают потребность в аффилиации, в самосовершенствовании и реализуют данную потребность в процессе саморазвития.

Литература

1. Беркалиев Т.Н. Развитие образования: опыт реформ и оценки прогресса школы. СПб., 2019. Ильин Е.Н. Искусство общения. М.: Педагогика, 2016. 112 с.
2. Иванова С.В. Гуманизация образования: цели, задачи и условия // Ценности и смыслы, 2010. № 2 (5). С. 106.
3. Ситникова М.И. Профессионально-педагогическая самореализация преподавателя высшей школы: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.
4. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник. М., 2003.

References

1. Berkaliyev T.N. Razvitiye obrazovaniya: opyt reform i ocenki progressa shkoly. SPb., 2019. Il'in E.N. Iskusstvo obshcheniya. M.: Pedagogika, 2016. 112 s.
2. Ivanova S.V. Gumanizatsiya obrazovaniya: celi, zadachi i usloviya. Cennosti i smysly, 2010. № 2 (5). S. 106.
3. Sitnikova M.I. Professional'no-pedagogicheskaya samorealizatsiya prepodavatelaya vysshej shkoly: monografiya. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2007.
4. Andreeva G.M. Social'naya psihologiya: uchebnik. M., 2003.

*Selukova N.S., Postgraduate,
Nizhny Novgorod State Pedagogical
University named after Kozma Minin*

**FORMATION OF PROFESSIONAL COMMUNICATION OF
THE FUTURE TEACHER AS A CONDITION FOR
IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION**

Abstract: this article reveals the experience of forming professional communication among students of preschool and primary school education in the process of studying at a university. The analysis of various approaches to the study of pedagogical communication is carried out, the issues and the importance of the communicative component in the structure of pedagogical activity are considered. Special attention is paid to the study of various scientific concepts of styles of pedagogical behavior. The author of the article reveals the step-by-step training of a future specialist, ensuring the development of a personality characterized by: high activity and social responsibility, love for children, high professionalism, style of scientific and pedagogical thinking, personality-oriented communication, the need for constant self-education. Based on the analysis, the conclusion is made about the relevance of the formation of professional communication. It is proved that this will in turn contribute to improving the quality of education.

This review can be used to work with students – future teachers of all training profiles.

Keywords: communication, competence, speech, pedagogical communication, student

*Лосев В.Р., кандидат медицинских наук, доцент,
Гун Г.Е., доктор медицинских наук,
профессор, заслуженный врач РФ,
Мурманский арктический государственный университет*

ГОТОВНОСТЬ К СЛУЖБЕ В АРМИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Аннотация: в современных условиях, когда решается проблема профессионализации личного состава Вооруженных Сил РФ, с 2008 года Указом Президента Российской Федерации срок службы в армии сокращается до одного года, значительно возрастает роль и значение совершенствования процесса допризывной подготовки школьников. Существующая в настоящее время система подготовки школьников допризывного возраста к военной службе не отвечает современным требованиям и не способна в полной мере обеспечить Вооруженные Силы России подготовленными призывниками. В системе просвещения уделяется недостаточное внимание и в основном допризывная подготовка сводится к учебному курсу ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности), в котором явно мало уделяется внимание формированию готовности юношей к службе в Вооруженных Силах России. В связи с этим возникает острая необходимость усиления допризывной подготовки учащихся старших классов в процессе физического и нравственного воспитания в школе и семье, который позволяет целенаправленно воздействовать и педагогически управлять формированием готовности к службе в армии юношей допризывного возраста. Можно констатировать наличие научной проблемы по активизации подготовки к службе в армии школьников допризывного возраста, что и обусловило выбор проектов исследовательской работы «здоровая семья – успешное поколение», «создание условий для формирования эмоциональной и нравственной культуры обучающихся».

Ключевые слова: модель, физическое воспитание, готовность к службе в армии, физическая подготовка, эмоциональная и нравственная культура

Рассматривая проблемы готовности подростков к службе в армии, мы понимаем, что армии для создания боеспособных подразделений нужны умные, здоровые, волевые, готовые выполнить свой конституционный долг призывники. Для этого необходим вдумчивый анализ серьезных проблем воспитания подростка в семье и школе. Нами в рамках общей для школ программы «Здоровьесозидающая среда современной школы как фактор достижения новых образовательных результатов», было реализовано пять проектов. Из них наиболее актуальными два проекта: рассматривающих основные направления, касающиеся эмоциональной и нравственной культуры обучающихся и здоровая семья – успешное поколение, наиболее отражающие суть рассматриваемой нами темы. (Распоряжение Комитета общего и профессионального образования ЛО от 18.12.2018 №2756-р утвердившего программу и два этих проекта).

Согласно многочисленным исследованиям проводимых в последние годы и нами в том числе, были получены тревожные данные с показателями здоровья подрастающего поколения. Меняющиеся требования и мероприятия не дали достаточного и стойкого эффекта в улучшении этих показателей.

За последние годы произошло значительное снижение доли здоровых детей. Их число в разных регионах колеблется от 4% до 10%. Не более 30% новорожденных можно считать здоровыми. За последние 5 лет общая заболеваемость новорожденных выросла на 32,3%. Не лучше ситуация со здо-

ровьем студентов – до 80% имеют низкие резервы физического и психического потенциала. «Мы сталкиваемся с крайне тревожными тенденциями: в 14 лет две трети детей России уже имеют хронические заболевания, у половины – нарушения в сердечно-сосудистой и дыхательной системах; до 40% призывников не в состоянии выполнить минимальные нормативы физической подготовки военнослужащих» (В.В. Путин, 13.03.2013).

Рассматривая два основных социальных института: школу, где должна проводиться целенаправленная работа по профилактике «болезней поведения» путем создания здоровьесозидающей среды как системы, лежащей в основе охраны здоровья обучающихся, регламентируемой основными нормативно-правовыми документами и семьей [2]. Где семья является важнейшим социальным институтом воспитания с последующей социализацией жизнедеятельности ребенка, не смотря, на попытки дискредитации семьи во многих странах. В семье закладываются основы воспитания и формируются основные резервы сил здоровья. В последние годы и связанными с ними проблемами в семейном воспитании, снижена ответственность за будущее поколение, что отрицательно сказывается на формировании мировоззрения подростка. Родители – первые воспитатели и учителя ребенка, поэтому их роль в формировании его личности огромна.

Многие родители пытаются переложить ответственность за воспитание на школу, сдавая ребён-

ка на 11 лет, как «чемодан в камеру хранения». Это отрицательно стало сказываться на формировании их отношение к окружающему миру и ответственного поведения подростков.

Материалы и методы

При проведении данного исследования были использованы методы экспериментально-теоретического уровня, базируясь на собранных в ходе работы материалах и сделанных нами выводах. В качестве испытуемых выступили инновационные площадки образовательных организаций Ленинградской области (утвержденные областным Координационным Советом) [4].

Переход из гражданской среды в армейскую предьявляет подростку особые требования к соблюдению дисциплины, быть организованным, собранным и беспрекословно соблюдать приказы. В меняющейся среде важную роль играет готовность подростка к, обещающихся в кадетских классах к новым условиям, возможную адаптацию к которым были заложены в семье и школе. Это готовность, определяющаяся важной ролью эмоциональной и нравственной культуры психологической готовности к военной службе в процессе обучения в школе и их адаптации к успешности выполнения воинского долга.

Разработанные нами методики, для оценки эмоционального компонента может быть использован в мониторинговых исследованиях для диагностики, анализа и прогноза дальнейшей деятельности обучающихся.

Результаты

В результате работы над проектом были получены образовательные результаты:

- осознание коллективом школы необходимости построения в ОО здоровьесозидающей среды, внедрения новых здоровьесозидающих технологий, изменение школьного уклада жизнедеятельности и формирование культуры здоровья у субъектов образования;
- создание системы непрерывной воспитательной работы, направленной на формирование эмоциональной и нравственной культуры обучающихся;
- уровни: мировоззрения в отношении ценности здоровья, понимания необходимости ведения здорового образа жизни;
- создание ценностно-ориентационного пространства здорового образа жизни путем интегративной модели здоровьесозидания;
- приобретение опыта решения проблем через творческую деятельность;

- приобретение навыков сотрудничества с людьми разных возрастных категорий;
- умение оценивать свои поступки и принимать верные решения;
- решение задач реальных жизненных ситуаций;
- внедрение систем динамического наблюдения за здоровьем обучающихся.

Разработан и внедрен паспорт здоровья для каждого класса, обладающий обширной информацией, позволяющий отслеживать динамику состояния здоровья обучающихся. Паспорт храниться в папке классного руководителя и дублируется в электронном варианте в методическом кабинете;

развитие социальной активности и творческой деятельности обучающихся посредством их включения в разнообразную досуговую деятельность.

Были дополнены и разработаны школьные локальные акты.

С целью формирования культуры здоровья обучающихся, способствующей воспитанию основ развития личности, гражданственности, сформированности здорового образа жизни в школе введено нелинейное, динамическое расписание школьных занятий (урочной и внеурочной деятельности), что является условием реализации образовательной программы в соответствии с требованиями ФГОС58. Таким образом, были внесены изменения в Календарный график учебных занятий обучающихся ОО на учебный год и в Правила внутреннего распорядка обучающихся ОО.

С целью повышение качества и доступности образовательной деятельности за счет интеграции и использования ресурсов организаций-партнеров в школе разработано Положение о сетевой форме реализации образовательных программ.

За 2018-2021 учебные годы проведена значительная работа, направленная на получение новых образовательных результатов, включающих основы здорового образа жизни, реализуемой подпрограммой «Здоровье», существенно влияющей на формирования мировоззрения, основанного на ценности здоровья и развития личности в целом.

В связи с чем были разработаны соответствующие локальные акты:

Создана и внедрена интегративная модель здоровьесозидания, включающая формирование духовно-когнитивного, физического здоровья и блоки здоровьесозидания, координирующая деятельность образовательной организации и позволяющая корректировать управленческие решения.

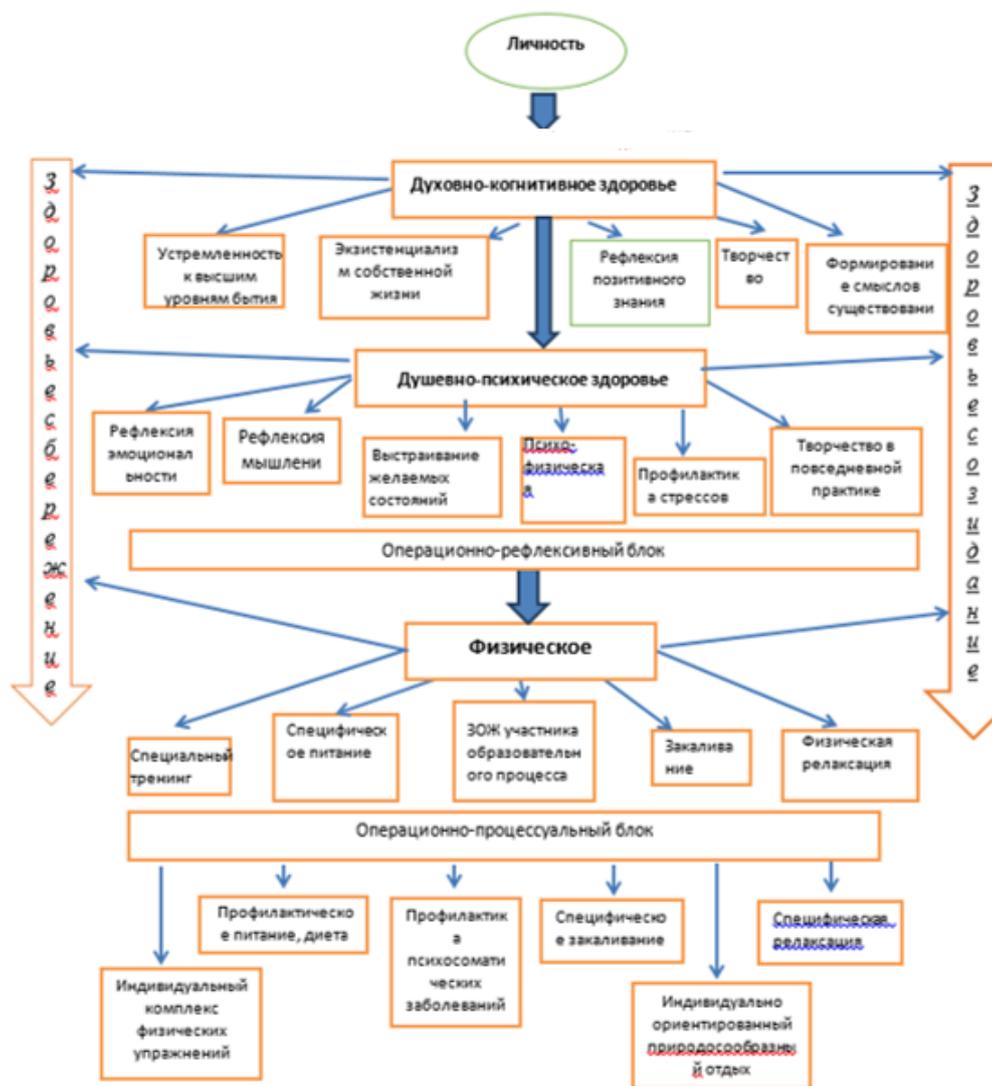

Рис. 1. Интегративная модель здоровьесозидания

Внедрены приемы ситуаций успеха, как педагогический приём в современной образовательной практике – это результат совместной деятельности субъектов образования.

Воспитание происходит в результате ежедневного кропотливого труда.

В ходе реализации программы инновационной деятельности педагогическим коллективом накоплен эксклюзивный опыт: педагоги школы создают всем обучающимся ситуацию психологического комфорта, помогают выбрать правильный образовательный маршрут после окончания основной и средней школы, обеспечивая тем самым социализацию выпускников. Проводился системный мониторинг, динамическое наблюдение всех участников образовательного процесса.

В течение всего периода проводились многочисленные диагностики, анкетирования, мониторинги состояния здоровья обучающихся. Как результат работы наблюдается снижение заболеваемости обучающихся на 10%, увеличение количе-

ства обучающихся, относящихся к I группе здоровья на 15-20%, снижение уровня школьной тревожности и дезадаптации.

Проблемы здоровья участников образовательного процесса обсуждаются на педагогических советах, научно-практических конференциях, родительских собраниях, идёт непрерывное здоровьесозидающее образование и пропаганда здорового образа жизни среди обучающихся и их родителей. Информация о ЗОЖ распространяется через школьный сайт, школьную газету, телевидение и социальные сети.

В 2021 году МБОУ «КСОШ №6» включена в Перечень образовательных организаций Ленинградской области как школа со стабильно высокими образовательными результатами, обладающая высоким потенциалом для достижения высоких академических результатов обучения и лидерскими практиками в конкурсно-олимпиадном движении (Распоряжение комитета общего и професси-

онального образования Ленинградской области от 10 августа 2021 №2231-р)

В идею проекта: «здоровая семья – успешное поколение» – заложены взаимодействия коллектива школы и родителей в формировании ЗОЖ, являющегося главным рычагом первичной профилактики в укреплении здоровья населения через изменение стиля и уклада жизни, его оздоровление с использованием гигиенических знаний, направленных на формирование полезных привычек, преодолением гиподинамии и других сторон, связанных с жизненными ситуациями включая основные ценности человека, где большое внимание надо уделять формированию сознания личности как общественной единицы и особое место отводить соблюдению распорядка дня, рациональному питанию, искоренению вредных привычек, оптимальному двигательному режиму, физическим упражнениям.

Укрепление здоровья обучающихся будет способствовать повышению успеваемости, эффективности образовательной деятельности, улучшению психологического комфорта в образовательном учреждении.

Залогом успешной здоровьесозидающей деятельности обучающихся является сотрудничество всех социальных институтов, где главенствующая роль принадлежит семье, школе и организации досуговой деятельности. Исходя из длительного опыта работы, мы пришли к выводу, что только в сотрудничестве с родителями и без их более активного включения в образовательную деятельность мы не сможем выйти на новые образовательные результаты так как семья оказывала и продолжает оказывать значительное влияние на процесс развития личности ребёнка, включая решение проблемы сохранения здоровья детей.

Мы считаем, что без желания родителей заниматься любым вопросом учебно-воспитательного процесса, без их активного участия в проектах образовательного учреждения не произойдет никаких положительных изменений. Родители – это решающий голос во многих вопросах.

Доступное и понятное решение вопросов об укреплении здоровья мы видим через внеурочную деятельность. Родители более охотно включаются в такую деятельность, так как у них уже приобретен опыт внеклассных мероприятий в детском саду, это более доступно и понятно.

В связи с этим, сегодня перед школой стоит задача создать такую модель, при которой вектор будет направлен на создание здоровьесозидающей образовательной среды, включающий выдвижение инновационных педагогических идей, на основе приемлемых средств коммуникаций в соответствии с требованиями ФГОС. Необходимо пере-

строить стереотипы мышления педагогов на включение родителей на более их активное участие педагогическую деятельность. Ключевой фигурой, способной изменить ситуацию в организации системы по сохранению и укреплению здоровья обучающихся, формирование у них потребности в ЗОЖ является педагог.

Работа школ начиналась с стартовой диагностики и выявлении причин и противоречий с которыми мы сталкиваемся:

Отсутствие в обществе ценностного отношения к своему здоровью и здоровью своих детей.

Отсутствие реальной работы по созданию здоровьесозидающего пространства в ОО, вследствие формального подхода к здоровьесозиданию учащихся со стороны педагогов.

Нерациональное использование материальных средств. И, как следствие, несоответствие инфраструктуры ОО целям здоровьесозидания (питание, водоснабжение, двигательная активность, работа с родителями). Отсутствие необходимого инструментария оценки здоровьесозидающей деятельности. Значительное количество семей, испытывающих потребность в здоровом образе жизни и в то же время высоком проценте родителей, которые по различным причинам отказываются от вакцинации и не понимающих важность профилактических мероприятий.

Проводимый нами комплекс мероприятий, направленный на улучшение взаимодействие родителей и педагогов дал возможность осознать родителям необходимость приобретения новых знаний для формирования и развития здоровой и полноценной личности, а также формирует у них потребность корректировать свой стиль жизни.

Цель нашего проекта: создание комплексной модели «Центр Здоровья», в которой семья – главный показатель здорового образа жизни, более их активном участии в совместной со школой деятельности в сопровождении профилактических программ; проведение массовых мероприятий по охране здоровья; внедрение новых технологий; информационное обеспечение населения в вопросах формирования здорового образа жизни.

Задачи данного проекта вооружить родителей теоретическими представлениями о культуре здоровья, проведением тематических занятий, обмен опытом воспитания детей в семье; родительские собрания как классные так и общешкольные.

Педагогическая целесообразность комплексной системы мероприятий заключалась в использовании традиционных и нетрадиционных форм; методов и технологий формирования мотивации здорового и безопасного образа жизни, в том числе и школьного спортивного клуба «Лидер».

Данные итогового анкетирования родителей показали изменение этой позиции, определив роль семьи первостепенной при формировании ценности здорового и безопасного образа жизни.

Необходимым звеном в работе была организация аналитико-диагностической деятельности. Проведение мониторинга здоровьесозидающей деятельности заключалось в необходимости выявления перспектив повышения профилактической деятельности в процессе реализации проектных мероприятий обеспечивающих внедрение ценностных ориентаций ЗОЖ у обучающихся, педагогов и родительской общественности.

По итогам медицинского мониторинга здоровья обучающихся выявлено, что в связи с активизацией медико-социально-психологической помощи деятельности центра «Здоровья» снизился уровень кол-ва обучающихся, групп «часто болеющих» на 35%, родители серьёзнее стали относиться к диагностике, профилактике заболеваний и своевременном устранении проблем с здоровьем.

Анализируя данные мониторингов по формированию здорового образа жизни и уровню сформированности культуры здоровья родителей и обучающихся, следует отметить, что родители достаточно серьёзно относятся к формированию здорового образа жизни своих детей и не снимают с себя этой ответственности.

Данные промежуточные и окончательные пока-

зали, как корректируется мнение субъектов образования в лучшую сторону в сторону совместной деятельности.

89% опрошенных родителей считают, что получили достаточно разносторонние знания в области ЗОЖ.

87% родителей отмечают непосредственное активное участие педагогического коллектива в формировании здоровья их детей и удовлетворены здоровьесозидающей работой образовательной организации.

Удовлетворенность качеством образования, применением здоровьесозидающих технологий всех участников образовательного процесса достигла 95%.

Произошло снижение заболеваемости и количества пропусков занятий по болезни и функциональной напряженности обучающихся на 50%.

Не выявлено правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних связанных с употреблением психоактивных веществ.

Увеличение количества финансовых средств, расходуемых ОО на оптимизацию здоровьесозидающей деятельности на 50%.

Проводимые мероприятия обнадеживают нас в том, что изменение стереотипов мышления у потенциальных призывников, позволит им достойно ассимилироваться в среду военнослужащих.

Литература

1. Айзман Р.И. Здоровье участников образовательного процесса как критерий эффективности здоровьесберегающей деятельности в системе образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 5 (26). С. 72 – 82.
2. Айзман Р.И., Лебедев А.В., Айзман Н.И., Рубанович В.Б. Комплексная оценка здоровья участников образовательного процесса: учебное пособие для вузов. Москва: Изд-во Юрайт, 2020. 207 с.
3. Ефимов М.В. Эмоциональный компонент психологической готовности военнослужащих как фактор адаптации к военной службе // Материалы региональной научно-практической конференции. Н. Новгород: НГПУ, 2007. С. 106 – 110.
4. Лосев В.Р., Гун Г.Е. Системный подход к сохранению и укреплению здоровья детей и подростков // СПб: Человек и образование ISSN 1815-7041. 2021. № 3 (68). С. 83 – 87.
5. Маркелова Т.В., Ефимов М.В. Психология готовности к взаимодействию в процессе реабилитации военнослужащих // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы психолого-педагогической подготовки специалистов». Н. Новгород: ВГИПУ, 2005. С. 16 – 19.

References

1. Ajzman R.I. Zdorov'e uchastnikov obrazovatel'nogo processa kak kriterij effektivnosti zdorov'esberegayushchej deyatel'nosti v sisteme obrazovaniya. Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2015. № 5 (26). S. 72 – 82.
2. Ajzman R.I., Lebedev A.V., Ajzman N.I., Rubanovich V.B. Kompleksnaya ocenka zdorov'ya uchastnikov obrazovatel'nogo processa: uchebnoe posobie dlya vuzov. Moskva: Izd-vo YUrajt, 2020. 207 s.
3. Efimov M.V. Emocional'nyj komponent psihologicheskoy gotovnosti voennosluzhashchih kak faktor adaptacii k voennoj sluzhbe. Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. N. Novgorod: NGPU, 2007. S. 106 – 110.

4. Losev V.R., Gun G.E. Sistemnyj podhod k sohraneniyu i ukrepleniyu zdorov'ya detej i podrostkov. SPB: CHelovek i obrazovanie ISSN 1815-7041. 2021. № 3 (68). S. 83 – 87.

5. Markelova T.V., Efimov M.V. Psihologiya gotovnosti k vzaimodejstviyu v processe reabilitacii voennosluzhashchih. Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy psihologo-pedagogicheskoj podgotovki specialistov». N. Novgorod: VGIPU, 2005. S. 16 – 19.

*Losev V.R., Candidate of Medical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Gun G.E., Doctor of Medical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Honored Doctor of the Russian Federation,
Murmansk Arctic State University*

READINESS FOR SERVICE IN THE ARMY OF MODERN ADOLESCENTS

Abstract: in modern conditions, when the problem of professionalization of the personnel of the Armed Forces of the Russian Federation is being solved, since 2008, by the Decree of the President of the Russian Federation, the term of service in the army has been reduced to one year, the role and importance of improving the process of pre-conscription training of schoolchildren significantly increases. The current system of training schoolchildren of pre-conscription age for military service does not meet modern requirements and is not fully capable of providing the Russian Armed Forces with trained conscripts. In the education system, insufficient attention is paid and, in general, pre-conscription training is reduced to the LSB (life safety basics) training course, which clearly pays little attention to the formation of the readiness of young men for service in the Armed Forces of Russia. In this regard, there is an urgent need to strengthen the pre-conscription training of senior students in the process of physical and moral education at school, which allows you to purposefully influence and pedagogically manage the formation of readiness for service in the army of young men of pre-conscription age. It can be stated that there is a scientific problem to intensify the preparation for military service of schoolchildren of pre-conscription age, which led to the choice of research projects "healthy family – successful generation", "creating conditions for the formation of emotional and moral culture of students."

Keywords: model, physical education, readiness for military service, physical training, emotional and moral culture

*Минюрова С.А., доктор психологических наук, профессор,
Уральский государственный педагогический университет,
Аминова Дж.К., старший преподаватель,
Дагестанский государственный педагогический университет*

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА В УСЛОВИЯХ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ КЛИЕНТОВ, ПОДВЕРЖЕННЫХ COVID-УГРОЗЕ

Аннотация: *цель* данного исследования – определить специфику профессиональных компетенций будущих педагогов-психологов, обучающихся в магистратуре по направлению подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование, необходимых для осуществления психологического консультирования клиентов, подверженных COVID-угрозе. *Методы.* Наблюдение, беседа, анализ продуктов деятельности, метод консультативных кейсов, методики «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин), «Адаптивное поведение» (А.А. Цахаева). Статистическая обработка данных в программе Excel, критерий Краскела-Уоллеса. *Результат.* Доказано, что в условиях консультирования клиентов, подверженных COVID-угрозе, личностный адаптационный потенциал психолога-консультанта значительно истощается, требуется работа по его компенсации. *Выводы.* Предложено внесение изменений в федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование (уровень магистратуры) в части формулировки профессиональной компетенции, отражающей способность осуществлять саморазвитие личностного адаптационного потенциала в условиях психологического консультирования клиентов, подверженных COVID-угрозе.

Ключевые слова: COVID-угрозы, личностный адаптационный потенциал психолога-консультанта, образовательный стандарт, профессиональные компетенции

Введение

Второй год в мире, переполненном страхами разного рода напряжения, появилась угроза заражения и смерти от короновирусной инфекции. Эта беда не обошла ни одну страну. Изменились правила общественного взаимодействия, главным из которых стало социальное дистанцирование и самоизоляция, приведшие к изменениям основных принципов организации жизни и поведения человека. И в то же время появились ковид-диссидентские идеи, критики карантинных мер и радикальные отрицатели пандемийной угрозы [4], для которых ограничительные меры, связанные с одной стороны, с «паникой агентности», а с другой – с пессимизмом, могут служить показателем дезадаптивности личности [2, 7, 28] и др. Многочисленные новейшие исследования показали наличие разницы способов объяснения причин быстрого распространения короновирусной инфекции [13], преувеличение опасности заражения, конспирологические объяснения в виде теорий заговора, конкурентной борьбой за экономические ресурсы [15].

Изменившиеся условия требуют новых партнерских отношений в образовательном пространстве: между школой и вузом [6], личностью и городской средой при активизации и ингибции субъектности при воздействии стресс-факторов [8, 9], личностью и технологиями самосохранения [11]. В такой ситуации неопределенности можно наблюдать некоторые противоречия между про-

фессиональным маргинализмом [18], социальной интеграцией [23] и необходимым в данной ситуации оптимизмом и активностью психолога-консультанта [27]. Доминирование острой потребности изучить, как личность реагирует на изменения в условиях пандемии, привело профессиональное сообщество к пошаговому выявлению компонентов и маркеров работы психолога с лицами, испытывающими дезадаптацию [1, 5, 12, 16].

Во время пандемии к осуществлению психологического консультирования клиентов, подверженных COVID-угрозе, активно подключились будущие педагоги-психологи, проходящие обучение в магистратуре по направлению подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование. Возникает необходимость изучить, какие знания, умения и навыки востребованы в ситуации работы с клиентом, переживающим ковид-угрозу, будущего педагога-психолога для того, чтобы сформулировать новые требования к формированию его профессиональных компетенций.

Мы считаем, что одной из таких профессиональных компетенций является способность осуществлять саморазвитие адаптационным потенциалом личности. В условиях пандемии акцентировалась необходимость проявления адаптивности и психологической устойчивости как качества личности психолога-консультанта. Поскольку ему необходимо удерживать позицию самоконтроля, как собственного психологического состояния, так

и состояния клиента в условиях повышенного риска для жизни и здоровья. В отечественной науке нет двусмысленных трактовок адаптивности, адаптированности, адаптивного потенциала и поведения [14], но не решен вопрос о структуре личностного адаптационного потенциала. Одни исследователи считают его совокупностью показателя поведенческой регуляции, коммуникативных качеств, моральной нормативности [19], другие – механизмом совладения в трудной жизненной ситуацией [26], ресурсом нормализации психического состояния у молодых людей в период пандемии и самоизоляции [29]. Мы придерживаемся позиции о том, что личностный адаптационный потенциал – это способность человека проявлять психологическую устойчивость в изменяющихся условиях. Данная способность складывается из следующих характеристик: нервно-психическая устойчивость; восприимчивость стресса; самооценка; самоконтроль; наличие поддержки; уровень конфликтности; опыт социального общения. Чем выше показатели потенциала, тем проще человеку демонстрировать нормальную работоспособность, высокую эффективность деятельности и устойчивость психологического состояния под воздействием внешних факторов. При этом важно учитывать индивидуальные особенности, у одного человека данные показатели могут снижаться даже при незначительных внешних воздействиях, а у другого – оставаться на нормальном уровне даже при значительном давлении обстоятельств.

Материалы и методы

Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что существуют особенности в проявлении личностного адаптационного потенциала психолога в условиях осуществления психологического консультирования клиентов, подверженных COVID-угрозе.

Для проверки гипотезы мы провели сравнительное изучение показателей личностного адаптационного потенциала будущих педагогов-психологов в условиях консультирования клиентов в период до (2019 год) и в течение пандемии COVID-19 (2020-2021 годы). На каждом этапе участвовали по 24 магистранта второго года обучения по направлению 44.04.02 – Психолого-

педагогическое образование, профиль подготовки: «Психологическое консультирование в образовании» (ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»). При этом выборку второго этапа исследования составили магистранты, будущие педагоги-психологи, изъяввшие добровольное желание помогать людям в ситуации социальной изоляции, осуществляя психолого-педагогическое сопровождение адаптации личности в период пандемийных угроз. Для получения данных были использованы методы наблюдения, беседы, анализа продуктов деятельности, консультативных кейсов, методики «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин) [19], «Адаптивное поведение» (А.А. Цахаева) [28].

Магистранты в режиме офлайн и онлайн (по просьбе клиента или по необходимости безопасности) проводили комплексное исследование и подбирали способы и методы психологического консультирования лиц, пострадавших от последствий короновирусной инфекции либо потерей здоровья, либо утратой близких. В процессе своей деятельности магистранты осуществляли диагностическую оценку эмоционального состояния клиента, определяли степень нарушения навыков межличностного общения, проводили психологические консультации в режиме ZOOM, составляли программу превентивных и коррекционных мероприятий, способствующих нейтрализации психологических угроз и социально-психологической дезадаптации клиента. Далее магистранты выполняли самооценку и рефлексии своей деятельности, описывая степень владения профессиональными техниками консультирования, диагностики и коррекции.

Результаты

Полученные данные подверглись статистической обработке по критерию Краскела-Уоллеса, который является непараметрическим аналогом однофакторного дисперсионного анализа для сравнения трех и более независимых групп. Мы использовали данный критерий для атипичного распределения первой и второй групп, что показывает выборка малых объемов, по рангам. Выявлено, что выборки достоверно не различаются по всем переменным, кроме шкалы «Адаптивные способности» (табл. 1).

Таблица 1

Значения критерия Краскела-Уоллеса

Критерий Краскела-Уоллеса	НПУ *	АС**	КС ***	МП ****	ЛАП*****
Хи-квадрат	177,440	1,378	10,533	7,423	187,317
ст.св.	2	2	2	2	2
Асимпт. знч.	,000	,502	,005	,024	,000

* Нервно-психическая устойчивость

** Адаптивные способности

*** Коммуникативные способности

**** Моральная нормативность

***** Личностно-адаптационный потенциал

Таким образом, выполненное исследование показало, что существуют значимые различия в проявлении личностного адаптационного потенциала психолога в условиях осуществления психологического консультирования клиентов, подверженных COVID-угрозе.

С целью профилактики истощения личностно-адаптационного потенциала и его развития мы предлагаем включить в основную профессиональную образовательную программу (ОПОП) вуза по подготовке будущих педагогов-психологов на уровне магистратуры следующую компетенцию:

«Способность осуществлять саморазвитие личностно-адаптационного потенциала в условиях психологических угроз пандемии». Внесение таких изменений возможно, так как согласно требованиям федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО 3++) содержание профессиональных компетенций разрабатывается автором ОПОП и согласуется с потребностями работодателя. Нами разработан паспорт предлагаемой профессиональной компетенции (табл. 2).

Таблица 2

**Паспорт профессиональной компетенции по направлению подготовки 44.04.02
Психолого-педагогическое образование (уровень магистратуры) «Способность
осуществлять саморазвитие личностного адаптационного
потенциала в условиях психологических угроз пандемии»**

Компоненты	Содержательная характеристика
Профессиональный	Профессиональные функции педагога-психолога
	<i>Знания:</i> Принципы конструирования индивидуального маршрута саморазвития, способов выхода из состояния эмоциональной напряженности. Процедуры и методы представления и интерпретации результатов психолого-педагогического обследования собственных адаптационных ресурсов для выполнения профессиональных задач повышенной трудности. Психологические методы оценки параметров внешних и внутренних угроз, в том числе дискомфорта и психологической опасности.
	<i>Умения:</i> Использовать психодиагностические, коррекционные и консультативные методы, выявлять степень дискомфорта и опасности для клиента.
	<i>Навыки:</i> Владение инструментами психологической экспертизы (оценки) угроз для клиента; программой комплексной психолого-педагогической экспертизы психологического статуса клиента
Мотивационный	Стремление качественно и в срок осуществлять психолого-педагогическую поддержку клиента

Продолжение таблицы 2

<i>Ценностный</i>	Этика профессиональной деятельности, удовлетворенность жизнью, уважение и ценностное отношение к безопасности и комфортности личности
	<i>Знания:</i> Процедуры сбора, анализа и интерпретации данных, измерения комфортности и безопасности, законы нейтрализации психологических угроз
	<i>Умения:</i> Использовать различные методы и подходы оценки угроз и рисков для создания комфортности и безопасности среды, использовать методы сбора и анализа данных, составлять алгоритм исследования комфортности и безопасности среды, интегрировать различные эмпирические методы при проведении исследования, умение организовывать сбор и первичную обработку информации, результатов замеров комфортности и безопасности среды.
	<i>Навыки:</i> Владение инструментами аналитической, организационной, проектной и научно-исследовательской деятельности, навыки составления программ оценки комфортности и безопасности среды семьи и образовательных организаций. Владение методическими средствами осуществления психолого-педагогического сопровождения личности в условиях COVID-угрозы
<i>Личностный</i>	Высокий уровень личностного адаптационного потенциала, поведенческой регуляции, коммуникативных качеств, моральной нормативности, жизнестойкость, способность мобилизовать свой энергетический потенциал (знания, мотивы, ценности, навыки, умения, профессионально важные качества) и реализовать компетенцию, проявить её в профессиональной деятельности и самостоятельность. <i>Способности:</i> оценочные, прогностические, к психологической безопасности, коммуникативные и к собственной психологической стабильности.

Безусловно, ориентируясь на компетентностную модель выпускника магистратуры, в учебном плане должны также присутствовать учебные дисциплины, направленные на усвоение знаний, умений и навыков психолого-педагогического и методического сопровождения реализации основных и дополнительных образовательных программ, коррекционно-развивающую работу с клиентом, в том числе работа по восстановлению и реабилитации.

Вывод

Гипотеза исследования подтвердилась. Анализ полученных результатов показал, что существуют значимые различия в проявлении личностного

адаптационного потенциала будущих педагогов-психологов в условиях осуществления психологического консультирования клиентов, подверженных COVID-угрозе. Это можно объяснить внешними и внутренними угрозами психической стабильности в период работы с жертвами пандемии или самоизоляции.

Для развития личностного адаптационного потенциала будущих педагогов-психологов мы разработали паспорт профессиональной компетенции: «Способность осуществлять саморазвитие личностно-адаптационного потенциала в условиях психологических угроз пандемии».

Литература

1. Агамбен Дж. Изобретение эпидемии // Интеллектуальные хроники пандемии / под ред. А.В. Тимофеев. Киев: Днипро, 2020.
2. Аминов У.К., Аминова Д.К. Концепция формирования адаптивной саморазвивающейся личности в системе "ученик – студент – учитель" // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (31). С. 6 – 10.
3. Аминова Д.К., Цахаева А.А. Современные проблемы подготовки психолого-педагогических кадров в Дагестанском государственном педагогическом университете по направлению "психолого-педагогическое образование" // В сборнике: современные проблемы психолого-педагогического образования: Материалы региональной научно-практической конференции к 120-летию со дня рождения Ж.Ж. Пиаже / Отв. ред. К.А. Ахмедпашаева. 2016. С. 7 – 17.
4. Артамонов Р., Лаврентьев Н. Опрос общественного мнения населения РФ. Изменения, вызванные эпидемией и режимом самоизоляции. Пятая волна. 2020а. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf (дата обращения: 18.04.2021)
5. Архипова А., Радченко Д., Козлова И., Пейгин Б., Гаврилова М., Петров Н. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231 – 265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>

6. Васягина Н.Н., Егорова М.А., Максимова Л.А., Минюрова С.А. Школьно-университетское партнерство как условие повышения качества подготовки педагога-психолога // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. С. 7 – 11.

7. Ватаева Л.А. Адаптивное поведение и эффекты стресса в ювенильном, препубертатном и пубертатном периодах развития: автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. докт. биол. наук / Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН. Санкт-Петербург, 2005.

8. Воробьева И.В., Кружкова О.В., Плешакова А.Ю., Чупина В.А. Учет эффектов активизации и ингибции субъектности при воздействии стресс-факторов городской среды в системе образования // Педагогическое образование в России. 2014. № 10. С. 22 – 28.

9. Воробьева И.В., Шахматова О.Н. Психотехнологии развития личности. учебное пособие / М-во образования и науки Российской Федерации, ФГАОУ ВПО "Российский гос. проф.-пед. ун-т", Учреждение Российской академии образования "Уральское отд-ние". Екатеринбург, 2011. (2-е изд., перераб. и доп.)

10. Гржибовский А.М. Анализ трех и более независимых групп количественных данных // Экология человека. 2008. № 3. С. 50 – 58.

11. Гуляевская Н.В. Самосохранительные технологии как фактор адаптивного поведения студентов медицинского вуза в условиях современного российского общества // Современные научные исследования. 2012. № 11 (8). С. 27.

12. Давыдов С.Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 403 – 422.

13. Закутина Е. «Не верю!» – социологический портрет ковид-диссидента // К-ФОМ. 24.07.2020. <https://covid19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-koviddissidenta> (дата обращения: 18.10.2021)

14. Казначеев С.В., Калинец В.В. Стратегии адаптивного поведения в приспособительных реакциях индивида // В книге: Адаптация человека в различных климато-географических и производственных условиях. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. Ответственный редактор: С.О. Омбыш-Кузнецов. 1981. С. 47 – 48.

15. Котова В.С. Мемы на тему COVID-19 как летопись пандемии // Медиасреда. 2021. № 1. С. 102 – 113.

16. Лобода Н.А., Попова М.В. Влияние самоизоляции и пандемии covid-19 на физическую активность населения России // Символ науки: международный научный журнал. 2021. № 6. С. 132 – 133.

17. Макарьева Е.А. Анализ влияния пандемии ковид-19 на уровень безработицы в России // В сборнике: Саяпинские чтения: Материалы IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Отв. редактор А.А. Бурмистрова и др. 2021. С. 63 – 67.

18. Минюрова С.А. Профессиональный маргинализм в сфере высшего образования // В сборнике: Современное открытое образовательное пространство: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции. 2007. С. 147 – 149.

19. Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» / разработан А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным (1993) <https://psylab.info/>

20. Приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 N 127 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование" (Зарегистрировано в Минюсте России 12.03.2018 N50312) <https://www.rsuh.ru/upload/accred/svedenia/specialitet/edustd/ФГОС044.04.0220Психолого-педагогическоеобразование3++.pdf>

21. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 376 "Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 050400 Психолого-педагогическое образование (квалификация (степень) "магистр")" по данному направлению появился 16 апреля 2010 г. (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 26 мая 2010 г., регистрационный № 17382 <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/98413/>

22. Приказ Министерства образования и науки РФ от 31 мая 2011 г. № 1975 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071681/>

23. Сарыглар С.А., Максимова С.Г. Миграционное поведение: стратегии и практики социальной интеграции, специфика адаптивного поведения мигрантов в азиатском приграничье России // Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 1. С. 37 – 48.

24. Шишков В.В., Новикова Я.А., Кокуренкова П.А., Ульянова М.Ю. Стресс-совладающее поведение во время самоизоляции, введенной в связи с пандемией COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. Т. 67. № 4.

25. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование (уровень магистратуры) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 12 мая 2016 г. N 549) <http://fgosvo.ru/news/5/1868>

26. Фролова С.В., Высоцкая Х.А. Способы совладания с ситуацией самоизоляции во время пандемии COVID-19: позитивный подход к анализу проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 3. С. 326 – 333.

27. Черемискина И.И. Оптимизм и активность как ресурсы нормализации психического состояния у молодых людей в период пандемии и самоизоляции // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13. № 3. С. 197 – 206.

28. Цахаева А.А. Развитие адаптивного поведения в образовательном этнопространстве: дис. ... на соиск. учен. степ. докт. психол. наук / Дагестанский государственный педагогический университет. Махачкала, 2002.

29. Эрдынеева К.Г., Филиппова В.П., Мангушов В.В. Педагогическая концепция адаптивного поведения студентов // Успехи современного естествознания. 2009. № 1. С. 62 – 63.

References

1. Agamben Dzh. Izobretenie epidemii. Intellektual'nye hroniki pandemii. pod red. A.V. Timofeev. Kiev: Dnipro, 2020.

2. Aminov U.K., Aminova D.K. Konceptsiya formirovaniya adaptivnoj samorazvivayushchejsya lichnosti v sisteme "uchenik – student – uchitel". Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologo-pedagogicheskie nauki. 2015. № 2 (31). S. 6 – 10.

3. Aminova D.K., Cahaeva A.A. Sovremennye problemy podgotovki psihologo-pedagogicheskikh kadrov v Dagestanskom gosudarstvennom pedagogicheskom universitete po napravleniyu "psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie". V sbornike: sovremennye problemy psihologo-pedagogicheskogo obrazovaniya: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii k 120-letiyu so dnya rozhdeniya ZH.ZH. Piazhe. Otv. red. K.A. Ahmedpashaeva. 2016. S. 7 – 17.

4. Artamonov R., Lavrent'ev N. Opros obshchestvennogo mneniya naseleniya RF. Izmeneniya, vyzvannye epidemiej i rezhimom samoizolyacii. Pyataya volna. 2020a. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf (data obrashcheniya: 18.04.2021)

5. Arhipova A., Radchenko D., Kozlova I., Peĭgin B., Gavrilova M., Petrov N. Puti rossijskoj infodemii: ot WhatsApp do Sledstvennogo komiteta. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2020. № 6. S. 231 – 265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>

6. Vasyagina N.N., Egorova M.A., Maksimova L.A., Minyurova S.A. SHkol'no-universitetskoe partnerstvo kak uslovie povysheniya kachestva podgotovki pedagoga-psihologa. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. № 10. S. 7 – 11.

7. Vataeva L.A. Adaptivnoe povedenie i efekty stressa v yuvenil'nom, prepubertatnom i pubertatnom periodah razvitiya: avtoref. dis. ... na soisk. uchen. step. dokt. biol. Nauk. Institut fizio-logii im. I.P. Pavlova RAN. Sankt-Peterburg, 2005.

8. Vorob'eva I.V., Kruzhkova O.V., Pleshakova A.Yu., SHupina V.A. Uchet effektiv aktivizacii i ingibicii sub"ektnosti pri vozdeystvii stress-faktorov gorodskoj sredy v sisteme obrazovaniya. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 10. S. 22 – 28.

9. Vorob'eva I.V., SHahmatova O.N. Psihotekhnologii razvitiya lichnosti. uchebnoe posobie. M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, FGAOU VPO "Rossijskij gos. prof.-ped. un-t", Uchrezhdenie Rossijskoj akademii obrazovaniya "Ural'skoe otd-nie". Ekaterinburg, 2011. (2-e izd., pererab. i dop.)

10. Grzhibovskij A.M. Analiz trekh i bolee nezavisimyh grupp kolichestvennyh dannyh. Ekologiya cheloveka. 2008. № 3. S. 50 – 58.

11. Gulyaevskaya N.V. Samosohranitel'nye tekhnologii kak faktor adaptivnogo povedeniya studentov medicinskogo vuza v usloviyah sovremennogo rossijskogo obshchestva. Sovremennye nauchnye issledovaniya. 2012. № 11 (8). S. 27.

12. Davydov S.G. Cifrovye kompetencii rossiyan i rabota na samoizolyacii vo vremya pandemii COVID-19. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2021. № 2 (162). S. 403 – 422.

13. Zakutina E. «Ne veryu!» – sociologicheskij portret kovid-dissidenta. K-FOM. 24.07.2020. <https://covid19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta> (data obrashcheniya: 18.10.2021)

14. Kaznacheev S.V., Kalinec V.V. Strategii adaptivnogo povedeniya v prispособitel'nyh reakciyah individa. V knige: Adaptaciya cheloveka v razlichnyh klimato-geograficheskikh i proizvodstvennyh usloviyah. Tezisy dokladov III Vsesoyuznoj konferencii. Otvetstvennyj redaktor: S.O. Ombysch-Kuznecov. 1981. S. 47 – 48.
15. Kotova V.S. Memy na temu COVID-19 kak letopis' pandemii. Mediasreda. 2021. № 1. S. 102 – 113.
16. Loboda N.A., Popova M.V. Vliyanie samoizolyacii i pandemii covid-19 na fizicheskuyu aktivnost' naseleniya Rossii. Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2021. № 6. S. 132 – 133.
17. Makar'eva E.A. Analiz vliyaniya pandemii kovid-19 na uroven' bezraboticy v Rossii. V sbornike: Sayapinskie chteniya: Materialy IV Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoy konferencii. Otv. redaktor A.A. Burmistrova i dr. 2021. S. 63 – 67.
18. Minyurova S.A. Professional'nyj marginalizm v sfere vysshego obrazovaniya. V sbornike: Sovremennoe otkrytoe obrazovatel'noe prostranstvo: problemy i perspektivy: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2007. S. 147 – 149.
19. Mnogourovnevyy lichnostnyj oprosnik (MLO) «Adaptivnost'». razrabotan A.G. Maklakovym i S.V. CHermyanym (1993) <https://psylab.info/>
20. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 22.02.2018 N 127 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – magistratura po napravleniyu podgotovki 44.04.02 Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie" (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 12.03.2018 N50312) <https://www.rsuh.ru/upload/accred/svedenia/specialitet/edustd/FGOS044.04.0220Psihologo-pedagogicheskoe0obrazovanie3++.pdf>
21. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii № 376 "Ob utverzhdenii i vvedenii v dejstvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 050400 Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie (kvalifikaciya (stepen') "magistr")" po dannomu napravleniyu poyavilsya 16 aprelya 2010 g. (zaregi-strirovan Ministerstvom yusticii Rossijskoj Federacii 26 maya 2010 g., registracionnyj № 17382 <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/98413/>
22. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 31 maya 2011 g. № 1975 «O vnesenii izmene-nij v federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty vysshego professional'nogo obrazovaniya» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071681/>
23. Saryglar S.A., Maksimova S.G. Migracionnoe povedenie: strategii i praktiki social'noj integracii, specifika adaptivnogo povedeniya migrantov v aziatskom prigranich'e Rossii. Society and Security Insights. 2020. T. 3. № 1. S. 37 – 48.
24. SHishkov V.V., Novikova YA.A., Kokurenkova P.A., Ul'yanova M.Yu. Stress-sovладayushchee povedenie vo vremya samoizolyacii, vvedennoj v svyazi s pandemiej COVID-19. Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. 2021. T. 67. № 4.
25. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 44.04.02 Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie (uroven' magistratury) (utv. prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 12 maya 2016 g. N 549) <http://fgosvo.ru/news/5/1868>
26. Frolova S.V., Vysockaya H.A. Sposoby sovladaniya s situaciej samoizolyacii vo vremya pandemii COVID-19: pozitivnyj podhod k analizu problem. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2021. T. 21. № 3. S. 326 – 333.
27. CHeremiskina I.I. Optimizm i aktivnost' kak resursy normalizacii psihicheskogo sostoyaniya u molodyh lyudej v period pandemii i samoizolyacii. Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2021. T. 13. № 3. S. 197 – 206.
28. Cahaeva A.A. Razvitie adaptivnogo povedeniya v obrazovatel'nom etnoprostranstve: dis. ... na soisk. uchen. step. dokt. psihol. nauk. Dagestanskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Mahachkala, 2002.
29. Erdyneeva K.G., Filippova V.P., Mangushov V.V. Pedagogicheskaya koncepciya adaptivnogo povedeniya studentov. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2009. № 1. S. 62 – 63.

**Minyurova S.A., Doctor of Psychological Sciences
(Advanced Doctor), Professor,
Ural State Pedagogical University,
Aminova J.K., Senior Lecturer,
Dagestan State Pedagogical University**

**THE SPECIFICS OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF
A GRADUATE STUDENT OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL EDUCATION
IN CONDITIONS OF EXPOSURE TO THE COVID THREAT OF HIS CLIENT**

Abstract: the *purpose* of this study is to determine the specifics of the professional competencies of future teachers-psychologists studying for a master's degree in the direction of training 44.04.02 Psychological and pedagogical education, necessary for the implementation of psychological counseling of clients exposed to COVID-threat. *Methods.* Observation, conversation, analysis of products of activity, method of advisory cases, methods "Adaptability" (A.G. Maklakov, S.V. Chermyanin), "Adaptive behavior" (A.A. Tsakhaeva). Statistical data processing in Excel, the Kraskel-Wallace criterion. *Result.* It is proved that in the conditions of consulting clients exposed to the COVID threat, the personal adaptive potential of a psychologist-consultant is significantly depleted, work is required to compensate for it. *Conclusions.* It is proposed to amend the federal state educational standard of higher professional education in the field of training 44.04.02 Psychological and pedagogical education (master's degree level) in terms of the formulation of professional competence reflecting the ability to carry out self-development of personal adaptive potential in the conditions of psychological counseling of clients exposed to COVID-threat.

Keywords: psychological counseling, professional competence, personality, graduate student, effectiveness, COVID-threats, personal adaptive potential, behavioral regulation, communicative qualities, moral normativity

*Худякова Т.Л., кандидат психологических наук, доцент,
Клепач Ю.В., кандидат психологических наук, доцент,
Воронежский государственный педагогический университет,
Валеева Г.В., кандидат психологических наук, доцент,
Высшая школа физической культуры и спорта,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Арпентьева М.Р., доктор психологических наук, доцент,
Центр психолого-педагогической, социальной
и медицинской поддержки «Содействие*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация: обеспечение психологической безопасности образования – залог качественного образовательного процесса, а также здоровья и благополучия его субъектов. Психологическая безопасность образования в вузе складывается из двух взаимосвязанных частей: безопасности жизнедеятельности преподавателей и студентов, гармоничное и направленное на саморазвитие и взаимное развитие взаимодействие которых делает процессы обучения и воспитания действительно результативными. Для обеспечения этого необходимым компонентом является работа вузовских служб психологической поддержки образования, организация системного и направленного на безопасность психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса. Цель исследования – анализ проблем обеспечения психологической безопасности высшего образования. Метод исследования – теоретический анализ проблем обеспечения психологической безопасности образования в вузе. Задачи психолого-педагогического сопровождения образования в вузе включают поддержку субъектов образования, укрепления их жизнестойкости и обеспечения работоспособности в учебно-воспитательном диалоге.

Ключевые слова: психологическая безопасность, психологическая опасность образования, качество образования, психологическое насилие, психологическое сопровождение образования

Введение

Обеспечение психологической безопасности образования – насущная необходимость и залог качественного образовательного процесса, а также здоровья и благополучия его субъектов [1, 3, 6, 32]. Психологическая безопасность образования в вузе есть итог двух тесно связанных аспектов: безопасности преподавателей и безопасности студентов. Гармоничное и направленное на саморазвитие и взаимное развитие взаимодействие этих и иных групп субъектов образования делает процессы обучения и воспитания действительно результативными [10, 15, 31]. Для обеспечения этого необходимым компонентом является работа вузовских служб психологической поддержки образования, организация системного и направленного на безопасность психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса. Чтобы такие службы могли успешно решать задачи обеспечения безопасности образования, необходимо выделить систему направлений и методов решения данных задач. К сожалению, в современных вузах России этой проблеме уделяется недостаточно внимания, работа ведется спорадически, поверхностно, ненаправленно.

Методические аспекты исследования

Цель исследования – анализ проблем обеспечения психологической безопасности высшего образования. Метод исследования – теоретический анализ проблем обеспечения психологической безопасности образования в вузе. Теоретическая основа исследования – современные исследования психологической безопасности отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих сущность, причины и последствия нарушений психологической безопасности и меры ее обеспечения на разных этапах образования и в разных образовательных ситуациях.

Результаты исследования

Для того, чтобы соответствовать вызовам современности, тем актуальным угрозам безопасности образования, с которыми сталкиваются сейчас российские студенты и преподаватели, в целях создания системной, работоспособной и результативной модели обеспечения психологической безопасности образования в вузах необходимо обратить внимание на новейшие исследования этой проблемы. Даже самый общий анализ таких исследований показывает, что вопросам определения, формирования и совершенствования психологически безопасной образовательной среды, проблемам ее деформаций посвящено множество

новейших исследований [30, 32], разработаны методические и диагностические средства оценки и преобразования образовательных сред, в том числе в работе академических служб сопровождения и в повседневной практике инновационного и традиционного, основного и дополнительного, инклюзивного, специального и общего, а также «цифрового» или дистанционного и «контактного» образования [23, 26, 27, 29]. Важнейший вопрос этих исследований, на наш взгляд, – это вопрос соотношения качества образования и психологической безопасности образовательной среды в вузе [21, 28]. Психологическая безопасность образовательной среды вуза – важный критерий качества образования и важное условие самой возможности образования, включая самообразование, требующее становление и наращивание субъектности обучающихся как целенаправленных, осознанных, активных, сотрудничающих и развивающихся ко-акторов [31]. В многочисленных исследованиях, в том числе в работах коллективов под руководством И.А. Баевой, З.И. Тюмасевой, Т.Л. Худяковой, К. Елдирима и т.д., проблемы безопасности образования исследуются, исходя из представлений о том, что психологические особенности образовательной среды являются значимым фактором, обеспечивающими формирование, укрепление и сохранение соматического и психического здоровья субъектов данной среды [3, 4, 5, 32]. Среди наиболее известных – опросники оценки безопасности образовательной среды учреждения И.А. Баевой, К. Елдирима и С. Енипинара, диагностическая программа «Гармония», разработанная З.И. Тюмасевой, И.Л. Ореховой, Г.В. Валеевой, Р.В. Колбиным, Р.В. Нагумановым (2014) [3, 4, 5, 32]. Эти разработки могут широко использоваться в целях создания технологий и программ обеспечения психологической безопасности образования в конкретных его учреждениях и структурах.

Безопасность образовательной среды означает возможность и способность школы или вуза, учреждения дополнительного образования и т.д. обеспечить психологическую безопасность его субъектов. Психологическая безопасность традиционно определяется как состояние образовательной среды, обеспечивающее психическое здоровье субъектов образования, свободное от проявления психологического насилия, способствующее удовлетворению потребностей субъектов образования в качественном (насыщенном смыслами), диалогическом (паритетном) и направленном на развитие (образовательном) взаимодействии со значимыми другими (педагогами, сотрудниками и (со)учениками) и потребностей в саморазвитии (в самоактуализации внутреннего потенциала, до-

стижении самоэффективности и в самореализации как достижении внешнего / социального успеха и социальной эффективности), обучающихся [3, 4]. Эти исследования могут использоваться для уточнения ведущих, существенных фокусов работы по обеспечению психологической безопасности образования в конкретных его учреждениях и структурах.

Многочисленные подходы к пониманию сущности понятий «психологическая безопасность» и ««психологическая безопасность индивида»» нуждаются в обобщении и синтезе с целью определения интегративного ресурса психологических свойств человека, обеспечивающих его и окружающих его людей безопасность на разных этапах учебного и профессионального развития. Однако, уже сейчас понятно, что категория «безопасности» с точки зрения педагогики и психологии является комплексной характеристикой способности и готовности образовательной среды выступать как среда развития человека. При этом удовлетворенность человека как личности, партнера, ученика или профессионала своей жизнедеятельностью, аутентичные и гармоничные смысложизненные ориентации, реализация в повседневной жизнедеятельности творческой уникальности и неповторимости в момент здесь и теперь – говорит о том, что образовательная среда не просто безопасна (дает удовлетворение / комфорт, защиту и признание успехов), а имеет развивающий характер (побуждает к творчеству, риску, испытанию себя) [24]. Таким образом, обеспечение психологической безопасности образования в конкретных его учреждениях должно быть включено в более широкую систему мер и программ гармонизации образовательной среды.

Каждое образовательное учреждение посредством обучения и воспитания, а также через решения задач поддержки / сопровождения развития учеников и педагогов может и должно создавать и совершенствовать собственную систему / культуру безопасности, способствующую выявлению и реализации одаренности обучающихся и преподавателей, а также раскрытию и поддержке иных аспектов их потенциала, имеющего ценность и для их самих, и для окружающего их мира [6, 10, 22]. Проблема психологической безопасности образовательной среды [26, 29, 32] в общем виде решается так: психологическая безопасность образовательной среды для педагогов и иных специалистов – важное условие ее безопасности для учащихся / обучающихся.

Исследователи также связывают безопасность [1, 27]. Среди таких новаций – многопрофильные или междисциплинарные службы психологического, педагогического, медицинского, социально-

го и т.д. сопровождения образования. Безопасность человека в образовании необходимым образом требует системы психологического сопровождения образования [14, 17, 26], это требует обучения принципам и методам социально-психологической безопасности отдельных студентов и преподавателей [13]. Обеспечение психологической безопасности образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования [7, 8 и др.] также рассматривается как условие возможности индивидуализированного и инклюзивного образования. Эти исследования обращают внимание сотрудников служб сопровождения на проблемы сотрудничества субъектов и стейкхолдеров образования как важного ресурса интенсификации и увеличения результативности, успешности работы в сфере обеспечения безопасности.

Также важна проблема формирования личностной безопасности и пути её решения в образовании [16, 18, 26]. Она рассматривается с акцентом на влияние среды и, в том числе, межпрофессионального взаимодействия в рамках целенаправленной и систематической работы, направленной на восстановление адекватного самопонимания и пробуждения личностных ресурсов индивида – как условия обеспечения безопасности [3]. При этом значительное внимание уделяется проблемам безопасности в рамках цифровизации образования [2, 12, 13], как в непосредственном, так и долгосрочном контекстах, включая прогнозирование, предвосхищение и моделирование студентами своего профессионального будущего [12]: переоценка возможностей и недооценка ограничений цифровых технологий в образовании и жизни в целом – одна из существенных опасностей, связанных с тем, что человек пытается переложить на «машины» не только часть своей работы, но и часть ответственности за нее и за свое развитие, что однозначно деструктивно.

К исследованиям этого типа примыкает психологический анализ жизнестойкости современного студента, в том числе первокурсника и выпускника [18] перед лицом испытаний вхождения в новую систему отношений, а также исследования жизнестойкости и представлений о психологической безопасности образовательного пространства у работающих и будущих педагогов [25, 26, 28]. К эргономически ориентированным исследованиям можно отнести работы в сфере изучения работоспособности студентов в течение того или иного учебного периода, в том числе рутинного или кризисного (сессия и т.п.). [20]. Такие исследования, наряду с исследованиями личностных и организа-

ционных характеристик субъектов и структур образования прямо предполагают их использование в целях разработки и совершенствования психологических технологий формирования и оценки безопасной образовательной среды [3].

Заключение

Задачи психолого-педагогического сопровождения образования в вузе включают поддержку субъектов образования, укрепления их жизнестойкости и обеспечения работоспособности в учебно-воспитательном диалоге. Службы сопровождения должны ориентироваться на задачи гармонизации отношений и поддержки развития разных групп субъектов образования, организацию своей работы в контексте требований системности направлений и методов обеспечения безопасности, многоуровневости и многокомпонентности деятельности в сфере решения данных задач. Большое значение здесь имеет поддержка администрации вуза и системные трансформации образования в целом: профилактика и коррекция отношений буллинга и ресентимента, профессиональных и личностных деформаций, колумбайнов и иных эксцессов, говорящих об опасности современной образовательной среды, должны вестись организовано, при участии и под руководством общественных и государственных структур и их междисциплинарных команд и отдельных высококвалифицированных специалистов экспертизы, медиации, консалтинга и образования, которые должны быть вовлечены в работу образовательных коллективов вузов на основе совещательных и иных принципов сотрудничества. Цель создание психологически, а также физически, социально и духовно гармоничной, развивающей среды, в которой требование психологической безопасности будет минимальным стандартом, точкой, за пределами которой какое качественное образование невозможно. Для этих целей необходимо создание и применение методик диагностики и коррекции, имеющих ввиду не только и не столько проблемы безопасности, сколько цели и ценности самосовершенствования субъектов образования, их гармоничности, в том числе внутренней конгруэнтности и аутентичности, а также четкое и однозначное истолкование миссии образовательного учреждения как института передачи опыта и компетенций старших поколений более молодым, начинающим свой жизненный и профессиональный путь. Ценностью и целью безопасного образования должен стать полноценно функционирующий или самоактуализирующийся человек, включая педагогов и руководителей образовательного учреждения.

Литература

1. Алексеев С.В., Костецкая Г.А. Безопасность жизнедеятельности: инновации в методике обучения. Москва: ООО "Научно-издательский центр Инфра-М", 2022. 215 с.
2. Баева И.А. Психологические проблемы обеспечения безопасности в образовании // Мир психологии. 2020. № 2 (102). С. 184 – 190.
3. Баева И.А., Гаязова Л.А., Кондакова И.В. Личностные ресурсы психологической безопасности подростков и молодежи в образовательной среде // Интеграция образования. 2021. Т. 25. № 3 (104). С. 482 – 497.
4. Баева Л.В. Влияние цифровизации образования на человека в контексте проблемы безопасности // Философия образования. 2020. Т. 20. № 2. С. 131 – 144.
5. Валеева Г.В., Тюмасева З.И., Орехова И.Л. Психологическая готовность субъектов образования к оздоровительной деятельности в интересах личной безопасности // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2020. № 2 (155). С. 252 – 274.
6. Ветрова Я.А., Щеголенкова Е.С. Проблема психологической безопасности образовательной среды муниципальной системы образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 2. № 2 (49). С. 169 – 178.
7. Горчинская А.А., Капелюшник Р.Е. Обеспечение психологической безопасности образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2020. № 1 (9). С. 5 – 9.
8. Дунаевская Э.Б. Психологическая безопасность образовательной среды как фактор реализации инклюзивного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61-4. С. 272 – 275.
9. Журавлева Л.А. Особенности становления отношений с окружающими у студентов разных профессиональных групп // Гуманизация образования. 2020. № 3. С. 92 – 102.
10. Заочинский М.С. Проблема психологической безопасности в образовании // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 7 (59). С. 107 – 113.
11. Зеер Э.Ф., Церковникова Н.Г., Третьякова В.С. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 6. С. 153 – 184.
12. Исмаилова Н.П. Цифровизация образовательного процесса и обеспечение информационно-психологической безопасности // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 61 – 62.
13. Капицкий В.Н., Симонович Н.Е. Обучение принципам социально-психологической безопасности студентов высшей школы // Аграрное образование и наука. 2019. № 1. С. 27 – 29.
14. Качимская А.Ю. Безопасность личности в образовании и ее психологическое сопровождение // Мир науки. 2018. Т. 6. № 4. С. 45.
15. Клепач Ю.В., Гридяева Л.Н., Сергеева Е.Д. Особенности эмоционального выгорания педагогов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (266). С. 258 – 262.
16. Кора Н.А., Еремеева Т.С. Проблема формирования личностной безопасности и пути её решения в образовании // Health and Social Care Journal. 2018. № 1 (6). С. 14 – 19.
17. Лушпаева И.И., Мухаметзянова Ф.Г. Влияние глобального образования на состояние психологической безопасности образовательной среды вуза // Глобальная экономика и образование. 2021. Т. 1. № 4. С. 90 – 98.
18. Никитина О.П. Психологический анализ компонентов жизнестойкости личности современного студента-выпускника // Научный взгляд. 2019. № 4 (57). С. 194 – 203.
19. Петросянц В.Р. Жизнестойкость, смысложизненные ориентации и психическое выгорание педагогов: особенности взаимосвязей // Психология обучения. 2017. № 3. С. 87 – 100.
20. Поносова В.О., Пронина И.В. Изучение работоспособности студентов в течение учебной недели // Международный студенческий научный вестник. 2020. № 3. С. 46.
21. Пульмановская Е.И., Грибкова Л.П. Качество образования и психологическая безопасность образовательной среды в спортивном вузе // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2019. № 1 (8). С. 16 – 20.
22. Самсоненко Л.С. Психологическая безопасность образовательной среды. Оренбург Экспресс-печать, 2019. 100 с.
23. Синякова М.Г., Захарова Л.А. Психологическая безопасность обучаемых в учреждениях дополнительного образования детей // Актуальные проблемы психологического знания. 2019. № 2 (51). С. 43 – 51.
24. Ситникова Е.Ю. Формирование психологически комфортной и безопасной образовательной среды // Вестник магистратуры. 2021. № 6-1 (117). С. 94 – 98.

25. Скорова Л.В., Качимская А.Ю., Якушева Ю.А. Представления о психологической безопасности образовательного пространства у будущих педагогов дошкольного образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 3. С. 74 – 80. <http://dx.doi.org/10.15862/46PSMN320>
26. Тимерьянова Л.Н. Психологическая безопасность личности в образовательной среде (из опыта работы инновационной площадки) // Образование: традиции и инновации. 2021. № 1 (32). С. 24 – 26.
27. Фатыхова Р.М. Психологическая безопасность в контексте современных тенденций развития педагогического образования // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 4 (77). С. 20 – 23.
28. Хармс Т., Клиффорд Р., Крайер Д. Шкалы для комплексной оценки качества образования в дошкольных образовательных организациях. ECERS-R. М.: Издательство "Национальное образование", 2017. 136 с.
29. Хлуденцова А.С. Организация психологической безопасности обучающихся в учреждениях дополнительного образования // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 2 (89). С. 139 – 143.
30. Чиркина С.Е., Ахмеров Р.А. Основы формирования психологически безопасной образовательной среды. Казань, Бриг, 2015. 136 с.
31. Чумакова И.В. Психологическая безопасность среды как критерий качества дошкольного образования // Тульское образовательное пространство. Вестник ИПК и ППРО ТО. 2020. № 1. С. 43 – 46.
32. Yildirim K., Yenipinar S. Psychological unsafety in schools: The development and validation of Scale // J. of Education and Training Studies. 2017. Vol. 5. № 6. <http://dx.doi.org/10.11114/jets.v5i6.2372>

References

1. Alekseev S.V., Kosteckaya G.A. Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti: innovacii v metodike obucheniya. Moskva: ООО "Nauchno-izdatel'skij centr Infra-M", 2022. 215 s.
2. Baeva I.A. Psihologicheskie problemy obespecheniya bezopasnosti v obrazovanii. Mir psihologii. 2020. № 2 (102). S. 184 – 190.
3. Baeva I.A., Gayazova L.A., Kondakova I.V. Lichnostnye resursy psihologicheskoy bezopasnosti podrostkov i molodezhi v obrazovatel'noj srede. Integraciya obrazovaniya. 2021. Т. 25. № 3 (104). S. 482 – 497.
4. Baeva L.V. Vliyaniye cifrovizacii obrazovaniya na cheloveka v kontekste problemy bezopasnosti. Filosofiya obrazovaniya. 2020. Т. 20. № 2. S. 131 – 144.
5. Valeeva G.V., Tyumaseva Z.I., Orekhova I.L. Psihologicheskaya gotovnost' sub"ektiv obrazovaniya k ozdorovitel'noj deyatel'nosti v interesah lichnoj bezopasnosti. Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 2 (155). S. 252 – 274.
6. Vetrova YA.A., SHCHegolenkova E.S. Problema psihologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'noj sredy municipal'noj sistemy obrazovaniya. Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2018. Т. 2. № 2 (49). S. 169 – 178.
7. Gorchinskaya A.A., Kapelyushnik R.E. Obespecheniye psihologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'nogo processa v obrazovatel'nyh organizatsiyah vysshego obrazovaniya. Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdavoohraneniye. 2020. № 1 (9). S. 5 – 9.
8. Dunaevskaya E.B. Psihologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy kak faktor realizacii inklyuzivnogo obrazovaniya. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2018. № 61-4. S. 272 – 275.
9. ZHuravleva L.A. Osobennosti stanovleniya otnoshenij s okruzhayushchimi u studentov raznyh professional'nyh grupp. Gumanizaciya obrazovaniya. 2020. № 3. S. 92 – 102.
10. Zaochinskij M.S. Problema psihologicheskoy bezopasnosti v obrazovanii. Skif. Voprosy studencheskoj nauki. 2021. № 7 (59). S. 107 – 113.
11. Zeer E.F., Cerkovnikova N.G., Tret'yakova V.S. Cifrovoye pokoleniye v kontekste prognozirovaniya professional'nogo budushchego. Obrazovanie i nauka. 2021. Т. 23. № 6. S. 153 – 184.
12. Ismailova N.P. Cifrovizaciya obrazovatel'nogo processa i obespecheniye informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 1 (80). S. 61 – 62.
13. Kapickij V.N., Simonovich N.E. Obuchenie principam social'no-psihologicheskoy bezopasnosti studentov vysshej shkoly. Agrarnoye obrazovanie i nauka. 2019. № 1. S. 27 – 29.
14. Kachimskaya A.YU. Bezopasnost' lichnosti v obrazovanii i ee psihologicheskoye soprovozhdeniye. Mir nauki. 2018. Т. 6. № 4. S. 45.
15. Klepach YU.V., Gridyaeva L.N., Sergeeva E.D. Osobennosti emocional'nogo vygoraniya pedagogov. Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 1 (266). S. 258 – 262.
16. Kora N.A., Ereemeeva T.S. Problema formirovaniya lichnostnoj bezopasnosti i puti eyo resheniya v obrazovanii. Health and Social Care Journal. 2018. № 1 (6). S. 14 – 19.
17. Lushpaeva I.I., Muhametzyanova F.G. Vliyaniye global'nogo obrazovaniya na sostoyaniye psihologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'noj sredy vuza. Global'naya ekonomika i obrazovanie. 2021. Т. 1. № 4. S. 90 – 98.

18. Nikitina O.P. Psihologicheskij analiz komponentov zhiznestojkosti lichnosti sovremennogo studenta-vypusknika. Naukovij oglyad. 2019. № 4 (57). S. 194 – 203.
19. Petrosyanc V.R. ZHiznestojkost', smyslozhiznennye orientacii i psihicheskoe vygoranie pedagogov: osobnosti vzaimosvyazej. Psihologiya obucheniya. 2017. № 3. S. 87 – 100.
20. Ponosova V.O., Pronina I.V. Izuchenie rabotosposobnosti studentov v techenie uchebnoj nedeli. Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik. 2020. № 3. S. 46.
21. Pul'manovskaya E.I., Gribkova L.P. Kachestvo obrazovaniya i psihologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy v sportivnom vuze. OlymPlus. Gumanitarnaya versiya. 2019. № 1 (8). S. 16 – 20.
22. Samsonenko L.S. Psihologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy. Orenburg Ekspres-pechat', 2019. 100 s.
23. Sinyakova M.G., Zaharova L.A. Psihologicheskaya bezopasnost' obuchaemyh v uchrezhdeniyah dopolnitel'nogo obrazovaniya detej. Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya. 2019. № 2 (51). S. 43 – 51.
24. Sitnikova E.YU. Formirovanie psihologicheski komfortnoj i bezopasnoj obrazovatel'noj sredy. Vestnik magistratury. 2021. № 6-1 (117). S. 94 – 98.
25. Skorova L.V., Kachinskaya A.YU., YAkusheva Yu.A. Predstavleniya o psihologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'nogo prostranstva u budushchih pedagogov doshkol'nogo obrazovaniya. Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. 2020. T. 8. № 3. S. 74 – 80. <http://dx.doi.org/10.15862/46PSMN320>
26. Timer'yanova L.N. Psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti v obrazovatel'noj srede (iz opyta raboty innovacionnoj ploshchadki). Obrazovanie: tradicii i innovacii. 2021. № 1 (32). S. 24 – 26.
27. Fatyhova R.M. Psihologicheskaya bezopasnost' v kontekste sovremennyh tendencij razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya. Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. 2018. № 4 (77). S. 20 – 23.
28. Harms T., Klifford R., Krajer D. SHkaly dlya kompleksnoj ocenki kachestva obrazovaniya v doshkol'nyh obrazovatel'nyh organizacijah. ECERS-R. M.: Izdatel'stvo "Nacional'noe obrazovanie", 2017. 136 s.
29. Hludencova A.S. Organizaciya psihologicheskoy bezopasnosti obuchayushchihsya v uchrezhdeniyah dopolnitel'nogo obrazovaniya. Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2021. № 2 (89). S. 139 – 143.
30. CHirkina S.E., Ahmerov R.A. Osnovy formirovaniya psihologicheski bezopasnoj obrazovatel'noj sredy. Kazan', Brig, 2015. 136 s.
31. CHumakova I.V. Psihologicheskaya bezopasnost' sredy kak kriterij kachestva doshkol'nogo obrazovaniya. Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo. Vestnik IPK i PPRO TO. 2020. № 1. S. 43 – 46.
32. Yildirim K., Yenipinar S. Psychological unsafety in schools: The development and validation of Scale. J. of Education and Training Studies. 2017. Vol. 5. № 6. <http://dx.doi.org/10.11114/jets.v5i6.2372>

*Khudyakova T.L., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Klepach Yu.V., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Voronezh State Pedagogical University,
Valeeva G.V., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Higher School of Physical Education and Sports
South Ural State University of Humanities and Pedagogy,
Arpenteva M.R., Doctor of Psychological Sciences
(Advanced Doctor), Associate Professor,
Center for Psychological, Pedagogical, Social
and Medical Support "Assistance"*

ENSURING THE PSYCHOLOGICAL SAFETY OF EDUCATION IN HIGHER SCHOOL

Abstract: ensuring the psychological safety of education is a guarantee of a high-quality educational process, as well as the health and well-being of its subjects. The psychological safety of education at a university consists of two interrelated parts: the life safety of teachers and students, whose harmonious interaction aimed at self-development and mutual development makes the processes of teaching and upbringing really effective. To ensure this, a necessary component is the work of university psychological support services for education, the organization of a systemic and safety-oriented psychological and pedagogical support of the educational process. The purpose of the study is to analyze the problems of ensuring the psychological safety of higher education. The research method is a theoretical analysis of the problems of ensuring the psychological safety of education at a university. The tasks of the psychological and pedagogical support of education at the university include support of the subjects of education, strengthening their resilience and ensuring efficiency in the educational and educational dialogue.

Keywords: psychological safety, psychological danger of education, quality of education, psychological violence, psychological support of education

**Бартуль Е.С., аспирант,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет**

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ (2010-2021 ГГ.): БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: в статье представлены данные о формировании мотивационно-личностной сферы в российской науке и ее распространение в социологии. Автор излагает результаты библиометрического анализа диссертационных исследований мотивационно-личностной сферы, представленных на соискание ученой степени кандидата или доктора наук, защищенных в России и утвержденных Высшей аттестационной комиссией в период с 2000 по 2021 гг.

Библиометрический анализ представлен в статье как количественная оценка различных элементов документального информационного потока: диссертаций, научных статей, монографий, учебных пособий, др. Это первый необходимый этап понимания научной проблемы исследования. Автор характеризует динамику представления мотивационно-личностной сферы в научной литературе. Автор делает выводы, имеющие значение для дальнейшего изучения мотивационно-личностной сферы и определяет возможные направления работы.

Ключевые слова: мотивационно-личностная сфера, библиометрический анализ, российская наука

Понятие «мотивационно-личностная сфера» сформировалось в отечественной и зарубежной науке в 1960-1980 гг. В 1968 году в работе советского психолога, ученицы Л.С. Выготского, Л.И. Божович впервые было представлено толкование мотивационно-личностной сферы как иерархии мотивов в поведении и деятельности [3, с. 45]. В 1971 году термин был уточнен А.Н. Леонтьевым, который внес такие основные элементы: осознание, понимание, для себя [6, с. 21]. Профессор кафедры общей и педагогической психологии В.Г. Асеев дополнил определение «мотивационно-личностной сферы» следующими характеристиками: вид психической регуляции, активное отношение человека к действительности [2, с. 76].

Профессор Л.С. Выготский расширяет значение термина, включая аффективную и волевую сферу личности [4]. В 1987 году в работах М.Ш. Магомед-Эминова и К.А. Абульхановой-Славской «мотивационно-личностная сфера» представляет собой психодинамическую систему личности, организующую, регулирующую, ценную деятельность [7, 1].

Целью статьи является количественная оценка различных элементов документального информационного потока (монографий, учебных пособий и научных статей), посвященных изучению мотивационно-личностной сферы.

Для отбора диссертационных исследований, посвященных мотивационно-личностной сфере, представленных на соискание ученой степени

кандидата или доктора наук, защищенных в России и утвержденных Высшей аттестационной комиссией, использовалась поисковая система электронной библиотеки диссертаций DissertCat [10]. В качестве ключевого слова выступало словосочетание «мотивационно-личностная сфера». Поисковая система представила 15384 наименования диссертационных работ. В период с 2000 по 2021 года определение «мотивационно-личностная сфера» было употреблено в 13226 работах.

Далее нами были отобраны диссертации, в которых формулировка «мотивационно-личностная сфера» присутствовала в заголовке, а также в наименовании раздела.

Авторы диссертационных исследований используют следующие термины: «сфера», «личностный», «мотивационный», «лично-профессиональный», «индивидуально-личностный», «мотивационно-смысловой», «мотивационно-ценностный», «лично-ориентированный», «мотивационно-потребностная сфера», др.

В рамках нашего исследования необходимо отобрать работы, в которых встречается определение «мотивационно-личностная сфера». Выбранные диссертации были классифицированы по трем основаниям: отрасль науки, место нахождения термина «мотивационно-личностная сфера» и год защиты диссертационной работы.

Отраслевая структура диссертационных работ представлена в табл. 1.

Таблица 1

Отрасли диссертаций, посвященных изучению мотивационно-личностной сферы (2000-2021 гг.)

Отрасль науки	Диссертации, в которых термин «мотивационно-личностная сфера» присутствует в формулировке темы, ед. (%)	Исследования, в которых термин «мотивационно-личностная сфера» присутствует в названии главы / параграфа, ед. (%)	Всего по отрасли науки, ед. (%)
Психологические науки	4 (100)	14 (82,3)	18 (85,7)
Педагогические науки	-	3 (17,7)	3 (14,3)
Всего	4 (100)	17 (100)	21 (100)

Необходимо отметить, что в выбранных работах представлена одна диссертация на соискание доктора психологических наук и 17 на соискание кандидата психологических наук. Три диссертационных исследования по педагогическим наукам

написаны соискателями ученой степени кандидата педагогических наук.

Отметим периоды защиты кандидатских и докторских диссертаций, выполненные в течение последних 20 лет.

Таблица 2

Период написания диссертаций, посвященных изучению мотивационно-личностной сферы (2000-2021 гг.)

Год защиты	Диссертации, в которых термин «мотивационно-личностная сфера» присутствует в формулировке темы, ед. (%)	Диссертации, в которых термин «мотивационно-личностная сфера» присутствует в названии главы/параграфа, ед. (%)	Всего за год, ед. (%)
2000	-	1 (канд. психол. наук)	0/1 (1)
2001	-	1 (канд. пед. наук)	0/1 (1)
2002	-	1 (канд. психол. наук)	0/1 (1)
2003	-	1 (канд. психол. наук)	0/1 (1)
2004	2 (канд. психол. наук)	1 (канд. психол. наук)	2/1 (3)
2005	-	3 1 – канд. психол. наук, 2 – канд. пед. наук	0/3 (3)
2006	2 (канд. психол. наук)	3 (канд. психол. наук)	2/3 (5)
2007	-	-	-
2008	-	1 (канд. психол. наук)	0/1 (1)
2009	-	1 (канд. психол. наук)	0/1 (1)
2010	-	1 (канд. психол. наук)	0/1 (1)
2011	-	-	-
2012	-	-	-
2013	-	1 (д-р психол. наук)	0/1 (1)
2014	-	-	-
2015	-	-	-
2016	-	-	-
2017	-	-	-
2018	-	1 (канд. психол. наук)	0/1 (1)
2019	-	1 (канд. психол. наук)	0/1 (1)
2020	-	-	-
2021	-	-	-
Всего диссертаций	4	17	4/17 (21)

Таким образом, общее число диссертационных исследований мотивационно-личностной сферы за период с 2000 по 2021 год невелико – всего 21 диссертационная работа. Необходимо отметить, что мотивационно-личностная сфера стала предметом исследования лишь в 4 кандидатских дис-

сертациях, в которых этот термин вынесен в заголовки темы.

В результате классификации массива диссертационных исследований мотивационно-личностной сферы была выявлена географическая структура, представленная в табл. 3.

Таблица 3

География авторов, которые посвятили свои исследования изучению мотивационно-личностной сферы

Город	Количество защищенных диссертационных исследований
Москва	6
Санкт-Петербург	3
Ростов-на-Дону	2
Нижний Новгород	2
Самара	1
Иркутск	1
Красноярск	1
Краснодар	1
Хабаровск	1
Пятигорск	1
Ярославль	1
Ставрополь	1

Можно отметить, что в группу лидеров входит Москва (6 работ), 3 работы защищены в Санкт-Петербурге, по 2 работы в Ростове-на-Дону и в Нижнем Новгороде. В остальных городах представлено по одной защите. Единственная диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук была выполнена и защищена в Москве (2013).

Необходимо отметить, что защита диссертационных исследований, посвященных мотивационно-личностной сфере, в некоторые годы не представлена полностью: годы защит (2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2008, 2009, 2010, 2013, 2018, 2019), отсутствие защит диссертационных исследований (2007, 2011, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017, 2020, 2021).

Поэтому мы решили продолжить исследование,

изучив представление мотивационно-личностной сферы в научных статьях и монографиях.

Для отбора научных публикаций использовалась информационная база научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU [9]. Статьи были отобраны с помощью поисковой формы. Главными условиями поиска были: словосочетание «мотивационно-личностная сфера» в названии и ключевых словах публикации; типы публикаций – статьи в журналах, книги, материалы конференций. По параметру «год публикации» был выбран период с 2000 по 2021 годы.

Поисковая система выявила 48 публикаций, соответствующих заявленным требованиям. Эти научные статьи были классифицированы по трем основаниям: отрасль науки, место работы автора, год издания, представленные в табл. 4.

Таблица 4

Отрасли публикаций российских авторов, в название которых входит термин «мотивационно-личностная сфера»

Отрасль науки (по ГРНТИ)	Монографии, ед. (%)	Разделы монографий, ед. (%)	Статьи в журналах, ед. (%)	Статьи в сборниках материалов конференций, ед. (%)	Всего по отрасли науки, ед. (%)
Психология	-	-	28 (58,3)	11 (22,9)	39 (81,3)
Народное образование. Педагогика	-	-	3 (6,3)	5 (10,4)	8 (16,7)
Автоматика. Вычислительная техника	-	-	1 (2,1)	-	1 (2,1)

Необходимо отметить, что большую часть исследований представляют статьи в журналах и сборниках материалов конференций, выполненных в рамках отрасли науки «Психология» – 81,3%. Восемь научных работ выполнено в разделе ГРНТИ «Народное образование. Педагогика» – 16,7%. Монографий и разделов монографических трудов, посвященных исследованию мотивационно-личностной сферы, в период с 2000 по 2021 год найдено не было. Это свидетельствует о том, что необходимо структурировать накопленный опыт,

создать монографическое исследование в рамках заявленной темы.

Если сопоставить отраслевую структуру выполненных диссертационных работ и научных публикаций, то можно сделать вывод о том, что мотивационная сфера интересна исследователям в рамках педагогических и психологических отраслей науки. По числу диссертационных работ и научных статей в журналах и сборниках конференций безусловным лидером является «Психология».

Таблица 5

Время написания научных публикаций российских авторов, которые посвятили свои работы изучению мотивационно-личностной сферы (2000-2021 гг.)

Год издания	Монографии и их разделы, ед.	Статьи в журналах и сборниках материалов конференций, ед.	Всего за год, ед.
2007	-	1	
2009	-	1	-
2010	-	1	
2011	-	2	
2012	-	2	
2013	-	4	
2014	-	8	
2015	-	10	
2016	-	3	
2017	-	7	
2018	-	3	
2019	-	2	
2020	-	3	
2021	-	1	
Всего научных работ	0	21	

Все рассмотренные научные статьи были опубликованы в период с 2011 по 2021 год. До 2007 года также были публикации, в названии которых было отражено понятие «мотивационно-личностная сфера», однако они не были размещены в

электронной научной библиотеке eLIBRARY.RU. Подъем публикаций наблюдался в период с 2013 по 2015 год. Спад наблюдается после 2017 года – три и две статьи.

Таблица 6

География авторов научных публикаций, посвятивших свои статьи изучению мотивационно-личностной сферы

Город	Количество научных публикаций
Белгород	4
Владивосток	5
Москва	16
Пенза	1
Оренбург	1
Томск	1
Челябинск	1
Южно-Сахалинск	2
Ижевск	1
Тверь	1
Чебоксары	2

Продолжение таблицы 6

Красноярск	1
Ростов-на-Дону	1
Екатеринбург	1
Санкт-Петербург	5
Обнинск	1
Калуга	1
Южно-Сахалинск	1

Следует отметить, что география авторов работ, которые посвятили свои исследования мотивационно-личностной сфере, значительно расширилась. Работы выполнены не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других городах России: Белгороде, Владивостоке, Калуге, Пензе, Оренбурге, Томске, Челябинске, Южно-Сахалинске, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Самаре, Иркутске, Ижевске, Твери, Чебоксары, Красноярске, Южно-Сахалинске и др.

Это свидетельствует о том, что мотивационно-личностная сфера представляет актуальность в отрасли науки «Педагогика» и «Психология», поскольку она является предметом исследования ученых из разных городов России.

С учетом того, что исследований, посвященных изучению мотивационно-личностной сферы в электронной библиотеке E-library, нам показалось недостаточно – 48 из 38055222 с учетом отобранных критериев, мы обратились к научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в которой публикуются научные журналы в открытом доступе [8].

В соответствии с заданными критериями – фильтр по году издания 2000-2021, были отобраны 1000 научных публикаций. Представим отрасли публикаций российских авторов, которые включили в заглавие и ключевые слова термин «мотивационно-личностная сфера» в количестве – 54 статьи.

Таблица 7

Отрасли публикаций российских авторов, в название которых входит термин «мотивационно-личностная сфера»

Отрасль науки (по ГРНТИ)	Статьи в журналах, ед. (%)
Психология	37 (68,6)
Народное образование. Педагогика	15 (27,8)
Социология	1 (1,8)
Культурология	1 (1,8)

Следует отметить, что большую часть научных публикаций составляют «Психологические науки» (68,6%), «Народное образование. Педагогика» (27,8%). Статьи, посвященные социологическим и

культурологическим исследованиям, в которых в названии присутствует термин «мотивационно-личностная сфера» представлены значительно реже – 1,8%.

Таблица 8

Время написания научных публикаций российских авторов, которые посвятили свои работы изучению мотивационно-личностной сферы (2000–2021 гг.)

Год издания	Статьи в журналах и сборниках материалов конференций, ед.
2000	-
2001	-
2002	-
2003	2
2004	-
2005	-
2006	1
2007	1
2008	5
2009	3
2010	3

Продолжение таблицы 8

2011	4
2012	4
2013	4
2014	2
2015	10
2016	3
2017	3
2018	2
2019	2
2020	4
2021	1
Всего научных работ	54

В выбранной библиотеке «КиберЛенинка» представлено 54 научные работы, в названии которых есть термин «мотивационно-личностная сфера». Отметим, что с 2000 по 2002 и с 2004 по 2005 не было представлено работ, соответствующих заданными нами критериям.

Необходимо обозначить, что большая часть ис-

следований была выполнена в 2015 году (10) и в 2008 (5). Одинаковый показатель представлен с 2011 по 2013 год и в 2020 году – 4 публикации. Наименьшее число работ, в заглавиях которых есть термин «мотивационно-личностная сфера» было выполнено в 2006, 2007 и в 2021 году.

Таблица 9

География авторов научных публикаций, посвятивших свои статьи изучению мотивационно-личностной сферы

Город	Количество научных публикаций
Москва	14
Таганрог	2
Калининград	2
Томск	1
Сочи	1
Кубань	2
Тамбов	1
Ростов-на-Дону	2
Белгород	1
Санкт-Петербург	9
Иркутск	1
Красноярск	2
Сургут	1
Владивосток	2
Кострома	3
Саратов	2
Крым	1
Тула	2
Усть-Илимск	1
Биробиджан	1
Челябинск	1
Махачкала	1
Ставрополь	1

Необходимо отметить, что география участников значительно расширилась – 23 города. Новыми оказались: Таганрог, Калининград, Сочи, Кубань, Тамбов, Сургут, Кострома, Саратов, Крым, Тула, Усть-Илимск, Махачкала, Биробиджан. В группу лидеров по-прежнему входят Москва (14) и Санкт-Петербург (9).

Таким образом, мы представили 123 научных работы, в заглавиях, ключевых словах, отдельных параграфах которых используется термин «мотивационно-личностная сфера» (21 диссертация и 121 научная статья).

Данные работы были написаны в период с 2000 по 2021 годы. В целом, можно сделать вывод о том, что исследований, посвященных изучению мотивационно-личностной сферы недостаточно. Возможно, если расширить поиск, включив тер-

мины «мотивационно-смысловой», «мотивационно-ценностный», количество научных работ будет большим. Однако показатели библиометрического анализа написанных работ соответствуют научным интересам автора исследования, поэтому расширение границ термина не будет соотноситься с проблематикой семейных отношений.

В соответствии с данными ТАСС, в 2020 году в России распалось 564 тыс. браков [5]. Это свидетельствует о том, что изучение мотивационно-личностной сферы в контексте семейных отношений является актуальным и востребованным. Необходимо изучать мотивы вступления в брак, психологические особенности и факторы возникновения нормативных и ненормативных семейных кризисов, а также пути выхода и методы преодоления кризисов.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни. М., 1987. С. 137 – 145.
2. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976. 158 с.
3. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
4. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. 368 с.
5. Количество браков в России в 2020 году уменьшилось на 18,5% [Электронный ресурс] // ТАСС. 18 февраля 2021 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10653155> (дата обращения: 28.06.2021)
6. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции: Конспект лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 40 с.
7. Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация достижения: структура и механизмы. М.: Просвещение, 1987. 321 с.
8. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 14.11.2021)
9. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 14.11.2021)
10. Электронная библиотека диссертаций DissersCat [Электронный ресурс]. URL: <https://www.disserscat.com/> (дата обращения: 13.11.2021)

References

1. Abul'hanova-Slavskaya K.A. Zhiznennye perspektivy lichnosti. Psihologiya lichnosti i obraz zhizni. M., 1987. S. 137 – 145.
2. Aseev V.G. Motivaciya povedeniya i formirovanie lichnosti. M.: Mysl', 1976. 158 s.
3. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. M.: Prosveshchenie, 1968. 464 s.
4. Vygotskij L.S. Istoriya razvitiya vysshih psihicheskikh funkcij. Sobr. soch.: v 6 t. M.: Pedagogika, 1983. T. 3. 368 s.
5. Kolichestvo brakov v Rossii v 2020 godu umen'shilos' na 18,5% [Elektronnyj resurs]. TASS. 18 fevralya 2021 g. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10653155> (data obrashcheniya: 28.06.2021)
6. Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy, emocii: Konspekt lekcij. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1971. 40 s.
7. Magomed-Eminov M.SH. Motivaciya dostizheniya: struktura i mekhanizmy. M.: Prosveshchenie, 1987. 321 s.
8. Nauchnaya elektronnyaya biblioteka «KiberLeninka» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/> (data obrashcheniya: 14.11.2021)
9. Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU [Elektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru> (data obrashcheniya: 14.11.2021)
10. Elektronnyaya biblioteka dissertacij DissersCat [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.disserscat.com/> (data obrashcheniya: 13.11.2021)

***Bartul E.S., Postgraduate,
School of Arts and Humanities,
Far Eastern Federal University***

**RESEARCH OF THE MOTIVATION AND PERSONAL SPHERE
IN RUSSIAN SCIENCE (2000-2021): BIBLIOMETRIC ANALYSIS**

Abstract: the article presents information about the formation of motivational-personal sphere in Russian science and its distribution in sociology. The author presents the results of bibliometric analysis of dissertation studies of motivational-personal sphere submitted for the degree of Candidate or Doctor of Sciences, defended in Russia and approved by the Higher Attestation Commission in the period from 2000 to 2021.

Bibliometric analysis is presented in the article as a quantitative assessment of various elements of the documentary information flow: dissertations, scientific articles, monographs, textbooks, etc. This is the first necessary stage of understanding the scientific problem of the research. The author characterizes the dynamics of the representation of the motivational-personal sphere in the scientific literature. The author draws conclusions that are important for further study of the motivational-personal sphere and identifies possible areas of work.

Keywords: motivational-personal sphere, bibliometric analysis, Russian science

Фёдоров А.Ф., кандидат психологических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Центр исследования проблем исполнения
уголовных наказаний и психологического
обеспечения профессиональной деятельности
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Федеральной службы исполнения наказаний России,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

ВЗАИМОСВЯЗЬ И ЗАВИСИМОСТЬ СУИЦИДАЛЬНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ВИДОВ ДЕВИАЦИИ В ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация: в статье показана определенная взаимосвязь и зависимость суицидального и криминального видов девиации среди несовершеннолетних осужденных. Проблемой отклонения в поведении подростково-юношеского возраста занимались многие исследователи, как зарубежных, так и отечественных направлений. В настоящее время можно наблюдать неконтролируемое, а чаще всего неадекватное поведение подростков. Это поведение выражается в неуправляемых приступах агрессии, социально-неприемлемых выражениях, употреблении алкоголя и наркотиков. Все эти признаки поведения рассматриваются как отклонение от социальных норм. Анализ различных форм отклоняющегося поведения является одним из перспективных методов изучения индивидуальных механизмов суицида. В этом плане значительный интерес и практическую ценность представляют исследования структуры личности с выраженными ауто- и гетероагрессивными тенденциями. Подростково-юношеский возраст является одним из наиболее ответственных периодов в жизни человека, окончательно определяющим становление его как личности. Различные формы отклоняющегося поведения в подростково-юношеском возрасте, обусловленные не только психологическими, но и патопсихологическими механизмами, как правило, выражаются особенно в начальном периоде самыми разнообразными реакциями личности. Разнообразные психологические и патологические реакции являются одной из основных причин аутоагрессивного поведения, включительно до самоубийства. Часто обнаруживается незрелость мотивации в поведении у подростков с девиациями. Недостаток волевых качеств и неумение преодолевать препятствия являются специфичным механизмом волевой регуляции у подростков с отклоняющимся поведением, что может вызывать у таких подростков стремление к аффективной разрядке и быть провокатором очередного срыва. Анализ характеристик, полученных при исследовании несовершеннолетних правонарушителей, свидетельствовал о наличии взаимосвязи и зависимости суицидального и криминального видов девиации в подростково-юношеском возрасте. Результаты исследования указывают на существование закономерных психологических и психопатологических показателей повышенного суицидального риска и степени аутоагрессивности в поведении несовершеннолетних правонарушителей, что может быть использовано в целях предупреждения попыток самоубийства или актов самоповреждения в условиях воспитательных колоний.

Ключевые слова: подростково-юношеский возраст, психологические программы, психолог, деструктивное поведение, адаптация, сотрудник, осужденный, суицид, воздействие

Наиболее острыми проблемами, с которыми сталкиваются сотрудники воспитательных колоний, являются: конфликты, акты аутоагрессивного поведения и отсутствие стремления к труду. Отсутствие единого метода воздействия на личность осужденного формирует постоянную поисковую активность специалистов, направленную на выявление наиболее успешных и продуктивных форм воздействия на личность преступника. «Среди людей много копий и мало оригиналов. Вы научитесь открывать неповторимость, разбираться в межличностных и партнерских отношениях» [2].

Грамотно разработанные психологические программы, правильно подобранные психологические

технологии составляют одну из наиболее востребованных форм воздействия. В качестве воздействия можно предположить поиск и раскрытие личностных ресурсов осужденных в процессе адаптации к правопослушному поведению.

«В связи с социально-экономическими условиями и требованиями возрастает интерес к методам более экономичной краткосрочной психотерапии» [3].

Подростково-юношеский возраст является одним из наиболее ответственных периодов в жизни человека, окончательно определяющим становление его как личности. Именно в этом периоде раскрываются наиболее яркие интеллектуальные и

эмоциональные индивидуальные свойства человека, его гражданская и морально-нравственная сущность. «Особое внимание уделено профилактике отклонений в развитии и социальной ограниченности детей и подростков» [1].

Однако зачастую этот сложный, особо динамичный период характеризуется выраженной дисгармонией созревания, временным несовпадением хронологического возраста с физиологическим, психологическим или педагогическим уровнем развития.

Возрастная психобиологическая диссоциация нередко является одной из основных причин формирования необычного поведения в подростково-юношеском возрасте. Реже аналогичные отклонения поведения возникают в зависимости от тех психических заболеваний, которые обычно дебютируют или обостряются преимущественно в данном возрастном периоде.

В оценке причин особой неуравновешенности подростково-юношеского периода нет единого мнения. Несовпадение точек зрения обусловлено попытками трактовать это явление либо с сугубо биологических позиций, либо с позиций решающего преимущества социальных влияний.

По мнению Л.С. Выготского, условия жизни сами по себе не способны определять психическое созревание, поскольку они действуют опосредованно через ранее сложившиеся психологические свойства личности.

Н.П. Бруханский писал, что для него не существует грубого подразделения факторов, участвующих в дезорганизации поведения подростков на биологические и социальные, так как они тесно взаимосвязаны.

Русским ученым И.А. Сикорским описаны типичные для подростково-юношеского возраста «психологические закупорки, камни преткновения», физиологические и патологические сомнения, идеализация бытия, колебания воли, чувство виновности и собственной неполноценности.

Современные советские психологи, в частности, Л.С. Выготский, считают, что «стержневой» особенностью психологии подростка является его стремление к взрослости. В борьбе за привилегии и права взрослых заложены причины особой конфликтности этого возраста. Психологические исследования Л.И. Божович, Д.Б. Эльконина, Т.В. Драгуновой и других авторов позволяют говорить о существовании возрастных психологических нормативов, определяемых сферой потребностей личности, структурой ее сознания и характером отношений с действительностью.

В подростково-юношеском возрасте, по сравнению с предыдущими и последующими возрастными периодами, преобладают чувства коллек-

тивной зависимости, чрезвычайно высока роль самооценки. В этом периоде обычно возникает известное расхождение между новым уровнем притязаний личности и ее прежним социальным положением, что является предпосылкой неустойчивости поведения и повышенной конфликтности.

В последующем, примерно к 20 годам, эти противоречия, как правило, уравниваются, сопровождаясь формированием устойчивой системы мировоззрения и нравственных принципов.

Неоднородность психологических нормативов в различных возрастных периодах не всегда учитывается в процессе воспитания, что влечет за собой ошибки педагогического воздействия.

В последние годы с ростом технического прогресса среди причин психологической дезадаптации молодежи большое место отводится биопсихической акселерации – процессу ускоренного, но не всегда пропорционального созревания современных детей и подростков, что и создает временные затруднения их социальной адаптации.

Различные формы отклоняющегося поведения в подростково-юношеском возрасте, обусловленные не только психологическими, но и патопсихологическими механизмами, как правило, выражаются особенно в начальном периоде самыми разнообразными реакциями личности.

Эти реакции в одних случаях относятся к числу «преходящих подростковых акцентуаций характера» как своеобразного, не выступающего за рамки нормы варианта течения пубертатного криза. В некоторых случаях поведенческие реакции формируются в тесной взаимосвязи с психологической предрасположенностью личности, проявляясь реакциями оппозиции, имитации, компенсации, гиперкомпенсации (Г.Е. Сухарева, О.В. Кербиков, В.В. Ковалев).

В клинике А. Е. Личко выделены и другие типы специфических для подросткового возраста поведенческих реакций: реакция эмансипации, связанная с борьбой личности за самостоятельность, и независимость, реакции группировки, реакция увлечения (с формированием разнообразных хобби), а также реакции, обусловленные развитием сексуальных влечений.

В подростковом возрасте и патологические реакции имеют свои специфически возрастные особенности, проявляясь чаще всего болезненным мудрствованием, ипохондрическими и психопатоподобными синдромами, дисморфофобией и нервной анорексией.

Разнообразные психологические и патологические реакции являются одной из основных причин аутоагрессивного поведения, включительно до самоубийства.

Существенную роль в генезе суицидов у подростков играют неблагополучные семейные отношения Ц распавшаяся семья, отсутствие одного из родителей, замена их отчимом или мачехой, а также своеобразное воспитание в семье – отсутствие гармонии, завышенные требования родителей к детям, утрата родительского авторитета, скупость в выражении любви и ласки.

Указанные недостатки семейно-воспитательного характера способствуют формированию таких личностных свойств, как неуверенность в себе, нестойкость этических принципов, неумение оценить ситуацию, аффективную незрелость.

Психологические особенности пубертатного криза способствуют искусственной изоляции подростка, аффективной депривации с переживанием утраты любви родителей, пересмотром авторитетов, а также нарастающей агрессивной оппозицией к требованиям общества. Существенное значение в этом возрасте приобретают депрессивные переживания эротического характера, а также недовольство собой, связанное с интеллектуальным или физическим несовершенством. Самоубийства возникают в случаях, когда внешние поводы находят отклик в нервно-психической предрасположенности личности.

В исследовании ставилась задача изучить особенности различных видов аутоагрессивного поведения у несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательной колонии. С этой целью было обследовано 156 человек в возрасте от 15 до 18 лет. Работа проводилась в течение 2018-2019 годов в воспитательных колониях.

Данные обследования, включающие также ретроспективную оценку анамнеза, анализ суицидогенных ситуаций, клинику пре- и постсуицидального периода и сам способ аутоагрессии, позволил распределить исследованных лиц на 2 группы: 1) практически здоровые в психическом отношении осужденные (39%); 2) лица с признаками временной или стабильной психической недостаточности в рамках пограничных состояний (61%). Душевнобольных и лиц с выраженной умственной отсталостью среди респондентов не выявлено.

Аутоагрессивные действия у испытуемых осужденных (36,5%) характеризовались как истинно суицидальные; у 53,5% – как демонстративно-шантажные и у 10% – как импульсивные.

У испытуемых аутоагрессивные действия, суицидальные или демонстративные, носили опасный для жизни и здоровья характер. Они выражались попытками самоповешения, самопорезами, самоотравлением. Значительное число осужденных (50%) заглатывали или вводили под кожу инородные предметы. В отдельных случаях аутоагрессия выражалась отказом от приема пищи, а также осо-

бо жестокими действиями (ударами головой о твердые предметы и членовредительством).

Субъективные мотивы аутоагрессии, сформулированные самими осужденными были подразделены на 4 группы: 1) семейные осложнения (отсутствие писем, неприятные известия, несчастье в семье); 2) осложнения, связанные с конкретной ситуацией (конфликты с персоналом колонии или другими осужденными); 3) мотивы, связанные с самим фактом осуждения (мнение о несправедливости наказания или его меры; неуверенность, что сможет в дальнейшем удержаться в рамках закона, а также сомнение в будущем из-за наличия «клейма тюрьмы»); 4) установочные мотивы «отказного», протестного или рентного содержания.

В группе практически здоровых осужденных непосредственные причины аутоагрессивного поведения ограничивались психологически понятными переживаниями, формирующимися в конкретные реакции защиты, ухода от сложной ситуации, обиды, разочарования, раскаяния, протеста. В их возникновении решающее значение имели психотравмирующие ситуации. Однако в оценке этих ситуаций немалую роль играли сугубо возрастные психологические особенности личности: инфантильность и бескомпромиссность суждений, эмоциональная лабильность, склонность к истероидным формам реагирования. При особой акцентуации этих возрастных свойств наблюдались также реакции, хотя и не выходящие за рамки психологической нормы, но значительно преувеличенные. Такие состояния чаще развивались внезапно и носили характер по существу агрессивной реакции гневного протеста, злобного отчаяния с внезапно развивающимся решением изменить условия существования даже ценой собственной жизни или путем побега.

Во 2 группе у осужденных с признаками пограничной психической (патологии более четко, чем у практически здоровых лиц определялась зависимость аутоагрессии от болезненно неправильного реагирования личности на любые обыденные ситуации. Диагностически эта группа была неоднородной.

При наблюдении клиническая патология определялась различными вариантами невротических состояний. При этом аутоагрессивное поведение чаще всего содержало истинно суицидальные намерения.

По данным анамнеза, у большинства этих испытуемых еще в детском возрасте наблюдалась определенная невротическая предрасположенность, проявлявшаяся неврастеническими чертами, логоневрозом или наличием в прошлом очерченных невротических реакций. В пубертатном периоде обычно происходило расширение клиники невро-

тических состояний. При этом неправильное поведение испытуемых и, в частности, их криминальный анамнез, нередко объяснялись повышенной внушаемостью, эмоциональной лабильностью и другими качествами, свойственными невротической личности. Характерно, что эти лица, как правило, были пассивными участниками преступления, играли подсобную роль в нем, никогда не совершали правонарушений вне группы.

Суицидальное поведение этих осужденных было обусловлено невротическими состояниями типа ситуативных патологических реакций, невротической депрессии, «невроза ожидания» либо невротического развития личности. Клиническая картина этих состояний определялась астенодепрессивной, депрессивно-фобической, депрессивно-обсессивной, тревожно-депрессивной или депрессивно-ипохондрической симптоматикой, содержащей наиболее высокую степень суицидального риска.

В 27,6% осужденных отмечались проявления резидуальной, чаще всего посттравматической, органической церебральной недостаточности: травматической деменции, энцефалопатии и посттравматической психопатизации личности.

Данный контингент осужденных характеризовался самыми разнообразными проявлениями девиации еще в детском возрасте. Многие из них отличались плохой дисциплиной и слабой успеваемостью в школе, совершали побеги из дома, имели приводы в милицию, рано приобщились к курению и алкоголю, тяготели к антисоциальным группировкам. В этих случаях психическая неуравновешенность, расстройства в сфере влечений играли ведущую роль в формировании и криминального поведения.

Аутоагрессивность в этой группе проявлялась либо импульсивными, либо демонстративно-шантажными стереотипно повторяющимися реакциями. Содержание этих реакций определялось аффектом злобы, мести, бурным протестом на дисциплинарные требования.

У 16% осужденных наблюдались различные варианты патологического развития личности, препсихопатические состояния и сформировавшиеся психопатии. У большинства из них психопатические формы реагирования на внешние ситуации наблюдались задолго до осуждения, они играли определенную роль и в структуре противоправных действий.

У этой категории осужденных наблюдались самые разнообразные варианты аутоагрессии: истинные, заранее обдуманые и подготовленные суициды, импульсивные, демонстративные, протестные, установочные, угрожающие аутоагрессивные действия.

Для выяснения соотношений аутоагрессивного поведения с преступностью в подростково-юношеском возрасте была предпринята попытка сопоставления полученных клинических и психологических данных с некоторыми криминологическими характеристиками обследованных лиц.

При этом аутоагрессивное поведение с истинно суицидальными целями чаще наблюдалось у осужденных впервые, а демонстративно-шантажное – при повторной или многократной судимости. Таким образом, степень суицидального риска у лиц подростково-юношеского возраста по мере увеличения социально-нравственной запущенности имеет тенденции к снижению, однако другие варианты аутоагрессии при этих условиях становятся более выраженными. У взрослых осужденных склонность к суицидальному поведению при этом нарастает. Указанные различия, по-видимому, связаны с неоднородностью оценки ситуации и жизненного прогноза у несовершеннолетних и зрелых лиц.

Кроме того, при сопоставлении видов аутоагрессивных действий с характером преступлений можно отметить, что суицидальные поступки чаще наблюдались у осужденных за хулиганство, хищения государственного или личного имущества, то есть за противоправные деяния, минимально содержащие мотивы посягательства на жизнь других. В то же время аутоагрессивные акты с демонстративно-шантажными целями были свойственны осужденным за особо опасные преступления, связанные с насилием или посягательством на чужую жизнь (убийство, тяжкие телесные повреждения, изнасилование, разбой).

С целью проверки этих данных дополнительно была исследована контрольная группа из 17,3% осужденных – злостных нарушителей режима, характеризовавшихся повторностью криминальных актов и неоднократностью судимостей, особо тяжкими составами совершенных преступлений (9% были осуждены за убийство), а также постоянно проявляющимися гетероагрессивными тенденциями поведения.

В этой группе ни истинных, ни даже импульсивных суицидальных действий почти не наблюдалось. Возникавшие у них примитивные, однообразные аутоагрессивные акты в виде неопасных для жизни самоповреждений обычно носили характер реакции протеста, оппозиции, самозащиты или явной демонстрации. Истинно суицидальные намерения в большинстве случаев «не уживаются» с агрессивной структурой личности. Однако другие аутоагрессивные действия, не предусматривающие прямого посягательства на свою жизнь, нередко наблюдаются у личности с выраженным агрессивным потенциалом, а в некоторых случаях

даже «подменяют» агрессивный акт на аутоагрессию.

Полученные данные по сравнительному анализу результатов по методике Мини-Мульт до и после участия в тренинговой программе дали основание сделать ряд выводов: улучшилось психоэмоциональное состояние, произошло снижение психоэмоционального напряжения, уровня тревожности, фрустрации; повысился уровень уравновешенности, стрессоустойчивости, самообладания; укрепилась способность к формированию устойчивых установок и построению поведения на основе предшествующего опыта; сформировалось принятие общественных норм, моральных ценностей, закрепились навыки социально-ценного поведения.

Контрольная диагностика с использованием тест-опросника «Акцентуации характера и темперамента личности» продемонстрировала положительную динамику (снижение показателей) по ряду параметров (акцентуаций): «гиперактивность» (с 7 до 6), «педантичность» (с 6 до 5), «эмотивность» (с 7 до 6), «тревожность» (с 6 до 4), «возбудимость» (с 7 до 6). Из полученной динамики можно сделать вывод, что в процессе психокоррекции у осужденных произошли следующие изменения: снизился уровень тревожности, уровень

импульсивности, раздражительности в поведении, сформировалось умение сдерживать свои порывы, желания; повысился уровень, самоконтроля и самодисциплины, ответственности за свое поведение, отмечается рост показателей по общей оценке качества жизни, положительным эмоциям, способностью к деятельности; сформировались навыки конструктивного взаимоотношения.

Анализ характеристик, полученных при исследовании несовершеннолетних правонарушителей, свидетельствовал о наличии определенной взаимосвязи и зависимости суицидального и криминального видов девиации в подростково-юношеском возрасте.

Полученные результаты указывают на существование закономерных психологических и психопатологических показателей повышенного суицидального риска и степени аутоагрессивности в поведении несовершеннолетних правонарушителей, что может быть использовано в целях предупреждения попыток самоубийства или актов самоповреждения в условиях воспитательных колоний. Слабая воспитательная работа, выраженная в формальном подходе, может привести к деградации личности. В связи с этим не каждый выбранный метод, технология и методика окажутся действенными.

Литература

1. Мастюкова Е.М. Профилактика и коррекция нарушения психического развития детей при семейном алкоголизме: пособие для психологов. М.: Книга по Требованию, 2011. 120 с.
2. Пезешкиан Н. Если ты хочешь иметь то, что никогда не имел, тогда сделай то, чего никогда не делал. М.: Институт позитивной психотерапии, 2007. 128 с.
3. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб: Питер, 2000. 752 с.

References

1. Mastyukova E.M. Profilaktika i korrekciya narusheniya psihicheskogo razvitiya detej pri semejn-om alkoholizme: posobie dlya psihologov. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2011. 120 s.
2. Pezeshkian N. Esli ty hochesh' imet' to, chto nikogda ne imel, togda sdelay to, chego nikogda ne delal. M.: Institut pozitivnoj psihoterapii, 2007. 128 s.
3. Psihoterapevticheskaya enciklopediya. Pod red. B.D. Karvasarskogo. SPb: Piter, 2000. 752 s.

*Fedorov A.F., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.),
Associate Professor, Senior Research Officer,
Center for the Study of Problems of the Execution of Criminal
Sentences and the Psychological Support of the Professional
Activities of the Employees of the Criminal Executive System
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov*

INTERCONNECTION AND DEPENDENCE OF SUICIDAL AND CRIMINAL KINDS OF DEVIATION IN ADOLESCENT-YOUTH AGE

Abstract: the article shows a certain relationship and dependence of suicidal and criminal types of deviation among juvenile convicts. Many researchers, both foreign and domestic, have dealt with the problem of deviations in adolescent behavior. Currently, you can observe the uncontrolled, and most often inappropriate behavior of adolescents. This behavior is expressed in uncontrollable attacks of aggression, socially unacceptable expressions, the use of alcohol and drugs. All of these behaviors are viewed as deviations from social norms. Analysis of various forms of deviant behavior is one of the promising methods for studying individual mechanisms of suicide. In this regard, studies of personality structure with pronounced auto- and heteroaggressive tendencies are of considerable interest and practical value. Adolescence is one of the most crucial periods in a person's life, finally determining the formation of him as a person. Various forms of deviant behavior in adolescence, due to not only psychological, but also pathopsychological mechanisms, as a rule, are expressed, especially in the initial period, by a wide variety of personality reactions. Various psychological and pathological reactions are one of the main causes of auto-aggressive behavior, including suicide. Immaturity of motivation in behavior is often found in adolescents with deviations. Lack of volitional qualities and the inability to overcome obstacles are a specific mechanism of volitional regulation in adolescents with deviant behavior, which can cause such adolescents to strive for affective discharge and be a provocateur of another breakdown. The analysis of the characteristics obtained in the study of juvenile offenders testified to the presence of interconnection and dependence of suicidal and criminal types of deviation in adolescence. The results of the study indicate the existence of natural psychological and psychopathological indicators of an increased suicidal risk and the degree of auto-aggressiveness in the behavior of juvenile offenders, which can be used to prevent attempts at suicide or acts of self-harm in educational colonies.

Keywords: adolescence, psychological programs, psychologist, destructive behavior, adaptation, employee, convict, suicide, impact

*Хлевная Е.А., доктор экономических наук,
кандидат психологических наук, генеральный директор,
Киселева Т.С., кандидат психологических наук, руководитель
направления разработки партнерских программ,
Никитина А.А., методист-аналитик,
Осипенко Е.И., руководитель направления
исследований и методологии,
Лаборатория эмоционального интеллекта, г. Москва,
Сергиенко Е.А., доктор психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник,
Институт психологии Российской академии наук*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК РЕСУРС СОВЛАДАНИЯ СО СЛОЖНЫМИ СТРЕССОВЫМИ СИТУАЦИЯМИ

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00085 «Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности и психологическом благополучии человека»

Аннотация: статья посвящена рассмотрению роли эмоционального интеллекта (ЭИ) в совладающем поведении человека, проанализированы и представлены зарубежные и отечественные исследования, касающиеся данной области. Приведены результаты эмпирического исследования. Выборку составили 243 человека в возрасте от 18 до 67 лет (61 мужчина и 182 женщины, средний возраст – 36,1 лет). В исследовании использовались: методика ТЭИ (Тест эмоционального интеллекта) и опросник КПСС (Копинг-поведение в стрессовых ситуациях). Корреляционный анализ выявил особенности взаимосвязи показателей ЭИ с показателями копинг-стратегий в зависимости от уровня ЭИ: чем лучше у человека развита способность распознавать эмоции у себя и у других, считывать эмоциональные сигналы и учитывать ситуационные факторы при определении эмоций, тем менее он склонен прибегать к стратегиям совладания, которые основаны на игнорировании и избегании проблемной ситуации.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, тест эмоционального интеллекта, копинг-стратегии, совладающее поведение, модель способностей

Введение

Современный мир, характеризующийся возрастающей нестабильностью в социальной, экономической, политической сферах, а также ростом числа стрессогенных факторов, постоянно проверяет каждого человека на прочность. События последних двух лет поместили практически все человечество в жесткие условия жизни, наполненные страхами и стрессом, вызванными как самой пандемией, так и сопутствующими явлениями: экономическим кризисом и вынужденной самоизоляцией. В такие трудные для большинства людей периоды становятся крайне востребованными внутренние ресурсы, способности и личные качества, позволяющие противостоять проблемам и преодолевать сложности, сохранять физическое и ментальное здоровье, а также повышать свою эффективность как профессионала и т.п. Становится актуальным поиск таких конструктов, целенаправленное развитие которых вело бы к повышению уровня жизни и эффективности личности даже в условиях глобальных изменений и перемен.

Исследования указывают, что таким конструктом может выступать эмоциональный интеллект (ЭИ): люди с высоким уровнем ЭИ имеют более

низкий уровень выгорания в условиях выраженного стресса, чем люди с низким уровнем ЭИ [23]. Мета-анализ 130 статей и работ по оценке ЭИ и эмоционального выгорания учителей выявил наличие отрицательной связи ЭИ и уровнем выгорания [24]. Определена роль ЭИ в качестве модератора в стрессовых ситуациях [17, 21, 26, 30, 31]. Была выявлена роль ЭИ как фактора, предотвращающего синдром выгорания и обеспечивающего психологическое благополучие преподавателей университетов [27]. Более высокий уровень ЭИ сотрудников повышает их способность справляться со стрессом и приводит к более высокому уровню удовлетворенности жизнью [25]. Систематический анализ 45 исследований роли ЭИ в стрессе показал, что более высокий уровень развития ЭИ как способности связан с более быстрым восстановлением после острого стресса [20]. Более высокий уровень развития ЭИ сотрудников, работающих на стойках регистрации крупных отелей США, коррелирует с более низкими уровнями профессионального выгорания, что объясняется использованием более эффективных копинг-стратегий [16]. Более высокие уровни ЭИ были сопряжены с более низкими уровнями профессио-

нального стресса, в том числе во время высоко-стрессовых ситуаций, таких как пандемия COVID-19 [32].

Среди отечественных работ последних лет можно выделить несколько условных направлений изучения взаимосвязи ЭИ и копинг-стратегий: на определенных возрастных этапах (в подростковом возрасте [1], в юношеском возрасте [7]), и у представителей различных профессий, связанных с повышенным стрессом: спортсмены [3; 4], сотрудники ФСИН [13], сотрудники ГИБДД [11], представители педагогических профессий [5], медицинские работники [10] и др.

Эти исследования показали, что чем выше ЭИ подростка, тем более продуктивную копинг-стратегию (ориентация на решение проблемы) он будет выбирать [1]. Схожие результаты выявлены при исследовании девушек и молодых людей. Для юношей и девушек с высоким уровнем ЭИ характерен выбор наиболее адаптивных копинг-стратегий при столкновении со стрессовой ситуацией, в то время как юноши и девушки с низким уровнем ЭИ чаще предпочитали неадаптивные копинг-стратегии [7].

Спортсмены с высоким уровнем ЭИ выбирают более конструктивные копинг-стратегии и менее подвержены развитию психического выгорания [3; 4]. Чем выше уровень ЭИ, тем чаще при возникновении стрессовых ситуаций сотрудники ФСИН [13], ГИБДД [11] применяют копинг-стратегию, направленную на «планирование решения проблемы». Исследование менеджеров в сфере туризма позволило заключить, что ЭИ может быть рассмотрен как ресурс, способствующий преодолению организационного стресса [12]. Врачи-ординаторы с высоким уровнем ЭИ характеризуются активной позицией и ориентацией на решение проблемной ситуации, при этом могут прибегать к различным неододряемым способам, например, к манипуляции [10].

При всем том, что существуют исследования, подтверждающие роль ЭИ в процессе совладания со стрессом и сложными жизненными ситуациями, стоит отметить, что на данный момент само понятие «эмоциональный интеллект», введенное в научную практику в 1990 г. П. Сэловеем и Дж. Мэйером [28], и созданные вокруг него концепции потребовали систематизации, которая выражена в классификации подходов к ЭИ [22]. Данное уточнение призвано обратить внимание на то, что характер взаимосвязи ЭИ и копинг-стратегий, применяемых личностью, обуславливается особенностями операционализации ЭИ на основе тех или иных моделей данного конструкта, что, в свою очередь, может вести к появлению рассогласованности в результатах и видимых эффектах.

В рамках данной классификации [22] выделяются две основные группы моделей ЭИ: 1. модели способностей и 2. смешанные модели и модели черт.

Модель ЭИ как способности рассматривает данный конструкт как единство аффекта и интеллекта, когда когнитивные способности направлены на анализ и понимание эмоций и их взаимосвязи с поведением. Из общих представлений об ЭИ как когнитивно-эмоциональной способности, его операционализация строилась по аналогии с оценкой психометрического интеллекта – выполнение вербальных и невербальных задач, их генерализованной оценки и составляющих эту способность. Создание задачного теста ЭИ заняло у авторов около пяти лет, пересматривалась и уточнялась в процессе его апробации. В результате была предложен тест MSCEIT-V.2.0, признанный мировым научным сообществом как валидный и надежный инструмент для оценки ЭИ.

В смешанных моделях и моделях черт под ЭИ понимаются различные личностные и мотивационные черты и другие некогнитивные характеристики человека. В таком понимании ЭИ похож на кристаллизованные черты личности и может быть измерен самоотчетными методиками, традиционно используемыми для оценки личностных качеств. В качестве недостатков таких методов оценки ЭИ называют подверженность опросников социальной желательности и незащищенностью от стремления респондента произвести более благоприятное впечатление [2]. Наиболее известные смешанные модели и модели черт: Р. Бар-Она [15], Д. Гоулмана [18]. Опросники на ЭИ страдают тем же недостатками, что и другие опросники. Их широкое применение связано скорее с желанием исследователей получить значительные выборки и экономией времени на проведение исследований.

В практике психологической диагностики, коррекции и интервенции чрезвычайно важно опираться на надежные оценки ЭИ как способности, что открывает перспективы и потенциал для развития ЭИ путем включения респондента в специальный образом организованную деятельность, воссоздающую условия для совершенствования способностей. В рамках метаанализа, направленного на исследование результативности программ развития ЭИ, было определено, что программы, строящиеся на модели ЭИ как способности, дают более видимый и устойчивый результат, нежели программы, построенные на смешанных моделях или моделях черт [19].

Эффект воздействия направленного развития способностей ЭИ на копинг-стратегии был продемонстрирован в исследовании С.М. Сарабия-Кобо с коллегами [29]: у медсестер, прошедших ряд се-

минаров по развитию ЭИ, был выявлен значимый прирост показателей по ЭИ, измеренном тестом TMMS-24, основанным на модели ЭИ как способности), и по использованию более продуктивных копинг-стратегий после семинаров. Эти эффекты наблюдались и через год по сравнению с теми показателями, которые были замерены до семинаров.

Целью данного исследования является изучение роли ЭИ при выборе наиболее эффективных способов совладания со сложными жизненными ситуациями, а также характера их взаимосвязи.

Актуальность исследования подчеркивается особой важностью в условиях нестабильности и глобальных перемен. Тогда как новизна связана со способом операционализации ЭИ как способности, выборе задачной методики оценки конструкта, а не использование опросниковых методов, поскольку в отечественных исследованиях ЭИ отдавалось предпочтение смешанным моделям и моделям черт и соответствующим психодиагностическим инструментам в силу их большей представленности и простоты использования.

Методика и процедура исследования

Выборку исследования составили 243 респондента (61 мужчина и 182 женщины) от 18 до 67 лет со средним возрастом 36,1 лет. Сбор данных был осуществлен летом 2020 года, респонденты заполняли психодиагностические методики в онлайн-режиме.

Для оценки уровня ЭИ была использована методика ТЭИ, позволяющая получить общий балл ЭИ, баллы по Опытному и Стратегическому доменам, баллы по четырем ветвям (способностям ЭИ): распознавание (идентификация) эмоций, использование эмоций для решения задач, понимание эмоций, управление эмоциями; баллы по разделам: «Лица», «Фасилитация», «Изменения», «Управление своими эмоциями», «Изображения», «Эмпатия», «Смешивание», «Влияние на эмоции других», «Ситуации» и «Динамика». ТЭИ обладает высокой степенью надежности (α Cronbach общего уровня ЭИ = 0,93), структурной и факторной валидности ($\chi^2 = 39,87$, RMSEA = 0,027 (0,001; 0,044), CFI = 0,99), теоретическая валидность методики подтверждена достаточно высокими корреляционными связями показателей методики ТЭИ и методики MSCEIT (The Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test) [8].

Для определения особенностей совладающего поведения в стрессовых ситуациях была применена методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС), созданная Норманом С. Эндлером в соавторстве с Джеймсом А. Паркером (Norman S. Endler, James D.A. Parker), в адаптированном варианте Т.Л. Крюковой. Данная методика позволяет определить поведенческие стратегии,

стиль поведения человека в сложных, стрессовых ситуациях: стиль, ориентированный на решение задач, проблем (проблемно-ориентированный стиль поведения), эмоционально-ориентированный стиль поведения (эмоциональные реакции), стиль поведения, ориентированный на избегание. Опросник прошел адаптацию и психометрическую проверку на русскоязычной выборке [6].

Полученные данные были обработаны с помощью статистических пакетов JASP Version 0.8.4, SPSS 20.0, STATISTICA 10.

Результаты исследования

Для определения характера взаимосвязи показателей ЭИ с показателями копинг-стратегий в зависимости от уровня ЭИ были выделены две контрастные группы с относительно высоким и относительно низким ЭИ.

В первую группу с относительно низким ЭИ вошли респонденты, чей балл по общему ЭИ оказался на стандартное отклонение ниже среднего по всей выборке (34 человека, 9 мужчин и 25 женщин, далее «низкая» группа).

Во вторую группу с относительно высоким ЭИ были включены респонденты, чей балл по общему ЭИ оказался на 1 стандартное отклонение выше среднего по общей выборке (29 человек, 6 мужчин, 23 женщины, далее «высокая» группа).

Для оценки взаимосвязей между переменными использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Это обусловлено небольшим размером анализируемых групп. Существуют различные оценки силы корреляции по абсолютному значению коэффициента в разных областях науки [14]. Мы используем следующую градацию, принятую в психологических исследованиях: модуль коэффициента ниже 0.1 – отсутствие корреляции, 0.1 до 0.3 – слабая, от 0.3 до 0.6 – средняя, больше 0.6 – сильная.

Для оценки различий анализ проводился параллельно с помощью t-критерия Стьюдента и непараметрического критерия Манна-Уитни. Это позволило более надежно оценить значимость различий – в случае, если два критерия дают согласованный ответ, можно достаточно уверенно делать вывод о наличии или отсутствии значимых различий, а если один из них показывает значимое различие, а второй – нет, то вывод делается с учетом результатов проверки на нормальность.

Проведенная проверка на нормальность распределения выявила значимые на уровне $p < 0.05$ отклонения по шкалам «Отвлечение» и «Социальное отвлечение», распределение остальных шкал методики КПСС не отличается от нормального.

Соотношение копинг-стратегий у респондентов в контрастных группах – «низкой» и «высокой» – представлено в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение копинг-стратегий в контрастных группах

Шкала	Низкая группа	Высокая группа	Статистика t-критерия Стьюдента	Статистика Манна-Уитни
проблемно-ориентированный копинг	57,55882 (5,96)	62,55172 (4,852)	t = -3,60476 p = 0,000630	W = 263,5 p = 0,00159
эмоционально-ориентированный копинг	44,26471 (8,001)	37,75862 (9,334)	t = 2,97958 p = 0,004140	W = 297,5 p = 0,0072
копинг, ориентированный на избегание	47,55882 (7,0289)	46,51724 (7,85)	t = 0,55557 p = 0,580536	W = 464,5 p = 0,699
отвлечение	22,82353 (3,912)	20,79310 (3,922)	t = 2,05094 p = 0,044575	W = 362,5 p = 0,073
социальное отвлечение	15,70588 (3,262)	16,24138 (3,582)	t = -0,62079 p = 0,537047	W = 440 p = 0,469

Примечание: полужирным шрифтом отмечены корреляции, значимые на уровне $p < 0.05$

Как видно из табл. 1, выявлены статистически значимые различия на основе обоих критериев по шкалам «проблемно-ориентированный копинг» (у «высокой» группы более высокие показатели по данной шкале) и «эмоционально-ориентированный копинг» (у «низкой» группы более высокие показатели по данной шкале). Также наблюдаются различия, выявленные t-критерием, по шкале «отвлечение», однако в связи с ненормальным распределением по данной шкале наиболее мощным и достоверным критерием был бы непараметрический критерий U-Манна-Уитни, который не выявил значимых различий.

Отсюда следует, что респонденты, обладающие высоким уровнем ЭИ, отдают предпочтения копинг-стратегиям, ориентированным на решение

проблемной ситуации, тогда как респонденты, обладающие низким уровнем ЭИ, чаще прибегают к использованию эмоционально-ориентированных копинг-стратегий. Данные результаты согласуются с результатами множественного дисперсионного анализа на общей выборке (243 респондента), опубликованными нами ранее: чем выше уровень ЭИ, особенно способность понимать и анализировать причины возникновения эмоций и их последствий, тем более продуктивные стратегии совладания со сложной жизненной ситуацией будет выбирать человек [9].

Корреляции результатов ТЭИ и шкал методики КПСС в «низкой» и «высокой» группе приведены в табл. 2 и 3 соответственно.

Таблица 2

Корреляция разделов ЭИ и шкал КПСС в «низкой» группе

Шкала ТЭИ	проблемно-ориентированный копинг	эмоционально-ориентированный копинг	копинг, ориентированный на избегание	отвлечение	социальное отвлечение
Раздел 1 (Лица)	r = 0.014, p = 0.936	r = -0.117, p = 0.511	r = -0.193, p = 0.273	r = -0.161, p = 0.363	r = -0.094, p = 0.597
Раздел 2 (Фасилитация)	r = -0.109, p = 0.540	r = 0.160, p = 0.365	r = 0.294, p = 0.091	r = 0.248, p = 0.158	r = 0.205, p = 0.245
Раздел 3 (Изменения)	r = 0.360, p = 0.037	r = 0.188, p = 0.286	r = -0.142, p = 0.423	r = -0.059, p = 0.742	r = -0.065, p = 0.714
Раздел 4 (Управление своими эмоциями)	r = 0.138, p = 0.436	r = 0.238, p = 0.175	r = -0.045, p = 0.801	r = 0.040, p = 0.824	r = -0.078, p = 0.660
Раздел 5 (Изображения)	r = -0.130, p = 0.464	r = -0.148, p = 0.404	r = -0.092, p = 0.605	r = -0.170, p = 0.337	r = 0.066, p = 0.710
Раздел 6 (Эмпатия)	r = 0.152, p = 0.391	r = -0.085, p = 0.632	r = -0.210, p = 0.233	r = -0.315, p = 0.070	r = -0.019, p = 0.913
Раздел 7 (Смешивания)	r = -0.090, p = 0.613	r = 0.116, p = 0.513	r = -0.154, p = 0.385	r = -0.143, p = 0.421	r = -0.024, p = 0.892
Раздел 8 (Влияние на эмоции других)	r = -0.005, p = 0.978	r = 0.035, p = 0.843	r = -0.082, p = 0.646	r = -0.108, p = 0.544	r = -0.024, p = 0.891
Раздел 9а (Ситуации)	r = 0.220, p = 0.212	r = 0.156, p = 0.379	r = 0.327, p = 0.059	r = 0.268, p = 0.126	r = 0.300, p = 0.085

Продолжение таблицы 2

Раздел 9б (Динамика)	r = -0.088, p = 0.622	r = 0.121, p = 0.495	r = 0.146, p = 0.411	r = 0.182, p = 0.303	r = -0.031, p = 0.861
Ветвь 1 «Распознавание эмоций»	r = 0.147, p = 0.406	r = -0.025, p = 0.889	r = 0.106, p = 0.549	r = 0.002, p = 0.993	r = 0.257, p = 0.142
Ветвь 2 «Использование эмоций для решения задач»	r = -0.151, p = 0.396	r = 0.193, p = 0.275	r = 0.132, p = 0.458	r = 0.117, p = 0.512	r = 0.089, p = 0.618
Ветвь 3 «Понимание эмоций»	r = 0.169, p = 0.339	r = 0.154, p = 0.384	r = -0.202, p = 0.251	r = -0.108, p = 0.542	r = -0.132, p = 0.457
Ветвь 4 «Управление эмоциями».	r = 0.017, p = 0.925	r = 0.207, p = 0.241	r = -0.034, p = 0.849	r = 0.043, p = 0.807	r = -0.099, p = 0.578
опытный домен	r = -0.011, p = 0.952	r = 0.132, p = 0.456	r = 0.194, p = 0.271	r = 0.079, p = 0.657	r = 0.289, p = 0.097
стратегический домен	r = 0.089, p = 0.615	r = 0.207, p = 0.241	r = -0.153, p = 0.387	r = -0.056, p = 0.752	r = -0.135, p = 0.445
Общий ЭИ	r = 0.054, p = 0.760	r = 0.256, p = 0.143	r = 0.136, p = 0.445	r = 0.108, p = 0.542	r = 0.158, p = 0.371

Примечание: использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Полужирным шрифтом отмечены корреляции, значимые на уровне $p < 0.05$

В «низкой» группе корреляции практически отсутствуют, единственная значимая, хотя и довольно слабая положительная корреляция получена

между показателями раздела 3 «Изменения» и шкалы проблемно-ориентированного копинга ($r = 0.360$, $p = 0.037$).

Таблица 3

Корреляция разделов ЭИ и шкал КПСС в «высокой» группе

Шкала ТЭИ	проблемно-ориентированный копинг	эмоционально-ориентированный копинг	копинг, ориентированный на избегание	отвлечение	социальное отвлечение
Раздел 1 (Лица)	r = 0.024, p = 0.902	r = 0.061, p = 0.751	r = -0.048, p = 0.803	r = -0.224, p = 0.242	r = 0.243, p = 0.204
Раздел 2 (Фасилитация)	r = -0.037, p = 0.848	r = -0.135, p = 0.483	r = 0.146, p = 0.451	r = 0.228, p = 0.234	r = 0.065, p = 0.738
Раздел 3 (Изменения)	r = 0.151, p = 0.435	r = 0.051, p = 0.792	r = 0.036, p = 0.854	r = -0.013, p = 0.947	r = 0.244, p = 0.202
Раздел 4 (Управление своими эмоциями)	r = -0.134, p = 0.488	r = 0.044, p = 0.821	r = 0.112, p = 0.562	r = 0.199, p = 0.300	r = 0.030, p = 0.875
Раздел 5 (Изображения)	r = 0.330, p = 0.081	r = 0.223, p = 0.245	r = -0.083, p = 0.670	r = -0.026, p = 0.893	r = -0.165, p = 0.394
Раздел 6 (Эмпатия)	r = -0.223, p = 0.245	r = -0.100, p = 0.604	r = -0.193, p = 0.317	r = -0.126, p = 0.514	r = -0.294, p = 0.121
Раздел 7 (Смешивания)	r = -0.229, p = 0.233	r = 0.226, p = 0.238	r = 0.135, p = 0.485	r = 0.165, p = 0.391	r = 0.165, p = 0.391
Раздел 8 (Влияние на эмоции других)	r = 0.072, p = 0.710	r = 0.061, p = 0.753	r = 0.104, p = 0.590	r = -0.004, p = 0.982	r = 0.104, p = 0.592
Раздел 9а (Ситуации)	r = 0.114, p = 0.557	r = -0.211, p = 0.272	r = -0.442, p = 0.016	r = -0.328, p = 0.082	r = -0.376, p = 0.044
Раздел 9б (Динамика)	r = -0.165, p = 0.393	r = -0.143, p = 0.458	r = -0.096, p = 0.621	r = 0.015, p = 0.938	r = -0.215, p = 0.263
Ветвь 1 «Распознавание эмоций»	r = 0.361, p = 0.054	r = 0.039, p = 0.839	r = -0.481, p = 0.008	r = -0.459, p = 0.012	r = -0.244, p = 0.201
Ветвь 2 «Использование эмоций для решения задач»	r = -0.158, p = 0.414	r = -0.257, p = 0.179	r = -0.007, p = 0.972	r = 0.120, p = 0.536	r = -0.125, p = 0.517
Ветвь 3 «Понимание эмоций»	r = 0.022, p = 0.911	r = 0.095, p = 0.625	r = 0.073, p = 0.705	r = 0.077, p = 0.692	r = 0.260, p = 0.173

Продолжение таблицы 3

Ветвь 4 «Управление эмоциями».	$r = -0.019$, $p = 0.923$	$r = 0.055$, $p = 0.776$	$r = 0.110$, $p = 0.571$	$r = 0.147$, $p = 0.446$	$r = 0.031$, $p = 0.871$
опытный домен	$r = 0.146$, $p = 0.448$	$r = -0.167$, $p = 0.386$	$r = -0.342$, $p = 0.069$	$r = -0.240$, $p = 0.209$	$r = -0.263$, $p = 0.168$
стратегический домен	$r = -0.032$, $p = 0.868$	$r = 0.129$, $p = 0.506$	$r = 0.074$, $p = 0.704$	$r = 0.129$, $p = 0.506$	$r = 0.158$, $p = 0.413$
Общий ЭИ	$r = 0.011$, $p = 0.955$	$r = 0.034$, $p = 0.862$	$r = -0.228$, $p = 0.234$	$r = -0.109$, $p = 0.574$	$r = -0.086$, $p = 0.658$

Примечание: использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Полужирным шрифтом отмечены корреляции, значимые на уровне $p < 0.05$

В «высокой» группе корреляции немногочисленны, но их больше: отрицательно коррелирует раздел 9а «Ситуации» со шкалой копинга, ориентированного на избегание ($r = -0.442$, $p = 0.016$), и шкалой социального отвлечения ($r = -0.376$, $p = 0.044$). Также получены отрицательные корреляции между ветвью 1 «Распознавание эмоций» и шкалами копинга, ориентированного на избегание, ($r = -0.481$, $p = 0.008$) и отвлечения ($r = -0.459$, $p = 0.012$).

Иными словами, чем лучше у человека развита способность распознавать эмоции у себя и у других, считывать эмоциональные состояния и учитывать ситуационные факторы при определении эмоций, тем менее он склонен прибегать к стратегиям совладания, которые основаны на игнорировании и избегании проблемной ситуации.

Выводы

Полученные в результате исследования данные позволяют утверждать, что ЭИ может быть рассмотрен в качестве фактора, сопряженного с выбором наиболее продуктивных копинг-стратегий для преодоления сложных стрессовых ситуаций. Респонденты с высоким ЭИ при столкновении со сложностями демонстрируют поведение, ориентированное на разрешение проблем, тогда как респонденты с низким ЭИ в таких сложных ситуа-

циях прибегают к копинг-стратегиям, дающим видимый эффект снижения или разрядки напряжения, обусловленного стрессом, ситуативно эмоциональном поведении (например, «эмоциональная разрядка» в виде плача и криков, эмоциональных переживаний), но не устраняющих причину стрессовой ситуации, что может вести к пролонгации действия стрессоров и истощению ресурсов.

Также важно, что респонденты с высоким общим ЭИ, у которых высокий уровень развития способности распознавать эмоции, особенно учитывая контекст ситуации, менее склонны при выборе копинг-стратегии к игнорированию и отвлечению, т.е. попыткам уйти от анализа стрессовой ситуации.

Полученные результаты могут лечь в основу разработки программ развития уровня ЭИ, способствующего повышению ресурса жизнестойкости личности, ее самоэффективности, а также программ психологической поддержки в связи с изменяющимися стрессовыми условиям окружающей среды. Если учесть, что данные были получены в период пандемии, можно полагать, что ЭИ служит модифицирующим внутренним механизмом преодоления стресса, а его тренинг будет способствовать усилению ресурсов личности к сопротивлению стрессорам.

Литература

1. Авдонина В.И., Кропотина Е.М. Влияние эмоционального интеллекта на копинг-стратегии подростков, зависимых от социальных сетей // Актуальные психолого-педагогические исследования: Сборник материалов научных исследований / Под ред. Е.М. Разумовой. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2017. С. 7 – 8.
2. Белобородов А.М., Иванова Е.С. Сравнительный анализ результатов диагностики самооценки и объективных показателей эмоционального интеллекта // Научный диалог. 2014. № 11 (35). С. 103 – 113.
3. Берилова Е.И. Эмоциональный интеллект и копинг-стратегии как компоненты готовности спортсменов к командным взаимодействиям // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2021. № 1. С. 238 – 240.
4. Берилова Е.И. Эмоциональный интеллект и копинг-стратегии как ресурсы конкурентоспособности спортсменов // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 3. С. 200 – 217.
5. Воробьева К.А., Сафонов В.В. Копинг стратегии у специалистов педагогических профессий в ситуации неопределенности постковидном транзитивном обществе // Мир образования – образование в мире. 2021. № 3 (83). С. 92 – 102. DOI 10.51944/2073-8536_2021_3_92

6. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007. 61 с.
7. Лужбина Н.А., Ральникова И.А., Васильева Е.В., Любимова О.М. Копинг-стратегии юношей в контексте эмоционального интеллекта // Человеческий капитал. 2019. № 8. С. 164 – 173.
8. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Мигун Ю.П. Эмоциональный интеллект: разработка русскоязычной методики ТЭИ (Тест эмоционального интеллекта) // Психологические исследования. 2019. Т. 12. № 63. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.11.2020)
9. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Киселева Т.С., Никитина А.А., Осипенко Е.И. Роль эмоционального интеллекта в психологическом благополучии человека и в совладании со стрессом // Вопросы психологии. 2021. № 1. С. 71 – 81.
10. Слесаренко Л.А., Григорьева Д.Д., Башилова С.М., Башилов Р.Н. Влияние эмоционального интеллекта на выбор поведенческого копинга у врачей-ординаторов // Молодежь и медицинская наука: материалы VIII Всероссийской межвузовской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием / Твер. гос. мед. ун-т; редкол.: А.Б. Давыдов и др. Тверь: Твер. гос. мед. ун-т, 2020. С. 341.
11. Соловей В.Д., Дворцова А.В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта с копинг-стратегиями у сотрудников ГИБДД // Актуальные вопросы современной науки: Сборник трудов по материалам V Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ, Уфа, 30 мая 2021 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2021. С. 166 – 174.
12. Столярчук Е.А. Эмоциональный интеллект как ресурс преодоления организационного стресса в профессиональной деятельности менеджеров туризма // Вестник ТвГУ. Серия: "Педагогика и психология". 2016. № 4. С. 200 – 205.
13. Хайрутдинова М.Р. Копинг-стратегии сотрудников ФСИН // Материалы Университетской студенческой научно-практической конференции Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, Калуга, 22-23 апреля 2021 года. Калуга: Изд-во Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2021. С. 360 – 365.
14. Akoglu H. User's guide to correlation coefficients // Turkish journal of emergency medicine. 2018. Т. 18. № 3. P. 91 – 93.
15. Bar-On R. Emotional Intelligence Inventory (EQ-i): Technical manual. Toronto, Canada: Multy-Health System, 1997.
16. Choi H.M., Mohammad A.A.A., Kim W.G. Understanding hotel frontline employees' emotional intelligence, emotional labor, job stress, coping strategies and burnout // International Journal of Hospitality Management. 2019. Т. 82. P. 199 – 208.
17. Extremera N., Rey L. The moderator role of emotion regulation ability in the link between stress and well-being. *Frontiers in psychology*, 2015. № 6. P. 1632.
18. Goleman D. Emotional intelligence. New York: Bantam Books, 1995.
19. Hodzic S., Scharfen J., Ripoll P., Holling H., Zenasni F. How efficient are emotional intelligence trainings: a meta-analysis // *Emotion Review*. 2018. № 10 (2). P. 138 – 148.
20. Lea R.G., Davis S.K., Mahoney B., Qualter P. Does emotional intelligence buffer the effects of acute stress? A systematic review // *Frontiers in psychology*. – 2019. – Т. 10. – С. 810.
21. Limonero J.T., Fernández-Castro J., Soler-Oritja J., Álvarez-Moleiro M. Emotional intelligence and recovering from induced negative emotional state // *Frontiers in psychology*, 2015. № 6. 816 p.
22. Mayer J.D., Caruso D.R., Salovey P. Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence // *Intelligence*. 1999. № 27. P. 267 – 298.
23. McFarlin R.G., Rode J.C., Shervani T.A. A contingency model of emotional intelligence in professional selling // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2015. № 44 (1). P. 108 – 118.
24. Mérida-López S., Extremera N. Emotional intelligence and teacher burnout: A systematic review // *International Journal of Educational Research*. 2017. V. 85. P. 121 – 130.
25. Naseem K. Job stress, happiness and life satisfaction: The moderating role of emotional intelligence empirical study in telecommunication sector Pakistan // *Journal of Social Sciences and Humanity Studies*. 2018. Т. 4. № 1. P. 7 – 14.
26. Peña-Sarrionandia A., Mikolajczak M., Gross J.J. Integrating emotion regulation and emotional intelligence traditions: a meta-analysis // *Frontiers in psychology*. 2015. № 6. P. 160.
27. Puertas-Molero P., Zurita-Ortega F., Chacón-Cuberos R., Martínez-Martínez A., Castro-Sánchez M., González-Valero G. An explanatory model of emotional intelligence and its association with stress, burnout syndrome, and non-verbal communication in the university teachers // *Journal of clinical medicine*. 2018. Т. 7. № 12. P. 524.

28. Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence. *Imagination, Cognition, and Personality*, 1990.
29. Sarabia-Cobo C.M., Suárez S.G., Crispín E.J.M., Cobo A.B.S., Pérez V., de Lorena P., Gross L.S. Emotional intelligence and coping styles: An intervention in geriatric nurses // *Applied Nursing Research*. 2017. V. 35. P. 94 – 98.
30. Schneider T.R., Lyons J.B., Khazon S. Emotional intelligence and resilience // *Personality and Individual Differences*. 2013. № 55 (8). P. 909 – 914.
31. Slaski M., Cartwright S. Emotional intelligence training and its implications for stress, health and performance // *Stress and health*, 2003. № 19 (4). P. 233 – 239.
32. Valenti G.D., Faraci P., Magnano P. Emotional intelligence and social support: two key factors in preventing occupational stress during COVID-19 // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. T. 18. № 13. P. 6918.

References

1. Avdonina V.I., Kropotina E.M. Vliyanie emocional'nogo intellekta na koping-strategii podrostkov, zavisimyh ot social'nyh setej. Aktual'nye psihologo-pedagogicheskie issledovaniya: Sbornik materialov nauchnyh issledovanij. Pod red. E.M. Razumovoj. Magnitogorsk: Magnitogorskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet im. G.I. Nosova, 2017. S. 7 – 8.
2. Beloborodov A.M., Ivanova E.S. Sravnitel'nyj analiz rezul'tatov diagnostiki samoocenki i ob'ektivnyh pokazatelej emocional'nogo intellekta. *Nauchnyj dialog*. 2014. № 11 (35). S. 103 – 113.
3. Berilova E.I. Emocional'nyj intellekt i koping-strategii kak komponenty gotovnosti sportsmenov k komandnym vzaimodejstviyam. Materialy nauchnoj i nauchno-metodicheskoj konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta fizicheskoj kul'tury, sporta i turizma. 2021. № 1. S. 238 – 240.
4. Berilova E.I. Emocional'nyj intellekt i koping-strategii kak resursy konkurentosposobnosti sportsmenov. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. 2018. T. 3. № 3. S. 200 – 217.
5. Vorob'eva K.A., Safonov V.V. Koping strategii u specialistov pedagogicheskijh professij v situacii neopredelennostiv postkovidnom tranzitivnom obshchestve. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. 2021. № 3 (83). S. 92 – 102. DOI 10.51944/2073-8536_2021_3_92
6. Kryukova T.L. Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping-shkaly. Kostroma: Avantitul, 2007. 61 s.
7. Luzhbina N.A., Ral'nikova I.A., Vasil'eva E.V., Lyubimova O.M. Koping-strategii yunoshej v kontekste emocional'nogo intellekta. *CHelovecheskij kapital*. 2019. № 8. S. 164 – 173.
8. Sergienko E.A., Hlevnaya E.A., Vetrova I.I., Migun YU.P. Emocional'nyj intellekt: razrabotka russkojazychnoj metodiki TEI (Test emocional'nogo intellekta). *Psihologicheskie issledovaniya*. 2019. T. 12. № 63. S. 5. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 17.11.2020)
9. Sergienko E.A., Hlevnaya E.A., Kiseleva T.S., Nikitina A.A., Osipenko E.I. Rol' emocional'nogo intellekta v psihologicheskom blagopoluchii cheloveka i v sovladanii so stressom. *Voprosy psihologii*. 2021. № 1. S. 71 – 81.
10. Slesarenko L.A., Grigor'eva D.D., Bashilova S.M., Bashilov R.N. Vliyanie emocional'nogo intellekta na vybor povedencheskogo kopinga u vrachej-ordinatorov. *Molodezh' i medicinskaya nauka: materialy VIII Vserossijskoj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh s mezhduнародnym uchastiem*. Tver. gos. med. un-t; redkol.: A.B. Davydov i dr. Tver': Tver. gos. med. un-t, 2020. S. 341.
11. Solovej V.D., Dvorcova A.V. Vzaimosvyaz' emocional'nogo intellekta s koping-strategiyami u sotrudnikov GIBDD. Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki: Sbornik trudov po materialam V Vserossijskogo konkursa nauchno-issledovatel'skijh rabot, Ufa, 30 maya 2021 goda. Ufa: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Nauchno-izdatel'skij centr "Vestnik nauki", 2021. S. 166 – 174.
12. Stolyarchuk E.A. Emocional'nyj intellekt kak resurs preodoleniya organizacionnogo stressa v professional'noj deyatel'nosti menedzherov turizma. *Vestnik TvGU. Seriya: "Pedagogika i psihologiya"*. 2016. № 4. S. 200 – 205.
13. Hajrutdinova M.R. Koping-strategii sotrudnikov FSIN. Materialy Universitetskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.E. Ciolkovskogo, Kaluga, 22-23 aprelya 2021 goda. Kaluga: Izd-vo Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.E. Ciolkovskogo, 2021. S. 360 – 365.
14. Akoglu H. User's guide to correlation coefficients. *Turkish journal of emergency medicine*. 2018. T. 18. № 3. P. 91 – 93.

15. Bar-On R. Emotional Intelligence Inventory (EQ-i): Technical manual. Toronto, Canada: Multy-Health System, 1997.
16. Choi H.M., Mohammad A.A.A., Kim W.G. Understanding hotel frontline employees' emotional intelligence, emotional labor, job stress, coping strategies and burnout. *International Journal of Hospitality Management*. 2019. T. 82. P. 199 – 208.
17. Extremera N., Rey L. The moderator role of emotion regulation ability in the link between stress and well-being. *Frontiers in psychology*, 2015. № 6. P. 1632.
18. Goleman D. Emotional intelligence. New York: Bantam Books, 1995.
19. Hodzic S., Scharfen J., Ripoll P., Holling H., Zenasni F. How efficient are emotional intelligence trainings: a meta-analysis. *Emotion Review*. 2018. № 10 (2). P. 138 – 148.
20. Lea R.G., Davis S.K., Mahoney B., Qualter P. Does emotional intelligence buffer the effects of acute stress? A systematic review. *Frontiers in psychology*. – 2019. – T. 10. – S. 810.
21. Limonero J.T., Fernández-Castro J., Soler-Oritja J., Álvarez-Moleiro M. Emotional intelligence and recovering from induced negative emotional state. *Frontiers in psychology*, 2015. № 6. 816 p.
22. Mayer J.D., Caruso D.R., Salovey P. Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence. *Intelligence*. 1999. № 27. R. 267 – 298.
23. McFarlin R.G., Rode J.C., Shervani T.A. A contingency model of emotional intelligence in professional selling. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2015. № 44 (1). P. 108 – 118.
24. Mérida-López S., Extremera N. Emotional intelligence and teacher burnout: A systematic review. *International Journal of Educational Research*. 2017. V. 85. P. 121 –130.
25. Naseem K. Job stress, happiness and life satisfaction: The moderating role of emotional intelligence empirical study in telecommunication sector Pakistan. *Journal of Social Sciences and Humanity Studies*. 2018. T. 4. № 1. P. 7 – 14.
26. Peña-Sarrionandia A., Mikolajczak M., Gross J.J. Integrating emotion regulation and emotional intelligence traditions: a meta-analysis. *Frontiers in psychology*. 2015. № 6. P. 160.
27. Puertas-Molero P., Zurita-Ortega F., Chacón-Cuberos R., Martínez-Martínez A., Castro-Sánchez M., González-Valero G. An explanatory model of emotional intelligence and its association with stress, burnout syndrome, and non-verbal communication in the university teachers. *Journal of clinical medicine*. 2018. T. 7. № 12. P. 524.
28. Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence. *Imagination, Cognition, and Personality*, 1990.
29. Sarabia-Cobo C.M., Suárez S.G., Crispín E.J.M., Cobo A.B.S., Pérez V., de Lorena P., Gross L.S. Emotional intelligence and coping styles: An intervention in geriatric nurses. *Applied Nursing Research*. 2017. V. 35. P. 94 – 98.
30. Schneider T.R., Lyons J.B., Khazon S. Emotional intelligence and resilience. *Personality and Individual Differences*. 2013. № 55 (8). P. 909 – 914.
31. Slaski M., Cartwright S. Emotional intelligence training and its implications for stress, health and performance. *Stress and health*, 2003. № 19 (4). P. 233 – 239.
32. Valenti G.D., Faraci P., Magnano P. Emotional intelligence and social support: two key factors in preventing occupational stress during COVID-19. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. T. 18. № 13. P. 6918.

*Khlevnaya E.A., Doctor of Economic Sciences (Advanced Doctor),
Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), CEO,
Kiseleva T.S., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.),
Head of Development of Partner Programs,
Nikitina A.A., Methodologist-Analyst,
Osipenko E.I., Head of Research and Methodology,
Emotional Intelligence Laboratory,
Sergienko E.A., Doctor of Psychological Sciences (Advanced Doctor),
Professor, Chief Research Officer,
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences*

EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A RESOURCE FOR COPING WITH COMPLEX, STRESSFUL SITUATIONS

Abstract: this paper is devoted to considering the role of emotional intelligence (EI) in coping behaviour. International and Russian studies related to this area are analyzed, and the results of empirical research are presented. The sample consisted of 243 people aged 18 to 67 years (61 men and 182 women, average age 36.1 years). The study used the EIT (Emotional Intelligence Test) methodology to measure the level of development of EI and the CISS (Coping Inventory for Stressful Situations) questionnaire to determine coping behaviours. Correlation analysis revealed the peculiarities of the relationship between EI indicators and coping strategy indicators depending on EI level. The better a person has developed the ability to recognize emotions in themselves and others, read emotional signals, and take into account situational factors when determining emotions, the less this person is inclined to resort to coping strategies based on ignoring and avoiding a problem.

Keywords: emotional intelligence, emotional intelligence test, coping strategies, coping behaviour, ability model

*Яценко О.В., аспирант,
Чернецкая Н.И., доктор психологических наук, профессор,
Кедрова Е.А., кандидат психологических наук, доцент,
Иркутский государственный университет*

ПОВЫШЕНИЕ УЧЕБНОЙ УСПЕВАЕМОСТИ ПОДРОСТКОВ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИХ ПРОФООРИЕНТИРОВАНИЯ ПО ТЕХНОЛОГИИ PROF.NAVIGATOR

Аннотация: в статье описано исследование и представлены результаты изучения воздействия новой авторской индивидуальной профориентационной технологии «PROF.Navigator» на учебную успеваемость подростков, которые до этого не были представлены в научном сообществе. В статье теоретически обосновано применение учебной успеваемости как одного из важных критериев оценки учебной мотивации и успешности учебного процесса, выдвинута гипотеза об использовании профориентации как одного из возможных факторов повышения учебной успеваемости, кратко описана авторская технология профориентации «PROF.Navigator», представлен сравнительный анализ воздействия трех профориентационных технологий индивидуального сопровождения профессионального самоопределения подростков – методики «Профкарьера» Центра гуманитарных технологий МГУ, методики «Digital Human» «Школы карьерного менеджмента» и авторской технологии «PROF.Navigator». Результаты исследования подтверждают гипотезу авторов о значимом повышении учебной успеваемости подростков по профильным предметам, в результате их профориентации по технологии «PROF.Navigator», и о дальнейших перспективах исследований формирующего воздействия профориентационного сопровождения подростков на другие показатели эффективности учебного процесса. Результаты исследования, также, позволяют предположить возможности использования формирующего воздействия профориентации на учебную мотивацию подростков на этапе введения новых для подростков предметов в средней школе, что потенциально повышает их учебную успеваемость по данным предметам. В исследовании участвовало 120 подростков из школ Иркутской области, в возрасте 14-18 лет.

Ключевые слова: профориентация подростков, учебная успеваемость, повышение успеваемости подростков, технология профориентации PROF.Navigator

Низкая учебная успеваемость подростков представляет собой широко распространенную педагогическую проблему, которая имеет целый ряд негативных педагогических и психологических последствий, среди которых учебная запущенность, низкие профессиональные перспективы, делинквентные формы поведения, депрессивные и суицидальные психологические состояния учащегося. Все эти факторы на следующих возрастных этапах зачастую приводят человека к общей неудовлетворенности жизнью, отсутствию мотивации к достижению успеха в жизни, стагнации и деградации личности. При этом, вопрос нахождения адекватных и эффективных психолого-педагогических средств повышения учебной успеваемости именно в подростковом возрасте является крайне актуальным, поскольку на последующих возрастных этапах исправлять ситуацию низкой учебной успеваемости и несформированности учебных компетенций становится все более трудоемко и проблематично.

Целью настоящего исследования была количественная оценка воздействия технологий профориентации на учебную успеваемость подростков, для того чтобы понять, во-первых, насколько оправдано и эффективно их системное использо-

вание в педагогическом процессе, а во-вторых, оценить эффективность этого воздействия с помощью авторской технологии профориентации PROF.Navigator. Предполагается, что профориентация способна значимо влиять на повышение учебной успеваемости подростков, поскольку профессиональное самоопределение в этом возрасте входит в круг ведущих видов деятельности учащихся, и способствует формированию учебной мотивации, целей обучения и индивидуальной образовательной траектории.

Несмотря на сложившееся в психолого-педагогическом сообществе понимание важности профориентационной работы с подростками и роли учебной успеваемости в образовательном процессе, научных исследований, оценивающих взаимодействие этих двух категорий, крайне мало. Данные категории, в основном, исследовались отдельно друг от друга, зачастую в рамках разных научных предметов. Из недавних известных нам исследований корреляции учебной успеваемости и профориентации мы можем выделить работу Ю.А. Келаревой [1], в которой она пришла к выводу о существовании взаимосвязи между профессиональным самоопределением и учебной успеваемостью подростков. В своей работе автор проводит

констатирующий эксперимент и отмечает, что с учебной успеваемостью наиболее тесно коррелирует профессиональный тип личности по Холланду, и выстраивается эта корреляционная связь через конструкты профессиональной цели и привлекательности профессионального будущего. Разварина И.Н. и Гордиевская А.Н. решали в своем исследовании [2] обратную задачу, представляя учебную успеваемость как важный фактор профессионального самоопределения – в их работе было доказано, что чем выше учебная успеваемость учащихся, тем большая доля из них профессионально самоопределилась и выбрала свой образовательный путь. Это исследование носит также констатирующий характер, при котором формирующего воздействия профориентации на учащихся экспериментальной группы также не производилось. Множество исследований посвящено корреляции учебной успеваемостью с различными психолого-характерологическими особенностями подростков [3, 4, 5]. В них проводится анализ корреляционных связей между учебной мотивацией, самооценкой, тревожностью, акцентуациями характера и другими типологическими особенностями подростков с их учебной успеваемостью. Полагаем, что на эти психологические факторы подростков возможно воздействие средствами профориентации, однако мы не нашли в научной литературе последних лет работ, непосредственно исследующих такие факты.

Гипотеза нашего исследования заключалась в том, что учебная успеваемость подростков по школьным предметам повышается под воздействием профориентации, и данное повышение зависит от технологий профориентации. Также целью исследования было количественно оценить средний сдвиг успеваемости у испытуемых по результатам проведенной профориентационной работы.

Наше исследование проходило на базе формирующего эксперимента с подростками 14-18 лет, обучающихся в общеобразовательных школах города Иркутска. База исследования составила 120 человек, отобранных на добровольной основе с согласия родителей и разделенных случайным образом на 4 группы по 30 человек в каждой – 3 экспериментальных и 1 контрольную. С участниками экспериментальных групп проводилась индивидуальная профориентационная работа по трем различным технологиям: профконсультировании на базе онлайн теста Центра гуманитарных технологий МГУ (методика «Профкарьера», авторы Серебряков А.Г., Алтухов В.В., Орлова Е.А., Кононов А.Н., Шмелев А.Г., далее по тексту - технология ЦГТ МГУ), технологии «Digital Human» Школы карьерного менеджмента (на базе методики

«#Профориентация» авторов Богдановская И.М., Кошелева А.Н.) и авторской технологии профориентации PROF.Navigator. Ранее мы уже подробно разбирали состав данных технологий профориентации [6]. Первые две технологии представляют собой широко применяемые в школах России электронные онлайн тесты, с последующим профессиональным консультированием на базе полученных после тестирования результатов. Третья технология разработана Яценко О.В. и более 8 лет используется в практической деятельности Центра профориентации PROF.Navigator. Она включает в себя определение готовности к выбору профессии по авторскому проблематизирующему опроснику; соционическую диагностику по методике Е.А. Удаловой; психодиагностику с выявлением акцентуаций характера по методу Леонгарда-Шмишека, тест Холланда на определение профессиональных предпочтений, тест самооценки, тест ценностных ориентаций личности; профессиональную диагностику с авторским биографическим опросником, изучением биографических материалов, собеседованием с родителями подростков, экспертизами профессиональных компетенций и достижений; профконсультирование с обучающим обзором мира профессий, подбором оптимальных профессий, профессиональной пробой или беседой с экспертом в выбранной профессии; выдачей отчета подростку в присутствии его родителей, с комментариями полученных в ходе профконсультирования результатов; мониторинг профессионального самоопределения с элементами тьюторского сопровождения. По времени формирующего воздействия технология ЦГТ МГУ заняла в среднем 3 часа работы с подростком, технология Digital Human – 4 часа, технология PROF.Navigator – 12 часов. В контрольной группе работа по профориентации с подростками не проводилась.

Для оценки учебной успеваемости подростков, мы брали в рассмотрение оценки по математике, русскому языку и двум профильным предметам, рекомендованным для сдачи экзаменов ГИА по итогам профориентационной работы (в контрольной группе профильные предметы подростки определяли самостоятельно), за предыдущий учебный год и учебную четверть после проведения формирующего эксперимента. Таким образом, мы смоделировали реальную ситуацию подготовки подростков к сдаче экзаменов ГИА, в числе которых школьники сдают математику и русский язык как обязательные предметы и выбирают один или два экзамена по профильным предметам, необходимым для поступления в профессиональное учебное заведение по выбранной профессии.

Для оценки сдвигов в успеваемости мы использовали критерий G-критерий знаков и угловое

преобразование Фишера F^* , так как численность выборки составила до 40 человек и характер распределения не был нормальным. По результатам оценки достоверности сдвигов в успеваемости по этим критериям, мы можем утверждать, что под воздействием профориентации в уровнях успеваемости по профильным предметам, а также по суммарному баллу из 4 предметов произошел достоверный и значимый сдвиг (кроме показателя суммарного балла из 4 предметов в группе с технологией Digital Human). По успеваемости по математике и русскому языку достоверного сдвига не

произошло. Это может быть объяснено тем, что два эти предмета являются обязательными для достаточно глубокого изучения, большим количеством разнообразных практических задач и самой высокой частотой занятий у всех испытуемых, в связи с чем быстро улучшить свою успеваемость по ним за учебную четверть для всех учащихся было затруднительно.

Результаты расчета средних сдвигов в успеваемости по итогам формирующего эксперимента представлены в табл. 1.

Таблица 1

Среднее значение сдвига в сумме баллов успеваемости по 4 школьным предметам по группам испытуемых

Экспериментальные группы	Математика		Русский язык		Профильный предмет 1		Профильный предмет 2		Сумма баллов за 4 предмета	
	балл	%	балл	%	балл	%	балл	%	Балл*	%
PROF.Navigator	0,25	5	0,3	6	0,53	11	0,47	9	0,39	7,8
Digital Human	0,05	1	0,1	2	0,33	6,6	0,33	6,6	0,21	4,1
ЦГТ МГУ	0,18	3,6	0,27	5,4	0,30	6	0,33	6,6	0,27	5,4

* Средний сдвиг в сумме баллов успеваемости по 4 предметам для целей сравнительного анализа был приведен к среднему сдвигу по 1 предмету. Например, если по сумме баллов за 4 предмета сдвиг был зафиксирован в 2 балла, то они были разделены на 4 предмета и в таблице отражено $2 / 4 = 0,5$ баллов – получен в среднем сдвиг по одному предмету

Среднее повышение успеваемости по профильным предметам достигало от 6 до 11-12% под формирующим воздействием разных технологий профориентации. При этом, технология PROF.Navigator продемонстрировала сдвиги в успеваемости в 1,5-2 раза большие, чем по технологиям Digital Human и ЦГТ МГУ, тем самым подтверждая наши выводы об эффективности формирующего воздействия профориентации на учебную успеваемость. Профильные предметы вносят существенный вклад и в сумму баллов по экзаменационным предметам ГИА – в среднем профориентация позволяет увеличить баллы по экзаменационным предметам на 4-10%, что также является важным выводом нашего исследования, поскольку в ситуации реальных выпускных экзаменов 5-10 баллов могут иметь принципиальное значение для поступления / не поступления в учебное заведение.

По результатам проведенного исследования мы можем сделать вывод

о том, что профориентация имела достоверное и значимое воздействие на учебную успеваемость подростков по профильным предметам. Среди трех технологий профориентации, задействованных в формирующем эксперименте, наибольшим воздействием на успеваемость и занятость подростков имела авторская технология PROF.Navigator, которая позволила повысить успеваемость подростков по профильным предметам в среднем на 0,5 балла оценки по этим предметам в течение 3 месяцев после формирующего воздействия. Таким образом, мы считаем целесообразным использование профориентации по технологии PROF.Navigator в качестве эффективного средства повышения учебной успеваемости подростков, особенно на этапе выбора профильных предметов для сдачи экзаменов ГИА и подготовке к ним.

Литература

1. Келарёва Ю.А. Профессиональное самоопределение старшеклассников с различной учебной успеваемостью // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018014287> (дата обращения: 01.10.2021)
2. Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. Образование как фактор профессионального самоопределения подростков // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. Т. 6. № 4. С. 3 – 15. DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-4-0-1
3. Семенова Т.В. Влияние учебной мотивации на успеваемость студентов: роль учебной активности // Высшее образование в России. 2016. № 7 (203). С. 25 – 37.
4. Ковалевская А.В. Влияние учебной мотивации на успеваемость подростков // Концепт. 2015. Спецвыпуск № 01. ART 75026. 0,3 п. л. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75026.htm> Гос. рег. Эл No ФС 77-49965. ISSN 2304-120X
5. Дмитриева С.Н., Евдокарлова Т.В., Попова И.И. Влияние тревожности на успеваемость подростков // Современное педагогическое образование. 2019. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-trevozhnosti-na-uspevaemost-podrostkov> (дата обращения: 02.10.2021)
6. Яценко О.В. К вопросу о создании новых технологий профориентации современных подростков // Проблемы теории и практики современной психологии: Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 23-24 апреля 2020 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 191 – 194.

References

1. Kelaryova Yu.A. Professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov s razlichnoj uchebnoj uspevaemost'yu. Materialy XI Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum» URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018014287> (data obrashcheniya: 01.10.2021)
2. Razvarina I.N., Gordievskaya A.N. Obrazovanie kak faktor professional'nogo samoopredeleniya podrostkov. Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya. 2020. T. 6. № 4. S. 3 – 15. DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-4-0-1
3. Semenova T.V. Vliyanie uchebnoy motivacii na uspevaemost' studentov: rol' uchebnoy aktivnosti. Vyshee obrazovanie v Rossii. 2016. № 7 (203). S. 25 – 37.
4. Kovalevskaya A.V. Vliyanie uchebnoy motivacii na uspevaemost' podrostkov. Koncept. 2015. Specvypusk № 01. ART 75026. 0,3 p. l. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75026.htm> Gos. reg. El No FS 77-49965. ISSN 2304-120X
5. Dmitrieva S.N., Evdokarova T.V., Popova I.I. Vliyanie trevozhnosti na uspevaemost' podrostkov. Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2019. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-trevozhnosti-na-uspevaemost-podrostkov> (data obrashcheniya: 02.10.2021)
6. YAcenko O.V. K voprosu o sozdanii novyh tekhnologij proforientacii sovremennyh podrostkov. Problemy teorii i praktiki sovremennoj psihologii: Materialy XIX Vserossiiskoy nauchno prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Irkutsk, 23-24 aprelya 2020 g. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2020. S. 191 – 194.

*Yatsenko O.V., Postgraduate,
Cherneckaya N.I., Doctor of Psychological
Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Kedyarova E.A., Candidate of Psychological
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk State University*

**THE IMPROVING OF THE ACADEMIC PERFORMANCE OF
ADOLESCENTS UNDER THE INFLUENCE OF THEIR CAREER
GUIDANCE USING PROF.NAVIGATOR TECHNOLOGY**

Abstract: the article describes the research and presents the results of studying the impact of the new author's individual career guidance technology PROF.Navigator on the academic performance of adolescents who had not previously been represented in the scientific community. The article theoretically substantiates the use of academic performance as one of the important criteria for assessing educational motivation and the success of the educational process, hypothesizes the use of career guidance as one of the possible factors for improving academic performance, briefly describes the author's technology of career guidance "PROF.Navigator", presents a comparative analysis of the impact of three career guidance technologies of individual support of professional self-determination of adolescents – the methods of "Professional Career" of the Center for Humanitarian Technologies of Moscow State University, the methods of "Digital Human" of the "School of Career Management" and the author's technology "PROF.Navigator". The results of the study confirm the authors' hypothesis about a significant increase in the academic performance of adolescents in specialized subjects, as a result of their career guidance using "PROF.Navigator" technology, and about further prospects for research on the formative impact of career guidance support of adolescents on other indicators of the effectiveness of the educational process. The results of the study also suggest the possibility of using the formative effect of career guidance on the educational motivation of adolescents at the stage of introducing new subjects for adolescents in secondary school, which potentially increases their academic performance in these subjects. The study involved 120 teenagers from schools in the Irkutsk region, aged 14-18 years.

Keywords: career guidance of adolescents, academic performance, improving the academic performance of adolescents, career guidance technology PROF.Navigator

*Кулешов Д.О., младший научный сотрудник,
Санкт-Петербургский военный институт
войск национальной гвардии России*

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Аннотация: в данной статье раскрыта структура, принципы, содержание и компоненты психологической программы развития профессионально-личностных качеств будущих офицеров «ВЕКТОР-ЭЛИТ». Для участия в формирующем эксперименте в экспериментальную и контрольную группу были привлечены курсанты Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, по 110 человек соответственно. Психологическая работа с экспериментальной группой осуществлялась в течение второго семестра обучения 2020-2021 учебного года. Данная программа внедрялась в образовательную деятельность в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки (COVID-19), когда увольнения в город для курсантов были минимизированы. В этих условиях необходимо было продумать и обеспечить внедрение дополнительных занятий, воспитательных мероприятий в образовательную деятельность военного института, что подчеркивает своевременность и значимость проводимой работы. Данная программа показала высокую эффективность в развитии профессионально-личностных качеств курсантов военного института как представителей профессиональной элиты.

Ключевые слова: психологическая программа, образовательная деятельность, военный институт, профессионально-личностные качества, профессиональная элита, будущие офицеры

Исследователи проблем современного высшего образования сходятся во мнении, что оно должно выполнять важную функцию формирования наиболее достойных представителей той или иной деятельности [6, 8]. Также это в полной мере относится к военному образованию, в рамках которого осуществляется подготовка специалиста, способного к вооруженной защите Отечества, носителя нравственности народа, его лучших традиций.

Вместе с тем результаты проводимых социально-психологических исследований посвященных изучению готовности молодых офицеров войск национальной гвардии к профессиональной деятельности показывают, что командиры (начальники) имеющие в подчинении молодых офицеров указывает не недостаточной уровень сформированности, у части выпускников, профессионально-личностных качеств необходимых для успешного выполнения служебно-боевых задач.

Эти аспекты проблем образовательной деятельности военных вузов также неоднократно указываются в исследованиях различных ученых, которые отмечают недостаточность уровня сформированности психолого-педагогических знаний, управленческого мастерства, психологической устойчивости и ряда других профессионально важных качеств [1].

Диагностический этап нашего исследования подтвердил, что у отборных офицеров войск национальной гвардии (наиболее эффективно проявившие себя в решении сложных служебно-боевых задач) профессионально-личностные каче-

ства, такие как профессиональная культура, профессиональная компетентность, ценностно-патриотические ориентации, патриотизм; приверженность организации; осмысленность жизни; ответственность; волевой потенциал; социальная креативность; готовность к оправданному риску; находятся на высоком уровне развития, значит, это обосновывает необходимость их развития в рамках реализации программ образовательной деятельности военных вузов [2].

Проблема формирования личности стоит на первом плане в гуманистической педагогике и психологии. Поэтому представленная психологическая программа формирования качеств элитной личности курсанта военного института «ВЕКТОР-ЭЛИТ» создавалась на основе принципов гуманистической педагогике и психологии в соответствии с теоретическими взглядами А. Маслоу [5].

На основании выводов теоретического анализа мы полагаем, что наиболее действенным способом развития профессионально-личностных качеств курсанта военного института как представителя профессиональной элиты является эстетико-семиотический подход, разработанный И.В. Черемисовой [7, с. 102]. Данный подход в значительной мере определяет содержательную основу гуманизации современного образования. Методологию эстетико-семиотического подхода составляет психологическая (личность), философская (культура) и эстетическая (художественный смысл, шедевр) категории. Шедевр в данном случае рассматривается как произведение, способное оста-

вить глубокий след на всю жизнь, вызывать сильные чувства и подарить яркие впечатления [9].

Кратко рассмотрим принципы эстетико-семиотического подхода, выступающие в качестве методологической основы программы «ВЕКТОР-ЭЛИТ».

1. Принцип личностно-ориентированной направленности. Предполагает учет как индивидуальных, так и возрастных особенностей личности курсанта.

2. Принцип духовности. Проявляется в направлении психолого-педагогического воздействия на развитие духовной сферы.

3. Принцип диалогического общения. Основывается на гуманистических аспектах педагогики и психологии.

4. Принцип субъектности. Реализация данного принципа способствует активизации скрытых резервов внутреннего потенциала личности курсанта и механизмов и способов саморазвития.

5. Принцип художественно-эстетического развития. Предполагает организацию художественно-творческой деятельности курсантов.

7. Принцип интегративности. Реализация данного принципа основывается на тематической междисциплинарной интеграции мероприятий программы.

8. Принцип кооперативности. Предполагает организацию взаимодействия субъектов образовательной деятельности с целью эффективного формирования у курсантов духовно-нравственной сферы.

9. Принцип уникальности. Основывается на принятии индивидуальности каждого курсанта в ходе диалогического общения и взаимодействия.

10. Принцип эстетичности. Позволяет развивать эстетические способности и эстетические потребности личности курсанта и реализуется в требовании к содержанию материала, который должен быть представлен шедеврами культуры; эстетичного оформления среды образовательного учреждения; эстетичный вид наглядных пособий, внешнего вида педагога, психолога, курсанта; красоты общения; красоты тела, красоты мысли, красоты поступков, красоты чувств, взаимоотношений между людьми, красоты внутреннего мира личности.

11. Принцип соответствия. Согласно данному принципу содержание и структура программы должны соответствовать потребностям и возможностям каждого курсанта.

12. Принцип осмысленности. Реализуется в целенаправленной работе по развитию смысловой сферы личности. В основе данного принципа лежит понимание того, что ключевой показатель

наличия личностного смысла – осмысленность жизни.

Программа «ВЕКТОР-ЭЛИТ» предназначена для реализации деятельности профессорско-преподавательского состава, командования курсантских подразделений, психологов, направленной на создание условий для формирования у курсантов, профессионально-личностных качеств как представителей профессиональной элиты.

Реализация программы «ВЕКТОР-ЭЛИТ» предполагает решение следующих задач: создание элитизирующей среды; развитие психологической культуры (психологической компетентности) профессорско-преподавательского состава, офицеров подразделений и курсантов; развитие морально-нравственных качеств личности курсанта; развитие мотивации курсантов к самосовершенствованию, самореализации и самоактуализации.

Психологическая работа с курсантами экспериментальной группы осуществлялась в несколько этапов.

Первый этап данной работы заключался в проведении комплексной диагностики выраженности профессионально-личностных качеств у курсантов военного института. Для этих целей использовались следующие психодиагностические методики: авторский опросник «Оценки ценностно-патриотических ориентаций»; методика «Изучение смысложизненных ориентаций личности» Д. Крамбо и Л. Махолика в модификации Д.А. Леонтьева; тест «Экспресс-диагностика ответственности» В.П. Прядеина; «Опросник организационной лояльности» Л. Портера; методика «Диагностика волевого потенциала личности»; методика «Определение социальной креативности личности»; «Личностная готовность к риску» А.М. Шуберта; метод экспертных оценок, анализ продуктов творческой деятельности (мини-сочинений).

Второй этап психологической работы включал в себя совместную деятельность психолога, командиров и профессорско-преподавательского состава, направленную на развитие профессионально-личностных качеств будущих офицеров как представителей профессиональной элиты.

На втором этапе осуществлялась когнитивная подготовка, направленная на формирование у курсантов комплекса знаний об «элите» (интеллектуальной, научной, профессиональной, военной, политической, творческой), качествах элитной личности, особенностях развития качеств элитной личности, способах самосовершенствования, знаний о шедеврах искусства, кинематографа, литературы, писателях, режиссерах и актерах. В ходе когнитивной подготовки, в часы воспитательной работы и информирования, с курсантами экспериментальной группы были проведены серии бесед

(«Беседы о кино», «Беседы о литературе»), на которых курсанты ознакомились с основными формами воздействия кинематографа и литературных произведений на человека.

Мотивационная подготовка включала мероприятия, направленные на развитие духовных потребностей курсантов, стремления к самосовершенствованию, самореализации, самоактуализации. В работе с курсантами были использованы различные методы и методики, способствующие созданию внутренней мотивации, выдержке, принятию взвешенных решений и самовыражению. Среди таких методов и методик можно выделить следующие: поддержка творческой инициативы; самостоятельная постановка интересующей курсантов проблемы, предоставление возможности ее выбора; взаимный эмоциональный контакт курсантов с преподавателем. Также в рамках мотивационной подготовки нами были организованы встречи курсантов с выдающимися людьми (участниками локальных конфликтов, сотрудниками специальных подразделений).

Осуществлялась операциональная подготовка, направленная на развитие навыков и умений саморегуляции, самообладания, саморазвития, моделей конструктивного и проактивного поведения, а также способностей быстрого принятия решения в сложной ситуации. В рамках данной работы, нами широко использовались деловые игры, такие как «Остров», «Свобода. Ответственность. Справедливость», а также тренинги «Общение без принуждения», «Тренажер социальной креативности».

Рефлексивная подготовка курсантов подразумевала целенаправленную активизацию механизмов самосознания, саморегуляции и самодиагностики.

Для формирования творческой индивидуальности в соответствии с авторской программой при-

менялись различные способы письменных заданий (работ), на основе анализа творческих продуктов И.В. Курышевой [4] разработаны схемы анализа мини-сочинений, размышлений, впечатлений.

Духовно-нравственная подготовка осуществлялась с целью осознания и принятия курсантами ориентаций на высшие духовно-нравственные и патриотические ценности, которые включают в себя шедевры киноискусства и литературы (обогащение ценностных ориентаций).

Третий этап программы заключался в итоговой диагностике выраженности профессионально-личностных качеств [3]. Полученные в ходе данного этапа результаты позволили определить эффективность авторской программы, а также найти основные пути ее совершенствования. Для итоговой диагностики использовался тот же диагностический комплекс, что и на первом этапе.

Для представления обобщенных результатов по каждому критерию был использован СУП – «средний уровневый показатель» по методике критериально-уровневого анализа Я.А. Пономаренко. Данный показатель является средневзвешенным, интегральным уровнем развития изучаемого свойства, который рассчитывается по трехуровневой шкале, с учетом процентного соотношения обследуемых, где низкий уровень – 1 балл; средний уровень – 2 балла; высокий – 3 балла и рассчитывается по формуле:

$$\text{СУП} = ((a*1) + (b*2) + (c*3)) / 100$$

где, а-низкий, b-средний, с-высокий уровни исследуемых качеств.

В табл. 1 представлены обобщенные интегральные показатели результатов сравнительной диагностики по всем методикам применяемым в нашем исследовании.

Таблица 1

Результаты итоговой диагностики качеств элитной личности курсантов контрольной и экспериментальной групп (N_{эг} = 110, N_{кг} = 110, СУП)

Измеряемые показатели	Средне уровневые показатели (СУП)			
	ЭГ		КГ	
	до	после	до	после
Приверженность организации, готовность служить Родине	2,67	2,90**	2,66	2,68*
Ответственность	2,42	2,77**	2,46	2,55**
Волевой потенциал	2,35	2,82**	2,34	2,37*
Готовность к оправданному риску	2,33	2,82**	2,37	2,40*
Профессиональная культура	2,45	2,79**	2,44	2,51*
Социальная креативность	2,40	2,75**	2,42	2,49*
Ценностно-патриотические ориентации, патриотизм	2,91	3,00**	2,89	2,95**
Шкала «Обобщенный показатель осмысленности жизни»	2,60	2,80**	2,61	2,60*

Примечание: значимость различий по T-критерий Вилкоксона: $p \leq 0,05^{**}$; $p \geq 0,05^*$

Анализируя результаты, представленные в таблице 1, можно сделать вывод, что в экспериментальной группе значительно повысились показатели готовности к оправданному риску, ответственности, волевого потенциала, социальной креативности личности, приверженности организации, общего показателя осмысленности жизни и профессиональной культуры.

В контрольной группе наблюдается значимые изменения в таких параметрах как ответственность и ценностно-патриотические ориентации, следовательно, на данные изменения оказывает влияние не только программа, но и система обучения в военном вузе. При этом в эксперименталь-

ной группе по этим же показателям, произошли более значимые изменения, это говорит о том, что предложенная программа позволяет усиливать влияние системы обучения в военном вузе.

Выявленные данные в результате итоговой диагностики свидетельствуют о положительных изменениях в содержательно-функциональных характеристиках курсантов экспериментальной группы, что обусловлено влиянием развивающей программы, поскольку в контрольной группе за аналогичный период значимых изменений не произошло. Это позволяет высоко оценить результативность программы в достижении целей и задач, для которых она создавалась.

Литература

1. Веретин С.В. Формирование профессиональной культуры курсантов высших военно-учебных заведений: дис. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2010. 196 с.
2. Кулешов Д.О., Черемисова И.В. Психологические особенности элитарной личности сотрудника силовых структур // Высшее образование сегодня. 2021. № 2. С. 63 – 68.
3. Кулешов Д.О. Совершенствование качеств элитной личности курсанта военного института Росгвардии // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2021. № 8. С. 426 – 431.
4. Курьшева И.В. Психологические условия развития творческого потенциала старшекласников средствами музыкального искусства: дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2004. 243 с.
5. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. 430 с.
6. Пряжников Н.С. Статусы «акме» в карьерном самоопределении: приглашение к дискуссии // Известия Саратовского университета. 2017. № 3. С. 214 – 220.
7. Черемисова И.В. Развитие духовных потребностей личности – основа эффективной профессиональной подготовки специалиста социномической профессии // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сб. материалов Всерос. симпозиума психологов с междунар. участием. Рязань: Академия ФСИН России, 2020. С. 996 – 1003.
8. Черемисова И.В. Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе: эстетико-семиотический подход // Научный вестник Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. 2015. № 2. С. 101 – 104.
9. Черемисова И.В. Шедевры музыкального искусства как носители высокодуховных культурных ценностей // Искусство и общество: наследие и современность: материалы Междунар. науч. практ. конф. Волгоград. М.: Зерцало-М; Волгоградский гуманитарный институт, 2014. С. 298 – 304.

References

1. Veretin S.V. Formirovanie professional'noj kul'tury kursantov vysshih voenno-uchebnyh zavedenij: dis. ... kand. ped. nauk. Yoshkar-Ola, 2010. 196 s.
2. Kuleshov D.O., Chheremisova I.V. Psihologicheskie osobennosti elitarnoj lichnosti sotrudnika silovyh struktur. Vysshee obrazovanie segodnya. 2021. № 2. S. 63 – 68.
3. Kuleshov D.O. Sovershenstvovanie kachestv elitnoj lichnosti kursanta voennogo instituta Rosgvardii. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2021. № 8. S. 426 – 431.
4. Kuryshcheva I.V. Psihologicheskie usloviya razvitiya tvorcheskogo potenciala starsheklasnikov sredstvami muzykal'nogo iskusstva: dis. ... kand. psihol. nauk. N. Novgorod, 2004. 243 s.
5. Maslou A.G. Dal'nie predely chelovecheskoj psihiki. SPb.: Evraziya, 1997. 430 s.
6. Pryazhnikov N.S. Statusy «akme» v kar'ernom samoopredelenii: priglashenie k diskussii. Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2017. № 3. S. 214 – 220.
7. Chheremisova I.V. Razvitie duhovnyh potrebnostej lichnosti – osnova effektivnoj professio-nal'noj podgotovki specialista socionomicheskoy professii. Psihologiya XXI veka: vyzovy, pois-ki, vektory razvitiya: sb. materialov Vseros. simpoziuma psihologov s mezhdunar. uchastiem. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2020. S. 996 – 1003.

8. Chermisova I.V. Formirovanie intellektual'noj elity v vysshej shkole: estetiko-semioticheskij podhod. Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala Rossijskoj akademii narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby. 2015. № 2. S. 101 – 104.

9. Chermisova I.V. SHedevry muzykal'nogo iskusstva kak nositeli vysokoduhovnyh kul'turnyh cennostej. Iskusstvo i obshchestvo: nasledie i sovremennost': materialy Mezhdunar. nauch. prakt. konf. Volgograd. M.: Zercalo-M ; Volgogradskij gumanitarnyj institut, 2014. S. 298 – 304

*Kuleshov D.O., Research Assistant,
St. Petersburg Military Institute
of the Russian National Guard Troops*

**THE PROGRAM FOR THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL
AND PERSONAL QUALITIES OF THE FUTURE OFFICER OF THE NATIONAL
GUARD TROOPS AS A REPRESENTATIVE OF THE PROFESSIONAL ELITE**

Abstract: this article reveals the structure, principles, content and components of the psychological program for the development of professional and personal qualities of future officers of «VECTOR ELITE». To participate in the formative experiment, cadets of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, 110 people, respectively, were attracted to the experimental and control groups. Psychological work with the experimental group was carried out during the second semester of the 2020-2021 academic year. This program was implemented in educational activities in an unfavorable epidemiological situation (COVID-19), when layoffs to the city for cadets were minimized. Under these conditions, it was necessary to think over and ensure the introduction of additional classes, educational activities in the educational activities of the military institute, which emphasizes the timeliness and importance of the work being carried out. This program has shown high efficiency in the development of professional and personal qualities of cadets of the military institute as representatives of the professional elite.

Keywords: psychological program, educational activity, military institute, professional and personal qualities, professional elite, future officers

*Стародубцева Г.А., кандидат психологических наук, доцент,
Институт развития образования
Иркутской области (ГАУ ДПО ИРО)*

ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация: *цель:* провести анализ и показать соотношение понятий «информационная социализация», «киберсоциализация», «цифровая социализация»; остановиться на понятии, соответствующем процессу современной социализации детей дошкольного возраста в условиях информационно насыщенной цифровой среды.

Контекст и актуальность. Процесс социализации современных детей в настоящее время претерпевает значительные изменения. Данный социально-психологический феномен происходит не просто в реальном, физическом мире, но и в мире бурно развивающейся информационной цифровой среды. В связи с этим меняется само содержание процесса социализации, его механизмы. В психологической науке все чаще и чаще говорят об информационной социализации, киберсоциализации, цифровой социализации подрастающего поколения. Принимая во внимание тот факт, что социализация – это двусторонний процесс (от социума на субъект и от субъекта на социум), а также тем, что сама сущность данного процесса обуславливается контекстом социальной ситуации развития, необходимо определиться именно с тем понятием, который поможет в дальнейших исследованиях разобраться в вопросе - каким образом процесс социализации происходит сейчас у детей дошкольного возраста, живущих в эпоху информационного мира и технологических цифровых устройств.

Используемая методология. Системно-деятельностный подход в изучении явления социализации, законы формальной логики анализа понятий (соотношение содержания и объема понятий).

Выводы. Процесс социализации детей дошкольного возраста обусловлен изменениями, происходящими в эпоху цифрового общества и созданием технологических электронных устройств, применяемых в любой из сфер жизнедеятельности человека. Изучаемые нами понятия «киберсоциализация», «информационная социализация», «цифровая социализация» описывают механизмы самого процесса современной социализации подрастающего поколения, исходя из того или иного подхода и содержания вложенных в них. Причем «киберсоциализация» понятие более широкое и включает в себя, как информационную социализацию, так и цифровую. Ребенок дошкольного возраста осваивает информацию через цифровые носители и постепенно присваивает социальный опыт, приобретаемый в онлайн среде, но еще не воспроизводит его всецело в смешанной реальности, как взрослый. Цифровизация дошкольного образования в настоящее время способствует более активной цифровой социализации ребенка.

Ключевые слова: информационная социализация, киберсоциализация, цифровая социализация, информационные технологии, цифровые электронные устройства, цифровая среда, развитие ребенка дошкольного возраста

Введение

Одной из центральных проблем, изучаемых психологической наукой, в частности ее отраслями: возрастной, педагогической, социальной, – остается процесс социализации личности нового поколения. Существует множество концептов и теорий о стадиях и этапах возрастного развития, о формах, механизмах, агентах социализации, как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Изучены и выявлены отличительные особенности данного процесса у детей дошкольного, школьного и подросткового возраста и пр. Однако, со стремительными изменениями, происходящими в последние десятилетия в науке и технике, качественно меняются все сферы жизнедеятельности человека и общества. Усложняется материальное производство посредством перехода на полностью автоматизированные системы во всех областях, на

управление искусственным интеллектом технических и социальных систем. Четвертая промышленная революция находится в самом разгаре: информация, технологии, роботизация и онлайн-коммуникации играют сегодня ключевую роль в жизни любого человека, что способствует трансформации самого человека, его физиологии, психики, сознания. Изменения в социальной жизни, вне всякого сомнения, трансформируют ход развития детства, и процесс социализации качественно и информационно более сложных социально-психологических макро-, мезо- и микрофакторов.

Огромный поток информации, погруженность детей в глобальную сеть Интернет, использование в обучении и воспитании информационно-коммуникативных технологий, появление новых агентов и способов социализации заставляет уче-

ных-гуманитариев сконцентрироваться на изучении феномена цифрового детства с новых позиций, взглядов, подходов, новой методологии. В науке появились такие понятия как «информатизация», «цифровая экономика», «цифровизация образования» и пр., с помощью которых делаются попытки объяснить развитие ребенка в цифровом мире. При изучении процесса вхождения ребенка в социальный мир психологами используются различные термины: «киберсоциализация», «информационная социализация», «цифровая социализация» и др. [5, 9, 17, 20], содержание которых еще не устоялось и, с нашей точки зрения, требует уточнения. Это напрямую связано с задачами, стоящими перед нами в исследовании особенностей процесса социализации детей дошкольного возраста в современных условиях. Цель настоящей статьи – представить разнообразие существующих исследований в области современной информационной – цифровой социализации; дать анализ содержания и объема понятий «информационная социализация», «киберсоциализация», «цифровая социализация»; остановиться на понятии, удовлетворяющем нашему исследованию и решаемым задачам.

Понятие «информационной социализации»

На рубеже XX-XXI веков мир стал активно погружаться в сеть Интернет, в пространство безграничной информации. Все сферы жизнедеятельности человека стали зависеть от Интернета. Общество стало информационным. Современные дети уже не мыслят себя без выхода в сеть ежедневно, сначала посредством только персонального компьютера, теперь – различных технологически сложных электронных устройств. С развитием процесса информатизации появился термин (до сих пор не утративший своей силы и значения) информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), определяемый, как «совокупность методов, производственных процессов, и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации» [1]. Человечество стало не просто погружаться в мир различных информационных, цифровых устройств («digital media»), оно само стало состоять из этих устройств, мир стал, в каком-то смысле, самим этим устройством, гаджетом. С развитием сферы информационного мира и технологических цифровых устройств ученые стали говорить об изменениях в протекании процессов развития ребенка, об изменениях в содержании и механизмах его социализации.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия, изучается информационная и компьютерная среда. В 2010 году Т.Д. Марцинковская предприняла по-

пытку операционализировать понятие «информационная социализация», а также связанные с ним понятия «информационная культура», «информационное пространство» и «информационное поле» [16]. Н.А. Голубева в своем диссертационном исследовании под информационной социализацией понимает «процесс освоения информационных технологий, в рамках которого происходит постижение норм и ценностей, присущих данной культуре, выстраивается отношение к данной информации, происходит категоризация, самокатегоризация, конструируется картина окружающей действительности» [11, с. 4]. В данном случае под культурой понимается информационная культура как современное социокультурное пространство, в котором живут и взаимодействуют люди. По мнению авторов, изучение информационной социализации должно проходить двумя путями: внешний (изучение видов и способов подачи информации) и внутренний (изучение процессов переработки, присвоения и последствий влияния информации на структуру личности и ее поведение). Их размышления были основаны, в том числе, и на информационно-культурологическом подходе зарубежных авторов Э. Тоффлера и Д. Белла.

Э. Тоффлер выделил этапы развития общества в процессе информационной революции, обозначив их, как «первая волна» (аграрная цивилизация), «вторая волна» (индустриальная цивилизация) и «третья волна» (информационное развитие социума) [18]. В работах Д. Белла представлена концепция информационного общества. Свои исследования автор основывает на культурологическом подходе и считает, что информационное общество есть продукт развития постиндустриальной культуры, а компьютер и другие ИКТ становятся ведущими культурными средствами социализации и развития человека. Вне всякого сомнения, информация становится сущностью и главным содержанием современных агентов социализации таких, как Интернет, средства массовой информации, социальные сети, чаты, которые оказывают социально-психологическое воздействие на формирование личности на макроуровне [3].

Авторы И.М. Богдановская, Г.Ю. Иконникова, Н.Н. Королева подчеркивают приоритет информации над традиционными ценностями, повышение значимости коммуникации, сетевых информационных технологий, в основе которых лежит информационная культура, и что, в конце концов, также оказывает сложное воздействие на личность и социум [6].

Е.П. Белинская, изучая процесс информационной социализации у подростков, придерживается двух основных линий анализа. Во-первых, это изучение информационной среды как ресурса со-

циального развития и влияния новых ИКТ-технологий на процесс социализации в подростковом возрасте. Во-вторых, анализ измененных параметров социального развития детей подросткового возраста в виртуальной среде [4].

Изучив работы этих и других авторов, попытаемся вычленить суть рассматриваемых понятий. Сначала в понятии «информационная социализация» рассмотрим основную смысловую нагрузку, падающую на термин «информация». Информация, в общем представлении – сообщение, сведения о чем-либо, является некой средой, полем или объектом (нематериальным), который усваивается субъектом в различных формах, видах и содержаниях, являясь главным источником и побудителем развития психики и сознания. Не будем касаться философских, экзистенциальных вопросов ее сущности, но скажем лишь, что ее наличие как доминантного агента социализации не вызывает сомнений.

Следующим понятием, которое сопряжено с предыдущим, является «информационные технологии», т.е. средства с помощью чего доставляется информация до адресата. Существует и ряд понятий, описывающих условия, которые влияют на изменения в личности: «информационная среда», «информационное пространство». Современное информационное пространство становится источником развития человека, определяя выбор его коммуникативных и познавательных предпочтений, поиска способов социально-психологической адаптации, компенсации личностных затруднений [15]. Это пространство включает, во-первых, саму информацию как воспринимаемый объект, источник развития психики. Тогда можно мыслить понятие «информация» как первичное понятие, «информационные технологии» – как вторичное. Во многих исследованиях зарубежных и отечественных ученых прослеживается мысль о том, что и информация, и информационные технологии действуют одновременно, влияют на процесс социализации человека одновременно, и их уже невозможно разъединить. Так, например американский антрополог Аппадурраи Арджун еще в 1996 году писал о человеке, живущем в информационном пространстве, зависящем от информации и технологий в разных аспектах своей жизни, деятельности и общения [23].

Таким образом, понятием «информационная социализация» характеризует расширение качеств традиционной социализации, но и раскрывает новые виртуальные качества среды социализации, является однородным с понятием «традиционная социализация».

Можно утверждать, что информация как среда, присутствовала всегда в процессе социализации.

Новым явлением можно обозначить лишь ее объем, новые формы и современные технологии доставки информации до адресата. Отсюда одновременно с понятием «информационная социализация» стали употребляться и развиваться термины «киберпространство», «киберсоциализация», «виртуальная реальность». Постараемся определить смысл данных понятий.

Понятие «киберсоциализация»

С нулевых годов XXI века особенно активно говорят о киберсреде и киберпространстве. В психологической науке появляется новая научная отрасль – «киберпсихология», или «психология Интернета». А.Е. Войскунский, являющийся одним из наиболее авторитетных российских исследователей в области киберпсихологии, писал в 2002 году, что «...для отечественной психологической науки изучение человека в Интернете – тема не случайная и не надуманная» [9]. Под киберпсихологией он понимает отрасль психологии, отвечающая за методологию, теорию и практику исследования социальных сервисов Интернета, применяемых людьми. Причем сами эти сервисы построены на основе компьютерных и коммуникационных технологий [8]. Автор подразумевает под киберпространством наличие некоего мира, обладающего протяженностью и метрикой и представленного в сознании разных людей по-разному, заполненного хранилищами информации, а также продуктами социального интеллекта. Киберпространство социально, т.к. заполнено проекциями людей, их текстами, изображениями. Виртуальная реальность, по мнению этого ученого, является результатом информационных и психологических технологий и создается за счет методов компьютерной графики, анимации и программирования. Киберпсихология может трактоваться в двух значениях: широком и узком. В первом случае, она рассматривает собственно все психологические проблемы личности, связанные с Интернетом. Во втором, изучение социально-психологических проблем, где особое внимание уделяется специфике общения людей, опосредованного сетью Интернет [10].

Отметим, что само слово «кибер» происходит от дрелогосского «искусство управления». Термин «кибернетика» в современную науку ввел математик Н. Винер в 1947г. В обществе устоялось представление о кибернетике как науке об управлении, изучающая математическими методами, общие законы получения, хранения, передачи и преобразования информации в различных системах (технологических, организационных и т.д.).

В зарубежной (меньше в отечественной) психологии на протяжении длительного времени проводились различные исследования в области ки-

бер- психологии. Например: кибераддикция, интернет-зависимость, кибербуллинг и киберпреступность, влияние технологий на особенности развития и функционирования человеческой психики и многое другое. Написаны уже и учебники по киберпсихологии. А под киберсоциализацией зарубежные авторы понимают совокупность феноменов, характеризующихся спецификой общения людей в киберпространстве, приобщением их к культуре электронной коммуникации [24].

Термин «киберсоциализация» впервые в России ввел еще в 2011 году В.А. Плешаков. Определил ее как «...процесс качественных изменений структуры самосознания личности и мотивационно-потребностной сферы индивидуума, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, компьютерных, электронных цифровых, мультимедиа, мобильной сотовой связи и интернет технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в рамках персональной жизнедеятельности» [17, с. 14]. По его мнению, киберсоциализация – это социализация в киберпространстве, она не равна виртуальной социализации, это не одно и то же.

В представлении же отечественного исследователя С.В. Бондаренко процессом социализации в киберпространстве является «освоение пользователями технологий межличностной коммуникации, социальной навигации и правил поведения в компьютерных сетях, а также социальных норм, ценностей и ролевых требований, существующих как в конкретных виртуальных сетевых сообществах, так и в социальной общности киберпространства в целом» [7]. Из чего можно заключить, что у психологов пока нет единого мнения о возможности объединения или даже отождествления виртуального и киберпространства, что влечет за собой изучение характеристик современной социализации. Можно говорить о совместимости этих понятий, как и понятий «информационная социализация» и «киберсоциализация». Объемы же двух последних могут пересекаться.

В.А. Плешаков предпринял попытку систематизировать описание факторов, агентов и средств киберсоциализации. При этом последние являются только тогда средствами, когда предполагают полноценную и продуктивную интерактивность [18]. А киберпространство в его понимании – это символично-знаковая реальность нового пространства жизнедеятельности человека. Причем киберсоциализация носит в себе черты стихийности, имеет неконтролируемый характер без устоявшихся культурных норм и традиций [12].

В последнее время в связи с распространением цифровой среды появилось понятие «цифровая

социализация». Исследователи Р.М. Айсина и А.А. Нестерова взяли за основу определение понятия «цифровая социализация» у Г.У. Солдатовой. Однако, они указали, что термин «киберсоциализация» точнее подходит и больше отражает смысл данного процесса. Они разъясняют, почему «кибер-», а не «цифровая»: «...префикс «кибер» объединяет все, что связано с использованием компьютеров и компьютерных сетей без подспудного сравнения элементов «цифровой» и «аналоговой» культур» [2, с. 43]. В этом случае делается акцент на технике и технологии передачи информации, нежели на форме передаваемой информации.

Авторы пишут о том, что весь современный мир – это мир киберсреды, который диктует свои правила, свои нормы, а значит, и социализация в этой среде происходит по своим законам, явно отличающимся от законов традиционной социализации. Р.М. Айсина и А.А. Нестерова впервые в своем исследовании определили два типа киберсоциализации молодежи, позитивную и негативную, и высокий, средний и низкий ее уровни [2]. Причем речь идет об усвоении правил, норм, знаний и навыков в киберпространстве в сочетании со способностью к саморегуляции, позволяющей успешно функционировать в данной среде при использовании сетевых ресурсов.

Таким образом, процесс киберсоциализация больше связан и описывается совместно с термином «киберпространство». Речь идет об усвоении технологий межличностных коммуникаций в данной среде и освоении культуре электронной коммуникации, о принятии и следовании нормам, правилам поведения и общения, опосредованных компьютерными сетями. Акцент ставится на освоении коммуникации в киберпространстве, что, так или иначе, ведет за собой изменение в самосознании человека, при этом процесс киберсоциализации неуправляемый и подчиняемый другим законам различных сетей и виртуальных реальностей. Слово «информация» почти не употребляется.

Понятие «цифровая социализация»

Приступая к анализу понятия «цифровая социализация», обратимся к термину «цифровизация». Это слово используется в широком и узком смысле. В узком смысле – это преобразование информации в цифровую форму. Что, как оказалось, на практике привело к появлению новых технических возможностей передачи и сохранения информации. Применение термина в широком смысле связано с его использованием как общемирового тренда развития экономики, всех сфер человеческой жизнедеятельности, когда результаты оцифровки информации доступны каждому. Цифровизация пришла на смену информатизации и компьютеризации. Цифровой формат представления

информации стал повсеместным в различных областях науки, культуры, образования, искусства и доступным для каждого. В детских садах оцифровываются сказки, детские игры, в школах – учебники, в институтах создаются целые гигантские технологические среды, информационные платформы для обучения. При этом есть мнение, что используемые онлайн технологии и специализированные ресурсы в образовании способствуют регулированию процессов цифровой социализации среди подрастающего поколения и способствуют минимизации и стихийности рисков [14].

Сложные процессы цифровизации привели к цифровому обществу, которое на сегодняшний день рождает и «цифровое детство», совершенно другое детство по сравнению с его периодами даже 10-летней давности. Ребенок с самого рождения сталкивается и поглощается в цифровую информацию, живет с цифровыми гаджетами, осваивает этот мир с помощью нового «орудия познания» – цифры. Это как у Л.С. Выготского, в значении слова заключена связь и единство мышления и речи. Мы считаем, что приходит время, когда это значение начинает проступать в цифре. Теперь «цифра» как часть мозга, мышления человека «находится» снаружи и управляет его эмоциями и поведением. Очевидно, что эволюционное развитие человеческого мозга связано с раскрытием его возможностей управлять все более и более абстрактными конфигурациями: от символов и знаков (букв) к цифре.

В.А. Плешаков считает, что цифровизация – это один из инструментальных уровней социальной эволюции человечества, поэтому цифровая социализация является одним из видов киберсоциализации наряду с информационной социализацией, компьютерной социализацией, медиасоциализацией, интернет-социализацией, диджитал-социализацией [18, 19]. На сегодняшний день другие отечественные исследователи говорят о цифровой социализации фактически как одном из видов киберсоциализации человека и современной социализации личности в смешанной реальности (А.Г. Асмолов, А.Е. Войскунский, Т.А. Нестик, Е.Ю. Никонова, Е.И. Рассказова, Г.А. Солдатова, С.В. Чигарькова). Т.е. они сходятся во мнении, что понятие «киберсоциализация» по содержанию шире и является родовым по отношению ко всем другим понятиям, объемы которых между собой соотносятся как пересекающиеся.

Так в зарубежной психологии Дж. Смит, З. Скрибс, Э. Сторнаиуоло и др. в своих исследованиях пишут о процессах цифровой социализации у подростков, не используя термин «информационная социализация» [27, 28].

Признанным экспертом в исследуемой области является Г.В. Солдатова, которая обозначила методологию исследований аспектов цифровой социализации. Ее подход включает культурно-историческую, деятельностную и историко-эволюционную методологию в психологии; техно-экологический, межпоколенческий подходы, теории и концепции информационного общества; современные теории когнитивного развития в информационном обществе; психологические и мультидисциплинарные исследования новых и традиционных культурных практик, феноменов, значений и смыслов в контексте цифровизации и др. Также автор предлагает основные направления исследований цифровой социализации: образа цифрового мира, медиации цифровой социализации, социального взаимодействия в цифровом обществе, цифровой компетентности и пр. [19]. Она считает, что цифровая социализация – это «...опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн – реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности. Без цифровой социализации сегодня затруднен процесс становления личности, ее адаптации и интеграции в социальную систему информационного общества» [20, с. 76].

Еще одно определение находим у А.М. Кондакова. Он обозначает цифровую социализацию как «процесс интеграции личности в высокотехнологичную экосистему общества, овладения и воспроизводства ценностей, норм и правил поведения, знаний, навыков и компетенций в смешанной (конвергентной) онлайн и офлайн реальности, формирующей идентичность личности, обеспечивающей ее становление и непрерывное развитие» [13]. Основной риск, по мнению автора, лежит в стихийности формирования идентичности из-за слабой изученности и регуляции этого процесса.

Общее сходство у исследуемых определений «киберсоциализация» и «цифровая социализация» состоит в том, что освоение опыта происходит в реальности, опосредованной цифровыми устройствами, ИКТ-технологиями, а вот воспроизводство полученного опыта происходит в смешанной реальности – онлайн и офлайн. Отметим, что в современном мире сам смысл понятия «виртуальная реальность» стирается, поскольку человек для решения практически всех своих социальных, экономических, туристических, образовательных и многих других житейских вопросов использует электронные средства, в которые встроены различные цифровые приложения, разрешающие все его задачи в физическом мире, выдающие нужную

информацию и т.п. Не удивительно, что термины онлайн и офлайн были объединены итальянским автором в 2014 г. Л. Флориди в понятие «онлайнф» [25].

Выводы

Для подведения итогов анализа различных подходов к определению понятий «информационная социализация», «цифровая социализация» и «киберсоциализация» сделаем несколько обобщенных замечаний. Во-первых, наряду с традиционной социализацией ребенка дошкольного возраста психологи говорят о новой социализации, которая возникает как процесс в другом, не материальном мире, обусловленном появлением ИКТ-технологий, цифровизацией всех областей человеческой жизни, развитием сетевых коммуникационных технологий, электронных средств общения, а также всепроникающей компьютеризацией, т.е. о киберсоциализации.

Во-вторых, появление новых агентов социализации (различные ИКТ-технологии) способствует тому, что личности взрослого человека требуется постижение новых знаний, освоение новых норм и правил поведения для эффективного взаимодействия и коммуникации в онлайн-среде, которая стала привычной и соседствующей с офлайн-средой, что, в конце концов, и привело к «онлайнф» среде.

В-третьих, чрезвычайно быстрый поток информации поглотил человеческое сознание, которое не в силах ее принять, обработать, сохранить и воспроизвести в нужное время, в нужных количествах. И с каждым днём информации становится все больше и больше. Это приводит к стихийности формирования идентичности. Соответственно, на ее основе для каждой детской возрастной категории определенным образом выстраивается своя картина окружающей действительности в зависимости от способов восприятия информации, личностных особенностей индивида и его видов деятельности.

В-четвертых, в мире происходит цифровизация, рождается поколение, рожденное цифровой революцией. И этот факт необходимо учитывать. Современная среда стала не просто информационной, она стала оцифрованной и технологически насыщенной, что подталкивает к размышлению нас о том, что процесс социализации обусловлен как технологиями, так и информацией в оцифрованном виде. Электронные средства становятся «новым мозгом» для человека.

В-пятых, термины «информационная социализация», «киберсоциализация» и «цифровая социализация» говорят о новом феномене процесса социализации, явно отличающемся от процесса традиционной социализации, в котором и содержа-

ние, и агенты и механизмы будут отличны и зависеть от информации и ИКТ-технологий, применяемых для решения вопросов офлайн (материальных) в мире онлайн. При этом некоторые отечественные психологи согласны с тем, что информационная и цифровая социализация являются видами киберсоциализации, которая намного шире и объемнее в своем семантическом значении. При этом авторы основываются на тех ведущих процессах и явлениях, которые происходят в обществе.

В область нашего исследования входит изучение специфики процесса социализации современного детства, в частности дошкольного периода. Сделаем несколько главных выводов из анализа рассматриваемых понятий и постараемся ответить на вопрос, какое из понятий наиболее подходит для обозначения изменений, происходящих с дошкольниками?

Во-первых, многие авторы сходятся в том, что понятие «киберсоциализация» является родовым по отношению к понятиям «информационная социализация» и «цифровая социализация», тем более они все однородные по содержанию.

Во-вторых, различающиеся по объему понятия «информационная социализация» и «цифровая социализация» пересекаются, как и с «компьютерной социализацией», «медиа социализацией», «интернет-социализацией», «диджитал-социализацией» в характеристиках способов передачи информации.

Можно ли говорить о киберсоциализации детей дошкольного возраста? В нашем понимании, скорее нет, чем да. Во-первых, поскольку ребенок (от 3 до 7 лет), хоть и активно овладевает ИКТ-технологиями, но не настолько сильно и в ограниченном их объеме, чтобы заявлять о социализации в киберпространстве. Тем более мы не можем в полной мере заявлять о том, что, осваивая данные технологии, у дошкольника есть возможность воспроизводить этот опыт в виртуальных сетевых сообществах и киберпространстве в целом. Такая деятельность не является его ведущим видом деятельности.

Понятие же «информационная социализация», на наш взгляд, связанное со взрывным информационным потоком, обрушившимся на общество в связи с новыми техническими возможностями, применимо к любому из возрастов. Мы сталкиваемся с тем, что дети-дошкольники активно погружаются в мир яркой, мультипликационной, видеоигровой среды, присваивая правила и нормы поведения полубившихся персонажей, при этом сами мультфильмы являются важным агентом социализации, о чем мы уже писали [21]. Детей дошкольного возраста вначале привлекает информация на

предлагаемом ему электронном устройстве. Затем, постепенно осваивая его, он способен самостоятельно выбирать для себя интересующее его содержание (мультипликационные фильмы, видеоигра и т.д.). И так до тех пор, пока взрослые не приносят ему более технологически сложный и обновленный гаджет. Понимая, как работает новая технология, ребенок снова идет за информацией. Современный мир, культура, в котором живет ребенок, уже являются сами по себе информационной средой. Информация стала неотъемлемой характеристикой всего того, что его окружает. Таким образом, полагаем, что информационная социализация может быть изучена как определенный вид более широкой киберсоциализации.

При этом не стоит забывать, что цифровизация образования пришла и в дошкольные образовательные организации. С каждым днем все больше стали использовать цифровые технологии в до-

школьном образовании. И соответственно, дети, не только дома стали осваивать электронные средства и мобильные гаджеты, но и в детском саду активно использовать ИКТ-технологии при помощи взрослого. В этом случае можно ли говорить о цифровой социализации детей дошкольного возраста? Думаем, что да. Тогда закономерно встает вопрос, как можно обозначить процесс социализации дошкольников, погруженных в насыщенную информационную и цифровую среду? Мы предлагаем, говорить о процессе социализации детей дошкольного возраста в информационно-цифровой среде, или «инфо-цифровой социализации», подчеркивая тем самым два ведущих аспекта, которые неразрывны с кибернизацией общества. Учитывая актуальность данного вопроса, будем продолжать его исследовать, учитывая всевозможные факторы этого вопроса.

Литература

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
2. Айсина Р.М., Нестерова А.А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42 – 57. DOI:10.17759/sps.2019100404
3. Александров Л.Г. Концепция информационного общества в контексте глобализации (к 100-летию со Дня рождения Дэниела Белла)» [Электронный ресурс] // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2 (32). С. 168 – 175. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38578017&> (дата обращения: 09.09.2020)
4. Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858-belinskaya30.html> (дата обращения: 02.04.2019)
5. Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. статей и мат-лов междунар. конф. / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет. 2018. С. 43 – 48.
6. Богдановская И.М., Иконникова Г.Ю., Королева Н.Н. Роль современной информационно-коммуникативной среды в формировании идентичности и образа мира современных подростков [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7. № 1. С. 1 – 11. URL: http://psyedu.ru/journal/2015/n1/Bogdanovskaya_et_al.phtml (дата обращения: 01.09.2020)
7. Бондаренко С.В. Модель социализации пользователей в киберпространстве // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды VI Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 3-6 ноября. 2003. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ. 2003. С. 5 – 7.
8. Войскунский А.Е. Перспективы становления психологии Интернета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 110 – 118.
9. Войскунский А.Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 1 / Под общей ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл. 2002. С. 82 – 101.
10. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
11. Голубева Н.А. Информационная социализация: психологические условия и факторы: автореф. ... дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 31 с.
12. Ефимова Т.В. Социализация в условиях постиндустриальной культуры // Человек и образование. 2011. № 4. С. 4 – 9.

13. Кондаков А.М. Экосистема цифрового образования: презентация [Электронный ресурс] // М-лы Всерос. науч.-практ. конф. "Цифровая дидактика профессионального образования и обучения" 19 марта 2019 г. ФИРО РАНХиГС. URL: https://firo.ranepa.ru/files/docs/cifr_didactika/sec2/kondakov_am.pdf (дата обращения: 20.08.2020)
14. Кротенко Т.Ю. Цифровая социализация в образовании [Электронный ресурс] // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 2 (44). С. 46 – 50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42988326> (дата обращения: 26.08.2020)
15. Кузнецова Т.Я. Чем грозит информационная грамотность: общество знаний: плюсы и минусы // Мир библиографии. 2013. № 1. С. 2 – 4.
16. Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии: Научно-методический журнал под ред. Д.И. Фельдштена. 2010. № 4. С. 90 – 102.
17. Плешаков В.А. Слово Главного редактора: о киберсоциализации человека и ее организации на интернет-портале «Номо Cyberus» [Электронный ресурс] // Электронный научно-публицистический журнал «Номо Cyberus». 2016. № 1. С. 4 – 26. URL: http://journal.homocyberus.ru/sites/default/files/НомоCyberus_1_2016.pdf (дата обращения: 28.01.2019)
18. Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека: монография / под общ. ред. чл.-корр. РАО, д.п.н., проф. А.В. Мудрика. М.: МПГУ; Номо Cyberus, 2011. 400 с.
19. Плешаков В.А., Обидина Т.В. Цифровая социализация: не человек овладевает Интернетом, а Интернет овладевает человеком [Электронный ресурс] // Номо Cyberus: электронный научно-публицистический журнал. 2019. № 2 (7). http://journal.homocyberus.ru/digital_socialization_2019 (дата обращения: 28.08.2020)
20. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71 – 80. DOI: 10.17759/sps.2018090308
21. Стародубцева Г.А. Основные предпочтения детей дошкольного возраста в выборе мультимедийных фильмов // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 1 (39). С. 443 – 449.
22. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ. 2010. 784 с.
23. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. 229 p.
24. Chitosca M.I. The Internet as a socializing agent of the “M Generation” // Journal of Social Informatics. 2006. Vol. 5 (June). P. 3 – 21.
25. Floridi L. The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.
26. Milgram P., Kishino A.F. Taxonomy of mixed reality visual displays // IEICE Transactions on Information and Systems. 1994. № E77-D (12). P. 1321 – 1329.
27. Smith J., Hewitt B., Skrbiš Z. Digital socialization: young people’s changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18. № 9. P. 1022 – 1038.
28. Stornaiuolo A. Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents’ Interactions on Social Network Sites // Human Development. 2017. Vol. 60. № 5. P. 233 – 238. DOI:10.1159/000480341

References

1. Azimov E.G., SHCHukin A.N. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam). M.: IKAR, 2009. 448 s.
2. Ajsina R.M., Nesterova A.A. Kibersocializaciya molodezhi v informacionno-kommunikacionnom prostranstve sovremennogo mira: efekty i riski [Elektronnyj resurs]. Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2019. T. 10. № 4. S. 42 – 57. DOI:10.17759/sps.2019100404
3. Aleksandrov L.G. Konceptsiya informacionnogo obshchestva v kontekste globalizacii (k 100-letiyu so Dnya rozhdeniya Deniela Bella)» [Elektronnyj resurs]. Znak: problemnoe pole mediaobra-zovaniya. 2019. № 2 (32). S. 168 – 175. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38578017&> (data obrashcheniya: 09.09.2020)
4. Belinskaya E.P. Informacionnaya socializaciya podrostkov: opyt pol'zovaniya social'nymi setyami i psihologicheskoe blagopoluchie [Elektronnyj resurs]. Psihologicheskie issledovaniya. 2013. T. 6. № 30. S. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858-belinskaya30.html> (data obrashcheniya: 02.04.2019)
5. Belinskaya E.P., Marcinkovskaya T.D. Identichnost' v tranzitivnom obshchestve: virtual'nost' i real'nost'. Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskiĭ kontekst razvitiya cheloveka: sb. nauch. stateĭ i mat-lov mezhdunar. konf. Pod obshch. red. R.V. Ershovoĭ. Kolonna: Gosudarstvennyĭ social'no-gumanitarnyĭ universitet. 2018. S. 43 – 48.

6. Bogdanovskaya I.M., Ikonnikova G.YU., Koroleva N.N. Rol' sovremennoj informacionno-kommunikativnoj sredy v formirovanii identichnosti i obraza mira sovremennyh podrostkov [Elektronnyj resurs]. Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2015. T. 7. № 1. S. 1 – 11. URL: http://psyedu.ru/journal/2015/n1/Bogdanovskaya_et_al.phtml (data obrashcheniya: 01.09.2020)
7. Bondarenko S.V. Model' socializacii pol'zovatelej v kiberprostranstve. Tekhnologii informacionnogo obshchestva – Internet i sovremennoe obshchestvo: trudy VI Vserossijskoj ob"edinennoj konferencii. Sankt-Peterburg, 3-6 noyabrya. 2003. SPb.: Izd-vo Filologicheskogo fakul'teta SPBGU. 2003. S. 5 – 7.
8. Vojskunskij A.E. Perspektivy stanovleniya psihologii Interneta. Psihologicheskij zhurnal. 2013. T. 34. № 3. S. 110 – 118.
9. Vojskunskij A.E. Internet – novaya oblast' issledovanij v psihologicheskoy nauke. Uchenye zapiski kafedry obshchej psihologii MGU. Vyp. 1. Pod obshchej red. B.S. Bratusya, D.A. Leont'eva. M.: Smysl. 2002. C. 82 – 101.
10. Vojskunskij A.E. Psihologiya i Internet. M.: Akropol', 2010. 439 s.
11. Golubeva N.A. Informacionnaya socializaciya: psihologicheskie usloviya i faktory: avtoref. ... dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2012. 31 s.
12. Efimova T.V. Socializaciya v usloviyah postindustrial'noj kul'tury. CHelovek i obrazovanie. 2011. № 4. S. 4 – 9.
13. Kondakov A.M. Ekosistema cifrovogo obrazovaniya: prezentaciya [Elektronnyj resurs]. M-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. "Cifrovaya didaktika professional'nogo obrazovaniya i obucheniya" 19 marta 2019 g. FIRO RANHiGS. URL: https://firo.ranepa.ru/files/docs/cifr_didaktika/sec2/kondakov_am.pdf (data obrashcheniya: 20.08.2020)
14. Krotenko T.Yr. Cifrovaya socializaciya v obrazovanii [Elektronnyj resurs]. Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya. 2020. № 2 (44). S. 46 – 50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42988326> (data obrashcheniya: 26.08.2020)
15. Kuznecova T.YA. CHem grozit informacionnaya gramotnost': obshchestvo znanij: plyusy i minusy. Mir bibliografii. 2013. № 1. S. 2 – 4.
16. Marcinkovskaya T.D. Informacionnoe prostranstvo kak faktor socializacii sovremennyh podrostkov. Mir psihologii: Nauchno-metodicheskij zhurnal pod red. D.I. Fel'dshtena. 2010. № 4. S. 90 – 102.
17. Pleshakov V.A. Slovo Glavnogo redaktora: o kibersocializacii cheloveka i ee organizacii na internet-portale «Homo Cyberus» [Elektronnyj resurs]. Elektronnyj nauchno-publicisticheskij zhurnal «Homo Cyberus». 2016. № 1. S. 4 – 26. URL: http://journal.homocyberus.ru/sites/default/files/HomoCyberus_1_2016.pdf (data obrashcheniya: 28.01.2019)
18. Pleshakov V.A. Teoriya kibersocializacii cheloveka: monografiya. pod obshch. red. chl.-korr. RAO, d.p.n., prof. A.V. Mudrika. M.: MPGU; Homo Cyberus, 2011. 400 s.
19. Pleshakov V.A., Obidina T.V. Cifrovaya socializaciya: ne chelovek ovladevaet Internetom, a Internet ovladevaet chelovekom [Elektronnyj resurs]. Homo Cyberus: elektronnyj nauchno-publicisticheskij zhurnal. 2019. № 2 (7). http://journal.homocyberus.ru/digital_socialization_2019 (data obrashcheniya: 28.08.2020)
20. Soldatova G.U. Cifrovaya socializaciya v kul'turno-istoricheskoy paradigme: izmenyayushchij rebenok v izmenyayushchemsya mire [Elektronnyj resurs]. Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2018. T. 9. № 3. S. 71 – 80. DOI: 10.17759/sps.2018090308
21. Starodubceva G.A. Osnovnye predpochteniya detej doskol'nogo vozrasta v vybore mul'tiplikacionnyh fil'mov. CHelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. 2020. № 1 (39). S. 443 – 449.
22. Toffler E. Tret'ya volna. M. : AST. 2010. 784 s.
23. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. 229 p.
24. Chitosca M.I. The Internet as a socializing agent of the “M Generation”. Journal of Social Informatics. 2006. Vol. 5 (June). P. 3 – 21.
25. Floridi L. The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.
26. Milgram P., Kishino A.F. Taxonomy of mixed reality visual displays. IEICE Transactions on Information and Systems. 1994. № E77-D (12). P. 1321 – 1329.
27. Smith J., Hewitt B., Skrbiš Z. Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood. Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18. № 9. P. 1022 – 1038.
28. Stornaiuolo A. Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites. Human Development. 2017. Vol. 60. № 5. P. 233 – 238. DOI:10.1159/000480341

Starodubtseva G.A., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Institute of Education Development of the Irkutsk region (GAU DPO IRO)

ON INFORMATION AND DIGITAL SOCIALIZATION OF PRESCHOOL CHILDREN

Abstract: *objective:* to analyze and show the correlation between the concepts of "information socialization", "cybersocialization", "digital socialization"; to focus on the concept corresponding to the process of modern socialization of preschool children in an information-rich digital environment.

Background. The process of socialization of modern children is currently undergoing significant changes. This socio-psychological phenomenon occurs not only in the real, physical world, but also in the world of rapidly developing digital information environment. In this regard, the very content of the socialization process and its mechanisms are changing. In psychological science, more and more often they talk about information socialization, cybersocialization, and digital socialization of the younger generation. Taking into account the fact that socialization is a two – way process (from society to the subject and from the subject to the society), as well as the fact that the very essence of this process is determined by the context of the social situation of development, it is necessary to determine exactly the concept that will help in further research to understand the question - how the process of socialization occurs now in preschool children living in the era of the information world and technological digital devices.

Methodology. System-activity approach to the study of the phenomenon of socialization, the laws of formal logic of concept analysis (the ratio of the content and scope of concepts).

Conclusions. The process of socialization of preschool children is due to changes occurring in the era of digital society and the creation of technological electronic devices used in any sphere of human life. The concepts of "cybersocialization", "information socialization", and "digital socialization" we study describe the mechanisms of the process of modern socialization of the younger generation, based on one or another approach and the content embedded in them. Moreover, "cybersocialization" is a broader concept and includes both information socialization and digital socialization. A preschool child learns information through digital media and gradually appropriates the social experience acquired in an online environment, but does not yet reproduce it entirely in mixed reality, as an adult. The digitalization of preschool education currently contributes to a more active digital socialization of the child.

Keywords: information socialization, cybersocialization, digital socialization, information technologies, digital electronic devices, digital environment, preschool child development

*Саркисян Н.В., аспирант,
Российский государственный социальный университет,
Сорокин А.Ю., преподаватель,
Академия гражданской защиты МЧС России*

РАСШИРЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДХОДА К ПРОФИЛАКТИКЕ СОНЛИВОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ ЗА РУЛЕМ ПОСРЕДСТВОМ ОЛЬФАКТОРНОЙ СТИМУЛЯЦИИ

Аннотация: засыпание людей управляющих транспортными средствами, относится к психофизиологическим факторам, и становится ежегодно причиной огромного количества аварий. Иностранцы специалисты приводят данные с высоким процентом погибших в таких происшествиях, при этом сопутствует значительный материальный ущерб. Задача снижения количества дорожно-транспортных происшествий связанных с засыпанием водителей за рулем – актуальна, так как позволит снизить риски и сохранить человеческие жизни. В настоящей статье приводятся результаты расширенного исследования подхода к профилактике сонливости водителей за рулем посредством ольфакторной стимуляции на основе ароматической композиции, составленной из смеси 100% эфирных масел «Счастливого пути». Ранние исследования данной композиции показали, что она обладает стимулирующим эффектом и усиливает бета ритмы главного мозга. В настоящем исследовании был проведен анализ влияния композиции «Счастливого пути» на прочие психофизиологические показатели работы человеческого организма. Исследование построено на измерении ряда психофизиологических показателей работы человеческого организма до и после воздействия ольфакторного стимула эфирной композиции «Счастливого пути». Также приводятся результаты корреляционного анализа динамики рассматриваемых показателей.

Ключевые слова: ольфакторный стимул, психофизиология, сонливость, психофизиологическое состояние

Введение

В настоящее время, одним из исследуемых подходов к регулированию психофизиологического состояния человека является ароматерапия [1]. Известно, что ольфакторные стимулы, оказывают влияние на уровень иммунитета, а также на активность эндокринной и ферментативной системы [2, 3, 4]. Актуальность использования ольфакторного канала восприятия в целях регулирования психофизиологического состояния человеческого организма также определяется спецификой его чувствительности. Абсолютные и дифференциальные пороги ольфакторного канала восприятия не зависят от уровня полимодальной нагрузки на сенсорно-перцептивную систему [5].

В работе [6] представлено исследование возможности использовать ольфакторный стимул, как средство регуляции психофизиологического состояния человеческого организма, а именно – борьбы с сонливым состоянием. Данное исследование проводилось при разработке подхода профилактики сонливого состояния водителей за рулем в целях предотвращения дорожно-транспортных происшествий.

В качестве целевого показателя уровня бодрствования, в приводимом исследовании рассматривается уровень бета ритма головного мозга. В качестве ольфакторного стимула – эфирная композиция «Счастливого пути». По результатам исследования следует, что воздействие ольфактор-

ным стимулом вызывает усиление бета ритмов головного мозга, что свидетельствует об ослаблении сонливого состояния. Однако в силу того, что человек представляет собой сложную систему, необходимо однозначно определить, как на приводимый ольфакторный стимул реагируют другие психофизиологические показатели человеческого организма, характеризующие состояние «сон-бодрствование».

Для ответа на данный вопрос, было проведено расширенное исследование с эфирной композицией «Счастливого пути». Именно данному исследованию и посвящается настоящая статья.

Методы и средства проведения исследования

Метод проведения исследования базируется на оценке изменения психофизиологических процессов человеческого организма регистрируемых средством психофизиологической диагностики и последующей их математической обработке. Средством ольфакторной стимуляции выступает эфирная композиция «Счастливого пути». В качестве средства психофизиологической диагностики человеческого организма был использован многофункциональный диагностический комплекс «DINAMIKA FARMA» (регистрационное удостоверение на медицинское изделие №ФРС 210/09117 от 01.10.2010). Данный комплект фиксирует и выражает в процентных показателях интенсивности активности следующие психофизиологические процессы человеческого организма:

1. Первичная симпатическая нервная система (далее – ПСНС);
2. Первичная парасимпатическая нервная система (далее – ППНС);
3. Вторичная нервно-гормональная регуляция (далее – ВНГР);
4. Психоэмоциональное состояние (далее – ПС);
5. Уровень Delta ритмов головного мозга (далее – ДРТМ);
6. Уровень Theta ритмов головного мозга (далее – ТРТМ);
7. Уровень Alpha ритмов головного мозга (далее – АРТМ);
8. Уровень Beta ритмов головного мозга (далее – БРТМ);
9. Уровень Gamma ритмов головного мозга (далее – ГРТМ);

10. А – уровень адаптации (далее – УА);
11. В – вегетативная регуляция (далее – ВР);
12. С – нейрогуморальная регуляция (далее – НР);
13. D – психоэмоциональное состояние (далее – ДПС).

Всего в данном исследовании приняло участие 10 человек. Исследование проводилось в вечернее время. По приходу испытуемый подвергался диагностике, результаты сохранялись. После этого испытуемый подвергался воздействию ольфакторного стимула, и через 5 минут диагностика проводилась повторно.

Результаты исследования

Результаты измерений показателей уровня активности психофизиологических процессов организма испытуемый до воздействия ольфакторным стимулом приведены в табл. 1.

Таблица 1

№ испытуемого	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Показатель, в %										
ПСНС	17	19	68	53	66	8	37	57	40	39
ППНС	4	31	11	7	8	7	15	21	28	12
ВНГР	79	50	21	40	26	85	47	22	32	49
ПС	48	59	45	74	98	1	62	59	53	45
ДРТМ	63	74	15	33	23	79	40	28	33	52
ТРТМ	22	14	18	20	12	16	22	12	23	15
АРТМ	8	3	33	23	21	3	8	13	10	13
БРТМ	4	6	25	19	29	2	22	27	26	12
ГРТМ	2	3	9	6	15	1	8	19	8	8
УА	7	69	50	67	96	1	59	74	50	36
ВР	18	98	31	77	96	1	70	76	38	43
НР	21	46	45	81	92	3	54	72	37	43
ДПС	48	59	45	74	98	1	52	69	53	45

Результаты измерений показателей уровня активности психофизиологических процессов орга-

низма испытуемый после воздействия ольфакторным стимулом приведены в табл. 2.

Таблица 2

№ испытуемого	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Показатель, в %										
ПСНС	53	43	76	58	46	13	49	51	43	51
ППНС	3	25	13	9	7	3	17	14	27	13
ВНГР	44	32	11	33	48	83	34	35	30	37
ПС	49	99	72	71	88	16	68	58	51	46
ДРТМ	38	18	9	31	52	77	39	52	33	25
ТРТМ	19	38	9	11	12	19	20	10	17	34
АРТМ	32	24	23	25	18	3	11	19	8	24
БРТМ	8	13	33	21	13	1	17	12	32	12
ГРТМ	3	7	25	12	4	1	13	6	11	7
УА	29	85	86	71	83	1	58	68	52	34
ВР	40	96	60	71	91	9	87	93	40	36
НР	55	92	76	71	94	4	66	75	35	45
ДПС	49	99	72	71	88	16	68	68	51	46

Анализ полученных результатов

Так как в работе [6], статистическая значимость динамики уровня активности бета ритмов головного мозга при воздействии ольфакторным стимулом доказана, для анализа значимости динамики других показателей активности психофизиологических процессов организма, предлагается использовать метод корреляции. Учитывая, что нормаль-

ность распределения в данном случае не известна, необходимо использовать коэффициент корреляции Спирмена. Другими словами, необходимо определить корреляцию динамики показателя активности бета ритмов с динамикой остальных показателей. Динамика показателей активности психофизиологических процессов приведена в табл. 3.

Таблица 3

№ испытуемого	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Динамика, в %										
ПСНС	36	24	8	5	-20	5	12	-6	3	12
ППНС	-1	-6	2	2	-1	-4	2	-7	-1	1
ВНГР	-35	-18	-10	-7	22	-2	-13	13	-2	-12
ПС	1	40	27	-3	-10	15	6	-1	-2	1
ДРТМ	-25	-56	-6	-2	29	-2	-1	24	0	-27
ТРТМ	-3	24	-9	-9	0	3	-2	-2	-6	19
АРТМ	24	21	-10	2	-3	0	3	6	-2	11
БРТМ	4	7	8	2	-16	-1	-5	-15	6	0
ГРТМ	1	4	16	6	-11	0	5	-13	3	-1
УА	22	16	36	4	-13	0	-1	-6	2	-2
ВР	22	-2	29	-6	-5	8	17	17	2	-7
НР	34	46	31	-10	2	1	12	3	-2	2
ДПС	1	40	27	-3	-10	15	16	-1	-2	1

Расчет корреляционных коэффициентов был реализован в программе Microsoft Excel 2018. В результате расчетов, получились коэффициенты корреляции, приведенные в табл. 4. Исходя из

таблицы критических значений корреляции Спирмена, выделены коэффициенты статистически значимые

Таблица 4

Показатели подвергаемые корреляционному анализу	Коэффициент корреляции Спирмена
БРТМ и ПСНС	0,7
БРТМ и ППНС	0,27
БРТМ и ВНГР	-0,75
БРТМ и ПС	0,57
БРТМ и ДРТМ	-0,74
БРТМ и ТРТМ	0,09
БРТМ и АРТМ	0,18
БРТМ и ГРТМ	0,85
БРТМ и УА	0,77
БРТМ и ВР	0,11
БРТМ и НР	0,46
БРТМ и ДПС	0,53

Интерпретация полученных результатов

Из представленных результатов в табл. 4 следует, что наблюдается как положительная, так и отрицательная корреляция уровня активности бета ритмов головного мозга, с рядом других показателей активности психофизиологических процессов.

Так прямую уровень активности бета ритмов имеет корреляцию с уровнем активности первичной симпатической нервной системы, уровнем ак-

тивности гамма ритмов головного мозга и уровнем адаптации.

Обратная корреляция уровня активности бета ритмов наблюдается с уровнем активности вторичной нервно-гуморальной регуляцией и уровнем активности дельта ритмов.

При этом также стоит отметить не явную корреляцию между уровнем активности бета ритмов и уровнем психоэмоционального состояния. Воз-

можно при большей выборки испытуемых, она оказалась бы значима.

Для остальных показателей уровня активности психофизиологических процессов явной взаимосвязи с уровнем активности бета ритмов не выявлено.

Заключение

В результате проведенного исследования удалось ответить на вопрос о том, как другие показатели психофизиологических процессов, характеризующие состояние «сон-бодрствование», изменяются под действием ольфакторного стимула на основе эфирной композиции «Счастливого пути».

Можно однозначно сказать, что эфирная композиция «Счастливого пути» способствует угнетению сонливого состояния не только за счет стимулирования активности бета ритмов головного моз-

га, но также за счет стимулирования работы нервной системы в целом и уровня активности гамма ритмов. Вместе с этим, происходит угнетение активности системы нервно-гормональной регуляции, функционирование которой необходимо во время сна для поддержания процесса жизнедеятельности организма. Также угнетаются и дельта ритмы головного мозга, характеризующие сонливое состояние.

Стоит также отметить, что проведенное исследование породило и новые вопросы. В таблице 3 отчетливо видна динамика у большинства показателей, при этом какая-то систематика в них не выявлена. Это говорит о том, что эфирная композиция «Счастливого пути» может иметь и побочные эффекты, отдельное исследование которых является необходимым и требует большей выборки.

Литература

1. Шутова Светлана Владимировна Ароматерапия: физиологические эффекты и возможные механизмы (обзор литературы) // Вестник российских университетов. Математика. 2013. № 4-1. С. 1330 – 1336.
2. Макарова З.С., Голубева Л.Г. Оздоровление и реабилитация часто болеющих детей в дошкольных учреждениях. М.: Владос, 2004. 270 с.
3. Барабой В.А. Растительные фенолы и здоровье человека. М.: Наука, 1984. 160 с.
4. Николаевский В.В., Еременко А.Е., Иванов И.К. Биологическая активность эфирных масел. М.: Медицина, 1987. 144 с.
5. Сорокин А.Ю. Саркисян Н.В. Об отсутствии динамики ольфакторной чувствительности в условиях полимодального воздействия на сенсорную систему человека // Modern Science. 2020. № 12-5. С. 265 – 271.
6. Саркисян Н.В. О подходе к профилактике сонливости водителей за рулем на основе ольфакторной стимуляции // International journal of medicine and psychology / Международный журнал медицины и психологии 2021. Т. 4. № 1. С. 31.

References

1. SHutova Svetlana Vladimirovna Aromaterapiya: fiziologicheskie efekty i vozmozhnye mekhanizmy (obzor literatury). Vestnik rossijskih universitetov. Matematika. 2013. № 4-1. С. 1330 – 1336.
2. Makarova Z.S., Golubeva L.G. Oздorovlenie i rehabilitaciya chasto boleyushchih detej v doshkol'nyh uchrezhdeniyah. M.: Vlados, 2004. 270 s.
3. Baraboj V.A. Rastitel'nye fenoly i zdorov'e cheloveka. M.: Nauka, 1984. 160 s.
4. Nikolaevskij V.V., Eremenko A.E., Ivanov I.K. Biologicheskaya aktivnost' efirnyh masel. M.: Medicina, 1987. 144 s.
5. Sorokin A.YU. Sarkisyan N.V. Ob otsutstvii dinamiki ol'faktornoj chuvstvitel'nosti v usloviyah polimodal'nogo vozdejstviya na sensornuyu sistemu cheloveka. Modern Science. 2020. № 12-5. С. 265 – 271.
6. Sarkisyan N.V. O podhode k profilaktike sonlivosti voditelej za rulem na osnove ol'faktornoj stimulyacii. International journal of medicine and psychology. Mezhdunarodnyj zhurnal mediciny i psihologii 2021. Т. 4. № 1. С. 31.

*Sarkisyan N.V., Postgraduate,
Russian State Social University,
Sorokin A.Yu., Lecturer,
Academy of Civil Protection of the Ministry
of Emergency Situations of Russia*

**AN EXTENDED STUDY OF THE APPROACH TO THE PREVENTION
OF DROWSINESS OF DRIVERS AT THE WHEEL
THROUGH OLFACTORY STIMULATION**

Abstract: falling asleep of people driving vehicles refers to psychophysiological factors, and becomes the cause of a huge number of accidents every year. Foreign experts cite data with a high percentage of deaths in such incidents, with significant material damage accompanying. The task of reducing the number of road accidents associated with drivers falling asleep at the wheel is relevant, as it will reduce risks and save human lives. This article presents the results of an extended study of the approach to the prevention of drowsiness of drivers behind the wheel through olfactory stimulation based on an aromatic composition made up of a mixture of 100% essential oils of the “Happy Journey”. Early studies of this composition have shown that it has a stimulating effect and enhances the beta rhythms of the main brain. In this study, the analysis of the influence of the composition “Happy Journey” on other psychophysiological indicators of the human body was carried out. The study is based on the measurement of a number of psychophysiological indicators of the human body before and after exposure to the olfactory stimulus of the ethereal composition of the “Happy Journey”. The results of the correlation analysis of the dynamics of the considered indicators are also presented.

Keywords: olfactory stimulus, psychophysiology, drowsiness, psychophysiological state

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Чистякова Г.Н., доктор медицинских наук, профессор,
руководитель отделения,
Кадочникова П.А., врач-стажер,
Устьянцева Л.С., кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник,
Гришкина А.А., старший научный сотрудник,
Уральский научно-исследовательский институт
материнства и младенчества Минздрава России*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ЗРЕЛОСТИ И РАЗВИТИЯ ЛЕГКИХ У НЕДОНОШЕННЫХ НОВОРОЖДЕННЫХ

*Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки,
грант президента Российской Федерации № МК-1140.2020.7*

Аннотация: своевременное развитие и созревание легких у плода является ключевым фактором послеродовой выживаемости, в случаях преждевременных родов, и крайне важен для прогнозирования исходов при заболеваниях новорожденных, связанных с незрелостью дыхательной системы, таких как респираторный дистресс-синдром новорожденных, бронхо-легочная дисплазия, врожденные пневмонии. С этой точки зрения, неинвазивная методика определения зрелости легочной ткани будет предпочтительнее, в связи с низким риском инфицирования. Несмотря на то, что стадии развития легких установлены, многие исследователи не приходят к единому мнению о временных рамках этих стадий, поскольку переходы между этими этапами плавные и график роста легких довольно произвольный. Несмотря на многочисленные исследования, проводимые в этой области, не разработаны критерии определения зрелости легких, которые могли бы быть использованы в клинической практике для определения прогноза развития патологических процессов у недоношенных новорожденных. В статье представлен анализ данных литературы по современным методам оценки зрелости и степени развития легких у недоношенных новорожденных. Подробно описаны этапы развития легких в антенатальном периоде. Рассмотрены методы оценки степени зрелости легких в антенатальном периоде. Проанализированы клинические возможности диагностики патологии легких в неонатальном периоде.

Ключевые слова: диагностика, недоношенные новорожденные, степень зрелости легких

Актуальность проблемы

Развитие и созревание легких плода – критически важный фактор послеродовой выживаемости, который является ключевым показателем пренатальной диагностики, как для оценки риска преждевременных родов, так и для прогнозирования исходов при заболеваниях новорожденных, связанных с незрелостью дыхательной системы. Диагностика степени зрелости легких в настоящее время основывается на определении уровня липидов, связанных с сурфактантом, в околоплодных водах, извлеченных с помощью амниоцентеза [1, 2], однако использование данного метода не исключает риски развития осложнений. С этой точки зрения, неинвазивная визуализация будет предпочтительнее, в связи с низким риском инфицирования. Ультразвуковое исследование (УЗИ) выявляет подавляющее большинство клинически значимых аномалий плода, тем не менее, точное определение степени развития и зрелости легких с по-

мощью этого исследования вызывает определенные сложности даже у опытных врачей.

Этапы развития легких в эмбриональном периоде

По данным литературы, структурное развитие легких описывается разным количеством стадий. Так, С. Loosli и Е. Potter (1951) выделяли 4 стадии: эмбриональную, псевдоглангулярную, каналикулярную и терминальную саккулярную [3]. Р. Burgi et al. (1997) описывают три стадии: псевдоглангулярную, каналикулярную и саккулярную [4]. Альвеолярную стадию данные авторы, а также L.J Smith et al. (2010) относят к постнатальному развитию [5].

До настоящего времени развитие легких описывается в 5 гистологических стадиях, а именно эмбриональной, псевдоглангулярной, каналикулярной, саккулярной и альвеолярной [6]. Стадии определяются в основном морфологическими критериями, их начало и конец не имеют четких временных рамок. Кроме того развитие и дифферен-

цировка ткани может отличаться в периферических и центральных отделах легких, но даже в пределах одного сегмента могут существовать структуры различной степени зрелости.

Эмбриональная стадия (до 6 недели). После образования примитивной кишки зачаток легкого появляется на вентральной части будущего пищевода в виде эвагинации эпителия. В течение 4-7 недель органогенеза этот зачаток легкого разветвляется, образуя два легочных зачатка, которые лежат по обе стороны от будущего пищевода. Эпителиальные компоненты легкого происходят из энтодермы, а соединительная ткань – из мезодермального зародышевого листка. К 7 неделям сегментарное ветвление дыхательных путей становится различимым. Образование сосудов происходит одновременно с развитием двух легочных артерий от 6-й дуги аорты. Сосудистые зачатки прорастают в мезенхиму и окружают легочные каналцы, образуя сосудистое сплетение, которое изначально впадает в системные вены, отводящие кровь от проксимального отдела кишечника и развивающиеся в трахее. Позже сосуды устанавливают связь с легочной веной, которая на данном этапе развития выглядит как небольшая трубочка, вырастающая из левого предсердия сердца. К 7 неделе беременности присутствует структура центральных сосудов и структур дыхательных путей, состоящая из долевых и сегментарных ветвей [7].

Псевдоглангулярный период (с 6 до 16 недели) [5], (с 5 до 17 недели) [8], или (от зачатия до 16 недели) [9].

Ранее исследователи разделяли мнение о том, что все проводящие дыхательные пути от начальных отделов респираторного дерева до терминальных бронхиол формируются к рождению ребенка. Однако, в настоящее время принято считать, что развитие легких продолжается и в постнатальном периоде [10].

Ацинус – структурно-функциональная единица лёгких. Состоит из ветвей терминальной (концевой) бронхиолы – респираторных бронхиол 1, 2 и 3-го порядков и альвеолярных ходов, разветвляющихся на альвеолярные мешочки. К концу псевдоглангулярного периода васкулогенез завершается. Артериальная сеть разветвляется по дыхательным путям, вместе с венами, проходящими через соединительнотканые перегородки. К завершению псевдоглангулярного периода преацинарный сосудистый рисунок соответствует легкому взрослого.

Во время псевдоглангулярной стадии дыхательные трубки выстланы высоким столбчатым эпителием в их проксимальной части, а дистально-кубическим эпителием. Дифференциация стенки дыхательных путей происходит в центробежном

направлении, так что типичные реснитчатые, бокаловидные и базальные клетки первыми появляются в проксимальных отделах дыхательных путей. На ранней стадии в трахее обнаруживаются предшественники хрящевых и гладкомышечных клеток и начинается дифференцировка клеток, формирующих железы, а к 12-й неделе эти мезенхимальные компоненты визуализируются на уровне сегментарных бронхов. Из-за тесной взаимосвязи между дыхательными путями и артериальными сосудами, во время этой фазы закладываются сопутствующие артериальные ветви. Ближе к концу псевдоглангулярной стадии периферические каналцы вместе с окружающей их тканью представляют собой будущие ацинусы [4].

Каналикулярный период, по мнению различных авторов, начинается с 16 по 24 неделю [5], с 17 по 27 неделю [8] или с 16 до 28 недели [9]. Этот период характеризуется ранним развитием легочной паренхимы и умножением капилляров. В конце 17-й недели гестационного возраста ацинус выглядит, как каналец, который в дальнейшем формирует терминальную бронхиолу. Эти каналцы растут за счет периферического ветвления, удлинения и расширения дистальных воздушных пространств за счет промежуточной мезенхимы [8]. Развитие легочных сосудов в этот период характеризуется повышенной пролиферацией и их организацией в капиллярную сеть вокруг воздушных пространств. На сроке от 12 до 14 недель капиллярная сеть отделена от ацинуса мезенхимой, однако примерно к 23 неделе эндотелий сосудов вплотную приближается к альвеолярному эпителию, формируя аэрогематический барьер.

К 20 неделям альвеолярный эпителий становится из кубического более плоским, данный процесс отражает дифференцировку клеток в альвеолоциты типа I и альвеолоциты типа II, которые содержат ламеллярные тельца, которые являются внутриклеточными единицами хранения сурфактанта [11]. Достижение каналцевой стадии очень важно для экстремально недоношенных детей, так как именно в этот период образуется гемато-паренхимотозный барьер и начинается образование минимальных количеств сурфактанта за счет наличия альвеолоцитов. Дети рождения с каналикулярной стадией требуют респираторной поддержки [12].

Срок саккулярного периода также неоднозначен: с 24 недели до рождения [5] или (с 26 до 36 недели) [9].

Начало саккулярного периода представляет собой критическую стадию развития для внеутробной жизни при преждевременных родах. В начале этого периода дыхательные пути заканчиваются скоплениями тонкостенных терминальных ме-

шочков. Эти мешочки образуют терминальные отделы дыхательных путей, альвеолярных протоков. Истинные альвеолы можно увидеть уже после 32 недели, однако, как правило, они более различимы через 36 недель [9]. Заметное расширение сосудов характерно для саккулярного периода, поскольку кровеносные сосуды увеличиваются в длину и в диаметре.

Альвеолярная стадия (с 36 недели) [9].

Альвеолы – это крошечные тонкостенные мешочки, в которых происходит обмен кислорода и углекислого газа между мелкими сосудами альвеолярной стенки и непосредственно воздухом.

Альвеолярный эпителий состоит из альвеолярных эпителиальных клеток I типа и альвеолоцитов II типа. Клетки типа I представляют собой тонкие уплощенные эпителиоциты, которые покрывают около 90% площади альвеолярной поверхности.

В то время как основы альвеол закладываются в канальцевом периоде с дифференцировкой клеток альвеолярного типа I и типа II, формирование настоящих альвеол начинается только на поздних сроках беременности и в основном происходит в постнатальном периоде. Точное время жизни, когда альвеолярное развитие завершено, все еще вызывает большие споры.

В настоящее время считается, что альвеоляризация, завершается к возрасту от 18 до 24 месяцев, а формирование большей части альвеол завершится примерно к 6 месяцам.

Ребенок, родившийся после 37 недель беременности, считается доношенным и обычно способен дышать спонтанно. Кислород, достигающий альвеолярных ходов, диффундирует в альвеолы, потому что во вдыхаемом воздухе концентрация кислорода выше, чем в альвеолах.

Методы исследования легких у новорожденных. Несмотря на то, что в данный момент медицина обладает большим спектром возможностей для диагностики патологических состояний легких, не все клинические и инструментальные методы могут быть использованы в педиатрической практике.

Проведение магнитно-резонансной томографии (МРТ) и рентгенографии на сегодняшний день являются весьма востребованными методами, для использования в современных клиниках, однако их проведение может быть осложнено, если ребенок беспокоен, что приводит к смазанной картине снимков.

С помощью рентгенографии можно быстро оценивать состояние легких, а учитывая, что многие современные аппараты способны делать снимки прямо у постели больного в высоком разрешении, это позволяет увидеть мелкие дефекты и изменения, которые дают возможность заподозрить

патологию [13]. На каждой рентгенограмме новорожденного ребенка обязательно оцениваются форма грудной клетки с наличием асимметрий или деформаций, форма и размеры легочных полей, их «прозрачность», наличие теней, просветлений, усиление или обеднение легочного рисунка, изменение сердечно-сосудистой тени [14]. Все эти данные могут дать информацию о проявлении патологий легких.

Метод магнитно-резонансной томографии используется для пренатальной диагностики, так как не имеет ионизирующего фона и является абсолютно безопасным для матери и плода. Основными параметрами, оцениваемыми при МРТ, является объем легких плода, однородность структуры паренхимы, возможное движение жидкости по трахее, которое можно зафиксировать доплеровскими методами, наличие свободной жидкости в плевральной полости [15]. Однако при проведении данного метода исследования встречаются такие трудности как меньшая плотность тканей легкого в отличие от остальных тканей организма, что приводит к тому, что МР-сигнал будет в десятки раз слабее от тканей легких, чем от других тканей. При этом, повышая соотношение, сигнал-шум увеличивается размер трехмерного изображения объекта (вокселя), однако возрастает возможность пропустить мелкие очаги. Метод МРТ позволяет визуализировать бронхоэктазы, утолщения стенок бронхов, уровни жидкости, но все же является методом третьей линии для диагностики патологии легких и используется при необходимости исключить влияние ионизирующего излучения [16].

Компьютерная томография (КТ), как метод визуализации является «золотым стандартом», позволяющим максимально детально оценить изменения легких. Однако метод обладает высокой ионизирующей нагрузкой, в связи с чем, не используется в рутинной диагностике патологии легких.

На высокоразрешающих компьютерных томограммах паренхима представлена сосудистыми структурами и междольковыми перегородками. Наилучшая визуализация внутрилегочных структур получается в так называемом легочном электронном окне (-700...-800 HU) [17]. При КТ изображение лишено суммационного эффекта и возможного эффекта от наложения различных структур, на его формирование не оказывает влияние форма, объем, число тканей и их взаимное расположение, что значительно увеличивает объем информации по сравнению с рентгенограммой [18]. Ультразвуковой метод диагностики в разделе неонатологии в последнее время выходит на первые позиции. Как метод диагностики патологии легких он имеет несколько весомых преимуществ: ис-

ключение воздействия ионизирующего излучения, возможность визуализации в режиме реального времени, а так же возможность визуализации патологического локуса в разных проекциях и под разными углами. Тем не менее, при исключении из комплекса диагностики рентгенологического метода значительно увеличивается риск гипердиагностики, так как УЗИ метод достаточно субъективен [19].

Клинические возможности диагностики патологии легких у новорожденных в неонатальном периоде

Респираторный дистресс-синдром (РДС) является наиболее частой причиной расстройств дыхательной системы у недоношенных новорожденных. При данном виде патологии на рентгенограмме определяются диффузные участки усиления легочного рисунка за счет интерстициального компонента, уменьшается объем легких. Рентген грудной клетки младенцев с РДС будет иметь ретикулогранулярный вид, обычно называемый «матовым стеклом». Этот мелкозернистый вид возникает из-за ателектаза некоторых альвеол и других альвеол, которые остаются расширенными. Эта картина на рентгеновском снимке может проявиться не сразу после рождения, а в течение первых 24-48 часов жизни [20]. Острые состояния, такие как пневмония, также подтверждаются рентгеновским исследованием: непосредственно у новорожденных воспаление чаще имеет системный характер, но также может визуализироваться отдельными инфильтратами [21].

Выделяют следующий вариант рентгенологической верификации изменений по степеням в зависимости от тяжести проявлений и выраженности

сти признаков, встречающихся при воспалительном процессе на фоне незрелости легочной ткани.

I степень тяжести:

- умеренное снижение пневматизации;
- милиарная пятнистость;
- ограниченные слабоинтенсивные тени;
- нодозно-ретикулярная сетка (расплывчатая); «воздушная бронхограмма» различима.

II степень тяжести:

- снижение пневматизации;
- грубые, беспорядочно разбросанные участки уплотнений легочной ткани;
- нодозно-ретикулярная сетка; «воздушные бронхограммы».

III степень тяжести:

- выраженное снижение пневматизации («матовое стекло»);
- сглаживание легочно-диафрагмальной и легочно-сердечной границы (симптом «силуэта»);
- «воздушные бронхограммы».

IV степень тяжести:

- «белые легкие» [22].

Методика компьютерной томографии (КТ) была опробована для определения характера поражения и степени тяжести БЛД. У детей с бронхолегочной дисплазией, при проведении КТ, явно прослеживается деформация легочного рисунка, утолщение стенок бронхов, а так же эмфизематозные изменения паренхимы легких. Учитывая возможность количественной оценки баллов по шкале оценки тяжести БЛД S.M. Shin (2013), а так же ее высокую корреляцию между количеством баллов и тяжестью БЛД данный метод может быть предложен в качестве диагностики и определении прогнозов [23].

Таблица 1

Шкала S.M.Shin.

Категории признаков	Признаки	Баллы
Повышение воздушности паренхимы	Буллы Мозаичный тип аэрации Обеднение легочного рисунка	0 – отсутствие признака 1 – вовлечен 1 сегмент легкого Максимально 19 баллов
Уплотнение паренхимы	Линейные тяжи Сегментарные ателектазы Очаги консолидации Нарушение архитектоники легочного рисунка	0 – отсутствие признака 1 – вовлечен 1 сегмент легкого Максимально 19 баллов

Шкала позволяет весьма объективно оценить степень поражения легких при БЛД, так как метод балльной оценки при данной шкале не зависит от опытности врача [24].

Определение степени развития легких и влияние на возникновение патологических процессов

Медицинские достижения в уходе за недоношенными детьми, такие как введение сурфактанта,

использование антенатально кортикостероидов для подготовки легких плода, защитные стратегии механической вентиляции легких, позволяют относительно стабильно выжить детям, родившимся в сроке сверхранных преждевременных родов, когда новорожденные имеют каналикулярную или саккулярную стадию развития легких [25]. Формирование основных структурных элементов легких на канальцевой и саккулярной стадии практи-

чески завершено, однако еще нет структур, формирующих альвеолы и не завершено формирование капиллярной сети. Сурфактантная система также является незрелой. Учитывая описанные ранее особенности ребенка, рожденных в сроке преждевременных, а особенно сверхранних родов, может формировать респираторный дистресс-синдром, связанный недостаточностью газообмена [26]. Если после рождения не активируется система сурфактанта, то фибробласты соединительной ткани могут мигрировать в альвеолы. Разрастаясь в альвеолах фибробласты образуют плотный гиалиновый слой, приводящий к болезни гиалиновой мембраны. Поскольку сурфактантная система не является полностью зрелой, альвеолярная жидкость может оставаться, что приводит к увеличению диффузионного расстояния для газообмена. Следствием чего является развитие гипоксемии (низкое насыщение крови кислородом), что, в свою очередь, снижает степень расширения артерий и может привести к легочной гипертензии [27]. Нарушение созревания легких может приводить к тяжелой патологии, затрагивающей развитие легочных капилляров, что является ключевым признаком новой формы БЛД. У недоношенных детей, с летальным исходом от тяжелой формы БЛД, наблюдаются крайне аномальные альвеолярные микрососуды и сниженная экспрессия фактора роста эндотелия сосудов. Эти данные предполагают, что для правильного развития микроструктуры легких требуется интактный ангиогенез, который нарушается у новорожденных с БЛД. Совместно эти нарушения альвеолярного и сосудистого роста приводят к более упрощенным легочным ацинусам и сосудистым структурам, уменьшая площадь поверхности для газообмена, вызывающего БЛД [28].

При проектировании модели БЛД на крысах тот факт, что крысы рождаются на саккулярной стадии развития легких, используется для моделирования морфологической и функциональной незрелости глубоко недоношенных детей. Воздействие кислорода с концентрацией 60% и более в течение первых 2 недель жизни крысы приводит к нарушению формирования альвеол и увеличению воздушных пространств. Легочная гипертензия, нарушение пневмо-сосудистого роста, повышенное содержание коллагена в легких и неорганизованное отложение эластина, а также повышенный приток воспалительных клеток – все это очень похоже на черты БЛД у человека [29].

Помимо проектировки модели БЛД было проведено исследование, в котором моделировали процессы гипоксии и гипероксии на мышцах. Мыши после непродолжительной пренатальной гипоксии на сроках, соответствующих 16-20 неделе

гестации у плода человека, оставались на каналкулярной стадии после одних суток нормоксии, в то время как нормоксический контроль достиг саккулярной фазы. Пренатальная нормоксия и постнатальная гипероксия при 75% воздействии кислорода с 1 по 14 день после рождения мыши привели к признакам морфологической незрелости легких, что проявлялось в значительном уменьшении общей поверхности перегородки и является косвенным показателем септации, а также альвеоляризации. Модели хронической гипероксии с воздействием кислорода 80% или 85% в течение 28 дней также способствовали увеличению альвеол, частично с увеличением толщины стенки перегородки [30].

Нарушение дифференцировки клеток легких на альвеолоциты I и II порядка приводят к первичному дефициту сурфактанта и развитию респираторного дистресс-синдрома. Болезнь гиалиновых мембран – это состояние, которое характеризуется перегруженностью легких со сжатыми периферическими воздушными пространствами (участками дис- и ателектаза) и расширенными респираторными бронхиолами, в которых респираторный эпителий заменяется аморфной эозинофильной выстилающей мембраной. У недоношенных детей, которые при жизни имели проявления респираторного-дистресс синдрома, данная патология практически всегда встречалась на патоморфологических исследованиях. До появления современных методов интенсивной терапии новорожденных болезнь гиалиновых мембран с некоторой долей частоты наблюдалось патологами. Когда впервые была установлена недостаточность сурфактанта как наиболее частая аномалия, лежащая в основе заболевания гиалиновых мембран, предполагалось, что это напрямую связано с незрелостью легких [31].

В связи с тем, что от степени развития легких зависит формирование возможной патологии, оказывающей влияние на последующее постнатальное развитие легких, остро встает проблема возможности оценки их развития.

Лабораторные тесты для оценки зрелости легких плода (FLM) путем измерения сурфактанта в околоплодных водах были разработаны в 1960-х и 1970-х годах после достижений в понимании развития легких плода. Существует определённый обмен между жидкостями легких плода и околоплодными водами, что приводит к обмену липидов между легкими и околоплодными водами. Следовательно, амниотическая жидкость является необходимым образцом для тестирования зрелости легких.

В настоящее время все доступные тесты оценивают количество сурфактанта в околоплодных

водах, чтобы можно было сделать прогноз относительно риска развития респираторного дистресс-синдрома у ребенка. Эти тесты включают соотношение лецитин/сфингомиелин (L/S), определение простогландинов и количество ламеллярных тел [1]. Отношение L/S описывает относительное изменение концентрации лецитина по сравнению с концентрацией сфингомиелина в амниотической жидкости, определяемое с помощью тонкослойной хроматографии. Концентрация сфингомиелина в околоплодных водах относительно низкая, но постоянная на протяжении всех триместров и поэтому может служить внутренним стандартом, с которым можно сравнивать концентрацию лецитина. Это важно, так как объем околоплодных вод сложно определить точно. Отношение L/S увеличивается с увеличением срока беременности и коррелирует со зрелостью легкого плода.

В исследовании 1971 года продемонстрировано, что концентрации лецитина и сфингомиелина почти равны до 35 недель беременности, после чего концентрация лецитина резко возрастает.

При нормальной беременности можно ожидать, что отношение L/S возрастает со значений менее 0,5 на 20 неделе беременности до 2,0 или выше, в зависимости от метода, примерно на 35–36 неделе беременности. Пороговое значение 2,0 часто используется в качестве отправной точки для принятия решения о степени зрелости легкого плода [2]. Однако этот показатель имеет хорошую чувствительность, но не имеет специфичности, в связи с чем, у детей, рожденных без респираторного дистресс-синдрома, наблюдается большое количество результатов, указывающих на незрелость легких.

Еще одним лабораторным методом определения зрелости легких может служить метод определения соотношения поверхностно-активных веществ к альбумину. Метод основан на конкурентном связывании флуоресцентного зонда с альбумином и легочным сурфактантом в околоплодных водах. Поляризация высокая, когда зонд связан с альбумином, и низкая, когда он связан с поверхностно-активным веществом. Степень чистой поляризации коррелирует со зрелостью легкого плода [32].

Фосфатидилглицерин (ФГ) присутствует исключительно в легких и в относительно низких концентрациях. Измеримые количества фосфатидилглицерина впервые появляются в околоплодных водах через несколько недель после лецитина, поэтому он считается поздним маркером степени развития легких [33]. Так как ФГ является составным веществом сурфактанта, то его присутствие в околоплодных водах может быть обусловлено только наличием сурфактанта у плода. Считается, что когда его концентрация при определении тон-

кослойной хроматографией составляет 3% или более от общего количества фосфолипидов (что примерно равно 3% от суммы L и S), легкие плода являются зрелыми [34].

При дифференцировке пневмоцитов происходят изменения цитоплазмы, характеризующиеся появлением пластинчатых телец [35]. Один из методов определения зрелости легких – это определение количества пластинчатых тел в околоплодной жидкости. В исследовании Jovana Višnjevac et al. (2010) было установлено, что значение количества пластинчатых тел $42 \times 10^6/\text{мкл}$ является оптимальным порогом принятия решения для прогнозирования возникновения РДС (чувствительность 82,4% и специфичность 64,6%). Авторы производили подсчет пластинчатых тел в околоплодных водах с использованием гематологического счетчика клеток Nikon-Kohden на канале тромбоцитов, где определение их количества основано на определении объема клеток. Счетчик показывал результат числа тромбоцитов, то есть в данном случае пластинчатых тел, которые необходимо было умножить на 1000, чтобы получить результат количества пластинчатых тел в мкл. [36].

Инструментальным методом исследования зрелости легких является метод МРТ. Оценка возможна методом определения площади легких: легкое сегментируется вручную на каждом срезе, и его площадь определяется контурно. Из-за эффектов частичного объема в непосредственной близости от диафрагмы точное анатомическое разграничение легочной ткани здесь особенно сложно. Поскольку плевральная жидкость в реберно-диафрагмальном углублении демонстрирует такое же сигнальное поведение, как легкое плода после 26-й недели беременности, здесь также имеется минимальная погрешность. Рост легких после 20-й недели беременности, по-видимому, следует кривой экспоненциальной регрессии ($r^2 = 0,81$). Объем легких увеличивается в четыре раза между 20-й и 28-й неделями беременности. Однако после 28-й недели беременности следует ожидать увеличения средних значений только на 50% за тот же период. Вместе с тем, при интерпретации этих данных следует отметить, что значения начинают значительно меняться после 30-й недели беременности. Это также отражается в линейной корреляции объема легких с массой тела, которая после 30-й недели беременности значительно хуже, чем до нее. После 30-й недели беременности часто наблюдаются фазы дыхательных движений плода, которые трудно распознать в обычных последовательностях МРТ. В результате существует риск двойного охвата некоторых срезов объемной МРТ и завышения фактического объема легких, что

могло бы объяснить определенную степень вариации на этой фазе.

В исследование, легких у макак-резус методом МРТ, которые имеют такие же стадии развития, как и легкие человека было продемонстрировано, что эти стадии соответствуют следующим примерным интервалам в течение 165-дневного срока гестации: эмбриональный, гестационный возраст (GA) 40-55 дней; псевдоглангулярный, 55-85 дней; канальцевидный, 75-105 дней; и саккулярная – 105 день до рождения [37].

Другая возможность оценки развития легких плода заключается в качественном или количественном определении интенсивности сигналов паренхимы легких. В период между 20-й и 28-й неделями беременности интенсивность легочного сигнала на T2-взвешенных последовательностях значительно увеличивается по сравнению с сигналом на ткани (печень, околоплодные воды, мышцы). Это чисто визуальное наблюдение может быть частично подтверждено измерениями интенсивности сигнала. Однако, поскольку измеренные абсолютные значения значительно различаются (причины этого – разные расстояния между точками измерения и элементами катушки, разные параметры устройства и неоднородности сигнала из-за движений плода), их необходимо сравнивать со значения яркости других тканей. Для этой цели часто используется печень плода, но из-за связанного с гематопозом снижения сигналов на T2-взвешенных последовательностях она не идеально подходит [12].

Заключение

Современная медицина имеет большой потенциал для выхаживания недоношенных детей, в том числе рожденных в сроке сверхранних преждевременных родов. Однако большое значение для исхода у таких детей имеет зрелость их дыхательной системы. Несмотря на то, что стадии развития

легких установлены, многие исследователи не приходят к единому мнению о временных рамках данных стадий, поскольку переходы между этими этапами плавные и график роста легких довольно произвольный. При этом продолжительность стадий заметно варьирует: некоторые стадии отличаются 1-2 неделями, а некоторые различия достигают 5 недель. Учитывая скорость развития всех органов и систем, разница более чем в неделю, может приводить к трудностям в дифференцировке стадий и ошибкам при интерпретации клинических данных.

Разработанные методы лабораторного исследования зрелости легких у новорожденных, наряду с высокой чувствительностью, не имеют высокой специфичности. Также эти методы подразумевают хирургическое вмешательство, так как для проведения исследования необходимо получение амниотической жидкости, что грозит риском инфекционных осложнений.

Несмотря на наличие большого спектра инструментальных методов исследования легких у новорожденных на пренатальном этапе, только использование МРТ позволяет объективно оценить степень их зрелости. Тем не менее, данная методика имеет свои сложности: невозможность контролировать движение плода, в связи с чем возможен двойной охват одной площади и завышение фактических объемов легких, а так же нет достаточно точного маркера для сравнения интенсивности полученных сигналов от фетальных легких.

Таким образом, задача определения зрелости легких имеет высокий потенциал для дальнейших исследований, а решение данной проблемы даст возможность для прогнозирования исходов у новорожденных, имеющих патологию дыхательной системы.

Литература

1. Yarbrough M.L., Grenache D.G., Gronowski A.M. Fetal lung maturity testing: the end of an era // *Biomarkers in Medicine*. 2014. № 8 (4). P. 509 – 515. doi:10.2217/bmm.14.7
2. Liggins G.C., Howie R.N. A controlled trial of antepartum glucocorticoid treatment for prevention of the respiratory distress syndrome in premature infants // *Pediatrics*. 1972. № 50 (4). P. 515 – 525. PMID: 4561295
3. Potter E.L., Loosli C.G. Prenatal development of the human lung // *The American Journal of Diseases of Children*. 1951. № 82 (2). P. 226 – 228. PMID: 14856389
4. Burri P.H. Structural aspects of postnatal lung development – alveolar formation and growth // *Biology of the Neonate*. 2006. № 89 (4). P. 313 – 322. doi: 10.1159/000092868. Epub 2006 Jun 1. PMID: 16770071
5. Smith L.J., McKay K.O., Peter van Asperen P.P., Selvadurai H., Fitzgerald D.A. Normal Development of the Lung and Premature Birth // *Paediatric Respiratory Reviews*. 2010. № 11 (3). P. 135 – 142. doi:10.1016/j.prrv.2009.12.006 Smith L.J., McKay K.O.
6. Campiche M., Gautier A., Hernandez E., Raymond A. An Electron Microscope Study of the Fetal Development of Human Lung // *Pediatrics*. 1963. № 32 (6). P. 976 – 994.
7. Mullassery D., Smith N.P. Lung development // *Seminars in Pediatric Surgery*. 2015. № 24 (4). P. 152 – 155. doi: 10.1053/j.sempedsurg.2015.01.011. Epub 2015 Feb 2. PMID: 26051046

8. Burri P.H. Fetal and Postnatal Development of the Lung // *Annual Review of Physiology*. 1984. № 46 (1). P. 617 – 628. doi:10.1146/annurev.ph.46.030184.003153
9. Merkus P.J.F.M., ten Have-Opbroek A.A.W., Quanjer P.H. Human lung growth: A review // *Pediatric Pulmonology*. 1996. № 21 (6). P. 383 – 397. doi:10.1002/(sici)1099-0496(199606)21:6<383::aid-ppul6>3.0.co;2-m
10. Kitaoka H., Burri P.H., Weibel E.R. Development of the human fetal airway tree: analysis of the numerical density of airway endtips // *The Anatomical Record*. 1996. № 244 (2). P. 207 – 213. doi: 10.1002/(SICI)1097-0185(199602)244:2<207::AID-AR8>3.0.CO;2-Y. PMID: 8808395
11. Mercurio A., Rhodin J. An Electron Microscopic Study on the Type I Pneumocyte in the Cat: Differentiation // *American Journal of Anatomy*. 1976. № 146 (3). P. 255 – 271.
12. Schittny J.C. Development of the lung // *Cell and Tissue Research*. 2017. № 367. P. 427 – 444.
13. Потрахов Ю.Н. Современные технические средства рентгенодиагностики в неонатологии и педиатрии // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Фундаментальные исследования в педиатрии»*. 2019. № 2 (3). С. 44 – 45.
14. Синькова А.В. и др. Методика анализа рентгенограмм: учеб. пособие. Иркутск: ИГМУ, 2012. 22 с.
15. Chukanov A.N., Tikhonenko I.V. Optimization of Prenatal Screening for Developmental Lung Anomalies // *Problemy zdorov'ya i ekologii*. 2019. № 60 (2). P. 42-48.
16. Котляров П.М., Лагуева И.Д., Сергеев Н.И., Солодкий В.А. Магнитно-резонансная томография в диагностике заболеваний легких // *Пульмонология*. 2018. № 28 (2). С. 217 – 233. <https://doi.org/10.18093/0869-0189-2018-28-2-217-23>
17. Аксёнов В.В. и др. Лучевые методы исследования и лучевая анатомия органов дыхания: учеб. пособие. Ханты-Мансийск: МГМИ, 2009. 52 с.
18. Перепелица С.А., Канькин В.Ю., Гончаров С.В., Смердова Е.Ф., АГолубев.М. Компьютерная томография в диагностике заболеваний лёгких у новорождённых детей // *Общая реаниматология*. 2009. № 5 (2) P. 60. <https://doi.org/10.15360/1813-9779-2009-2-60>
19. Акиншин И.И., Синельникова Е.В., Мохаммад А.А., Ротарь А.Ю., Столова Э.Н. Сравнительный анализ информативности ультразвукового и рентгенологического методов исследования в диагностике патологии легких у детей раннего возраста // *Педиатр*. 2016. № 7 (4). С. 37 – 43.
20. Rubarth L.B. Respiratory Development and Respiratory Distress Syndrome // *Neonatal Network*. 2015. № 34(4). P 231-238. doi: 10.1891/0730-0832.34.4.231.
21. Алхазисвили А.В., Потрахов Ю.Н., Мисюрин А.С., Водоватов А.В., Скрипник А.Ю. Использование мобильного микрофокусного рентгеновского комплекса для диагностики патологии недоношенных новорожденных // *Клиническая практика*. 2021. № 12 (2). С. 30 – 38. doi: <https://doi.org/10.17816/clinpract65148>
22. Нарзикулов Ш.Ф., Мардиева Г.М. Рентгенологические критерии синдрома дыхательных расстройств при пневмонии новорожденных // *Достижения науки и образования*. 2020. № 56. С. 78 – 82.
23. Shin S.M., Kim W.S., Cheon J.E., Kim H.S., Whal L., Jung A.Y. et al. Bronchopulmonary dysplasia: new high resolution computed tomography scoring system and correlation between the high resolution computed tomography score and clinical severity // *Korean Journal of Radiology*. 2013. № 14 (2). P. 350 – 360.
24. Колтунов И.Е., Горбунов А.В., Дегтярева М.В., Выхристюк О.Ф., Ерохина А.В. Возможности компьютерной томографии органов грудной клетки в определении характера поражения легких и степени тяжести бронхолегочной дисплазии у новорожденных и детей первого года жизни // *Трудный пациент*. 2018. № 16 (1-2). С. 36 – 40.
25. Coalson J.J. Pathology of new bronchopulmonary dysplasia // *Seminars in Neonatology*. 2003. № 8 (1). P. 73 – 81.
26. Smith L.J. McKay K.O. van Asperen P.P.; Hiran Selvadurai; Dominic A. Fitzgerald. Normal Development of the Lung and Premature // *Birth*. 2010. № 11 (3). P. 135 – 142. doi:10.1016/j.prrv.2009.12.006
27. Orgeig S., Daniels C., Sullivan L. Development of the Pulmonary Surfactant System. In: Harding R, Pinkerton K, Plopper C, editors // *The Lung: Development, Aging and the Environment*. 2004. P. 149 – 167.
28. Baker C.D., Alvira C.M.. Disrupted Lung Development and Bronchopulmonary Dysplasia: Opportunities for Lung Repair and Baker C.D., Alvira C.M.. Disrupted Lung Development and Bronchopulmonary Dysplasia: Opportunities for Lung Repair and Regeneration. *Curr Opin Pediatr*. 2014. № 26 (3). P. 306 – 314. doi: 10.1097/MOP.0000000000000095.
29. Lewin G., Hurtt M.E. Pre-and Postnatal Lung Development: An Updated Species Comparison // *Birth Defects Research*. 2017. № 109 (19). P. 1519 – 1539. doi: 10.1002/bdr2.1089. Epub 2017 Sep 6. PMID: 28876535
30. Schmiedl A., Roolfs T., Tutdibi E., Gortner L., Monz D. Influence of prenatal hypoxia and postnatal hyperoxia on morphologic lung maturation in mice // *PLoS One*. 2017. № 12 (4). e0175804. doi: 10.1371/journal.pone.0175804

31. Wigglesworth J.S. Pathology of the lung in the fetus and neonate, with particular reference to problems of growth and maturation // *Histopathology*. 1987. № 11 (7). P. 671 – 689. doi: 10.1111/j.1365-2559.1987.tb02682.x
32. Grenache D.G., Gronowski A.M. Fetal lung maturity // *Clinical Biochemistry*. 2006. № 39 (1). P. 1 – 10. doi:10.1016/j.clinbiochem.2005.10.008
33. Yarbrough M.L.; Grenache D.G. Gronowski A.M. Fetal lung maturity testing: the end of an era // *Biomarkers in Medicine*. 2014. № 8 (4). P. 509 – 515. doi:10.2217/bmm.14.7.
34. Dubin S.B. Characterization of amniotic fluid lamellar bodies by resistive-pulse counting: Relationship to measures of fetal lung maturity // *Clinical Chemistry*. 1989. № 35. P. 612 – 616.
35. Перепелица С.А., Голубев А.М., Мороз В.В., Шмакова М.А. Пренатальный морфогенез легких и предпосылки для развития РДС у недоношенных новорожденных // *Общая реаниматология*. 2010. № 1 (6). С. 53 – 58.
36. Visnjevac J., Novakov-Mikic A., Nikolic A., Visnjevac N. Lamellar body count in amniotic fluid for assessing fetal lung maturity // *Medicinski pregled*. 2010. № 63 (9-10). P. 595 – 600. doi:10.2298/mpns1010595v
37. Kasprian G., Brugger P.C., Helmer H., Langer M., Balassy C., Prayer D. Fetal lung development on MRT. Normal course and impairment due to premature rupture of membranes // *Der Radiologe*. 2006. № 46 (2). P. 120 – 127. doi: 10.1007/s00117-005-1321-z

References

1. Yarbrough M.L., Grenache D.G., Gronowski A.M. Fetal lung maturity testing: the end of an era. *Biomarkers in Medicine*. 2014. № 8 (4). P. 509 – 515. doi:10.2217/bmm.14.7
2. Liggins G.C., Howie R.N. A controlled trial of antepartum glucocorticoid treatment for prevention of the respiratory distress syndrome in premature infants. *Pediatrics*. 1972. № 50 (4). P. 515 – 525. PMID: 4561295
3. Potter E.L., Loosli C.G. Prenatal development of the human lung. *The American Journal of Diseases of Children*. 1951. № 82 (2). P. 226 – 228. PMID: 14856389
4. Burri P.H. Structural aspects of postnatal lung development – alveolar formation and growth. *Biology of the Neonate*. 2006. № 89 (4). P. 313 – 322. doi: 10.1159/000092868. Epub 2006 Jun 1. PMID: 16770071
5. Smith L.J., McKay K.O., Peter van Asperen P.P., Selvadurai H., Fitzgerald D.A. Normal Development of the Lung and Premature Birth. *Paediatric Respiratory Reviews*. 2010. № 11 (3). P. 135 – 142. doi:10.1016/j.prrv.2009.12.006 Smith L.J., McKay K.O.
6. Campiche M., Gautier A., Hernandez E., Reymond A. An Electron Microscope Study of the Fetal Development of Human Lung. *Pediatrics*. 1963. № 32 (6). P. 976 – 994.
7. Mullassery D., Smith N.P. Lung development. *Seminars in Pediatric Surgery*. 2015. № 24 (4). P. 152 – 155. doi: 10.1053/j.sempedsurg.2015.01.011. Epub 2015 Feb 2. PMID: 26051046
8. Burri P.H. Fetal and Postnatal Development of the Lung. *Annual Review of Physiology*. 1984. № 46 (1). P. 617 – 628. doi:10.1146/annurev.ph.46.030184.003153
9. Merkus P.J.F.M., ten Have-Opbroek A.A.W., Quanjer P.H. Human lung growth: A review. *Pediatric Pulmonology*. 1996. № 21 (6). P. 383 – 397. doi:10.1002/(sici)1099-0496(199606)21:6<383::aid-ppul6>3.0.co;2-m
10. Kitaoka H., Burri P.H., Weibel E.R. Development of the human fetal airway tree: analysis of the numerical density of airway endtips. *The Anatomical Record*. 1996. № 244 (2). P. 207 – 213. doi: 10.1002/(SICI)1097-0185(199602)244:2<207::AID-AR8>3.0.CO;2-Y. PMID: 8808395
11. Mercurio A., Rhodin J. An Electron Microscopic Study on the Type I Pneumocyte in the Cat: Differentiation. *American Journal of Anatomy*. 1976. № 146 (3). P. 255 – 271.
12. Schittny J.C. Development of the lung. *Cell and Tissue Research*. 2017. № 367. P. 427 – 444.
13. Potrahov YU.N. Sovremennye tekhnicheskie sredstva rentgenodiagnostiki v neonatologii i pediatrii. *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh s mezhdunarodnym uchastiem «Fundamental'nye issledovaniya v pediatrii»*. 2019. № 2 (3). S. 44 – 45.
14. Sin'kova A.V. i dr. Metodika analiza rentgenogramm: ucheb. posobie. Irkutsk: IGMU, 2012. 22 s.
15. Chukanov A.N., Tikhonenko I.V. Optimization of Prenatal Screening for Developmental Lung Anomalies. *Problemy zdorov'ya I ekologii*. 2019. № 60 (2). P. 42-48.
16. Kotlyarov P.M., Lagkueva I.D., Sergeev N.I., Solodkij V.A. Magnitno-rezonansnaya tomografiya v diagnostike zabolevanij legkih. *Pul'monologiya*. 2018. № 28 (2). S. 217 – 233. <https://doi.org/10.18093/0869-0189-2018-28-2-217-23>
17. Aksyonov V.V. i dr. Lučevye metody issledovaniya i lučevaya anatomiya organov dyhaniya: ucheb. posobie. Hanty-Mansijsk: MGMI, 2009. 52 s.

18. Perepelica S.A., Kanykin V.YU., Goncharov S.V., Smerdova E.F., AGolubev.M. Komp'yuternaya tomografiya v diagnostike zabolevanij lyogkih u novorozhdnyonnyh detej. *Obschchaya reanimatologiya*. 2009. № 5 (2) P. 60. <https://doi.org/10.15360/1813-9779-2009-2-60>
19. Akinshin I.I., Sinel'nikova E.V., Mohammad A.A., Rotar' A.YU., Stolova E.N. Sravnitel'nyj analiz informativnosti ul'trazvukovogo i rentgenologicheskogo metodov issledovaniya v diagnostike patologii legkih u detej ranego vozrasta. *Pediatr*. 2016. № 7 (4). S. 37 – 43.
20. Rubarth L.B. Respiratory Development and Respiratory Distress Syndrome. *Neonatal Network*. 2015. № 34(4). P 231-238. doi: 10.1891/0730-0832.34.4.231.
21. Alhazishvili A.V., Potrahov YU.N., Misyurin A.S., Vodovatov A.V., Skripnik A.YU. Ispol'zovanie mobil'nogo mikrofokusnogo rentgenovskogo kompleksa dlya diagnostiki patologii nedonoshennyh novorozhdennyh. *Klinicheskaya praktika*. 2021. № 12 (2). S. 30 – 38. doi: <https://doi.org/10.17816/clinpract65148>
22. Narzikulov SH.F., Mardieva G.M. Rentgenologicheskie kriterii sindroma dyhatel'nyh rasstrojstv pri pnevmonii novorozhdennyh. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*. 2020. № 56. S. 78 – 82.
23. Shin S.M., Kim W.S., Cheon J.E., Kim H.S., Whal L., Jung A.Y. et al. Bronchopulmonary dysplasia: new high resolution computed tomography scoring system and correlation between the high resolution computed tomography score and clinical severity. *Korean Journal of Radiology*. 2013. № 14 (2). P. 350 – 360.
24. Koltunov I.E., Gorbunov A.V., Degtyareva M.V., Vyhristyuk O.F., Erohina A.V. Vozmozhnosti komp'yuternoj tomografii organov grudnoj kletki v opredelenii haraktera porazheniya legkih i stepeni tyazhesti bronholegochnoj displazii u novorozhdennyh i detej pervogo goda zhizni. *Trudnyj pacient*. 2018. № 16 (1-2). S. 36 – 40.
25. Coalson J.J. Pathology of new bronchopulmonary dysplasia. *Seminars in Neonatology*. 2003. № 8 (1). P. 73 – 81.
26. Smith L.J. McKay K.O. van Asperen P.P.; Hiran Selvadurai; Dominic A. Fitzgerald. Normal Development of the Lung and Premature. *Birth*. 2010. № 11 (3). R. 135 – 142. doi:10.1016/j.prrv.2009.12.006
27. Orgeig S., Daniels C., Sullivan L. Development of the Pulmonary Surfactant System. In: Harding R, Pinkerton K, Plopper C, editors. *The Lung: Development, Aging and the Enviroment*. 2004. P. 149 – 167.
28. Baker C.D., Alvira C.M.. Disrupted Lung Development and Bronchopulmonary Dysplasia: Opportunities for Lung Repair and Baker C.D., Alvira C.M.. Disrupted Lung Development and Bronchopulmonary Dysplasia: Opportunities for Lung Repair and Regeneration. *Curr Opin Pediatr*. 2014. № 26 (3). P. 306 – 314. doi: 10.1097/MOP.0000000000000095.
29. Lewin G., Hurtt M.E. Pre-and Postnatal Lung Development: An Updated Species Comparison. *Birth Defects Research*. 2017. № 109 (19). P. 1519 – 1539. doi: 10.1002/bdr2.1089. Epub 2017 Sep 6. PMID: 28876535
30. Schmiedl A., Roolfs T., Tutdibi E., Gortner L., Monz D. Influence of prenatal hypoxia and postnatal hyperoxia on morphologic lung maturation in mice. *PLoS One*. 2017. № 12 (4). e0175804. doi: 10.1371/journal.pone.0175804
31. Wigglesworth J.S. Pathology of the lung in the fetus and neonate, with particular reference to problems of growth and maturation // *Histopathology*. 1987. № 11 (7). P. 671 – 689. doi: 10.1111/j.1365-2559.1987.tb02682.x
32. Grenache D.G., Gronowski A.M. Fetal lung maturity. *Clinical Biochemistry*. 2006. № 39 (1). P. 1 – 10. doi:10.1016/j.clinbiochem.2005.10.008
33. Yarbrough M.L.; Grenache D.G. Gronowski A.M. Fetal lung maturity testing: the end of an era. *Biomarkers in Medicine*. 2014. № 8 (4). R. 509 – 515. doi:10.2217/bmm.14.7.
34. Dubin S.B. Characterization of amniotic fluid lamellar bodies by resistive-pulse counting: Relationship to measures of fetal lung maturity. *Clinical Chemistry*. 1989. № 35. P. 612 – 616.
35. Perepelica S.A., Golubev A.M., Moroz V.V., SHmakova M.A. Prenatal'nyj morfogenez legkih i predispylki dlya razvitiya RDS u nedonoshennyh novorozhdennyh. *Obschchaya reanimatologiya*. 2010. № 1 (6). S. 53 – 58.
36. Visnjevac J., Novakov-Mikic A., Nikolic A., Visnjevac N. Lamellar body count in amniotic fluid for assessing fetal lung maturity. *Medicinski pregled*. 2010. № 63 (9-10). P. 595 – 600. doi:10.2298/mpns1010595v
37. Kasprian G., Brugger P.C., Helmer H., Langer M., Balassy C., Prayer D. Fetal lung development on MRT. Normal course and impairment due to premature rupture of membranes. *Der Radiologe*. 2006. № 46 (2). P. 120 – 127. doi: 10.1007/s00117-005-1321-z

*Chistyakova G.N., Doctor of Medical Sciences
(Advanced Doctor), Professor,
Head of the Department,
Kadochnikova P.A., trainee doctor,
Ustyantseva L.S., Candidate of Medical Sciences (Ph.D.),
Senior Research Officer,
Grishkina A.A., Senior Research Officer,
Ural Scientific Research Institute of Motherhood
and Infancy of the Ministry of Health of Russia*

ACTUAL PROBLEMS OF DETERMINING THE DEGREE OF MATURITY AND DEVELOPMENT OF THE LUNGS IN PREMATURE NEWBORNS

Abstract: timely development and maturation of the lungs of the fetus is a key factor in postpartum survival in cases of premature birth. It is extremely important for predicting outcomes of the neonatal diseases associated with immaturity of the respiratory system, such as respiratory distress syndrome of the newborn, broncho-pulmonary dysplasia, congenital pneumonia. From this point of view, a non-invasive method for determining the maturity of the lung tissue will be preferable, due to the low risk of infection. Despite the fact that the stages of lung development have been established, many researchers do not agree on the timing of these stages, since the transitions between these stages are smooth and the schedule of lung growth is rather arbitrary. Despite numerous studies undertaken in this area, there are no criteria for determining the maturity of the lungs, which could be used in clinical practice to determine the prognosis of the development of pathological processes in premature infants. The article presents an analysis of literature data on modern methods for assessing the maturity and degree of lung development in premature infants. The stages of lung development in the antenatal period are described in detail. Methods for assessing the degree of lung maturity in the antenatal period are considered. The clinical possibilities of diagnosing lung pathology in the neonatal period have been analyzed.

Keywords: diagnostics, premature newborns, degree of lung maturity

**Фефелова Е.В., доктор медицинских наук, доцент,
Цыбиков Н.Н., доктор медицинских наук, профессор,
Егорова Е.В., доктор медицинских наук,
Маниковская Т.М., ассистент,
Шаповалов Ю.К., ассистент,
Читинская государственная медицинская академия
Министерства здравоохранения Российской Федерации**

РОЛЬ АМИНОТИОЛОВ В ПАТОГЕНЕЗЕ ХРОНИЧЕСКИХ РИНОСИНУСИТОВ БАКТЕРИАЛЬНОЙ ЭТИОЛОГИИ

Аннотация: хронический риносинусит (ХРС) – это заболевание для которого характерно стойкое воспаление слизистой оболочки носа и околоносовых пазух, длящееся более 4 недель непрерывно (EPOS, 2012). При этом лечение данного состояния чаще всего малоэффективно. Известны две формы ХРС: хронический бактериальный риносинусит и хронический полипозный риносинусит (ХПРС).

Согласно результатам статистической обработки данных, полученных Шамкиной П.А. и соавт. (2019 г.) показатель распространенности ХРС в мире в среднем составил $11,81 \pm 5,81\%$. При этом минимальное число случаев зарегистрировано в Южной Корее (1,01%), а максимальное – в Индии (57,6%). В России заболеваемость ХРС колеблется от 1,42 до 35%.

Риносинусит относят к группе многофакторных заболеваний. Однако, ни один этиологический фактор не объясняет причину его затяжного течения. Предполагается, что основным звеном патогенеза ХРС является низкая иммунологическая реактивность организма, не позволяющая ему адекватно отвечать на внедрение микроорганизмов.

Показано, что у пациентов с периодонтитами, хроническими заболеваниями желудочно-кишечного тракта регистрируется более высокий уровень гомоцистеина (Hcy), его физиологическая роль заключается в поддержании на постоянном уровне содержания незаменимой аминокислоты метионина, необходимой в реакциях метилирования, для синтеза цистеина и глутатиона. Более того он является источником сульфидов и участвует в синтезе α -кетобутирата, предшественника сукцинил КоА. Избыток Hcy обладает повреждающим действием, механизмами неблагоприятного действия Hcy являются и активация окислительного стресса, и развитие дисфункции эндотелия, и формирующаяся гиперкоагуляция, и запуск аутоиммунных процессов, и изменение функции иммунокомпетентных клеток. Однако, влияние гипергомоцистеинемии на механизмы хронизации местного воспалительного процесса изучены недостаточно. Таким образом, целью нашей работы явилось изучение роли гипергомоцистеинемии в патогенезе ХРС.

Ключевые слова: гомоцистеин, хронический риносинусит, цитокины, гиперкоагуляция, дисфункция эндотелия, глоточный биотоп

Диагноз хронического риносинусита (ХРС) выставляется в случае стойкого воспалительного процесса на слизистой оболочке носа и околоносовых пазух, длящегося более 4 недель непрерывно (EPOS, 2012) [1]. При этом лечение данного состояния чаще всего малоэффективно. Известны две формы ХРС: хронический бактериальный риносинусит и хронический полипозный риносинусит (ХПРС) [2].

Согласно результатам статистической обработки данных, полученных Шамкиной П.А. и соавт. (2019 г.) показатель распространенности ХРС в мире в среднем составил $11,81 \pm 5,81\%$. При этом минимальное число случаев зарегистрировано в Южной Корее (1,01%), а максимальное – в Индии (57,6%). В России заболеваемость ХРС колеблется от 1,42 до 35% [3].

Риносинусит относят к группе многофакторных заболеваний. Однако, ни один этиологический

фактор не объясняет причину его затяжного течения. Предполагается, что основным звеном патогенеза ХРС является низкая иммунологическая реактивность организма [4], не позволяющая ему адекватно отвечать на внедрение микроорганизмов.

Показано, что у пациентов с периодонтитами, хроническими заболеваниями желудочно-кишечного тракта регистрируется более высокий уровень гомоцистеина (Hcy) [5]. Эта аминокислота необходима нашему организму для поддержания на постоянном уровне концентрации метионина, необходимого в реакциях метилирования, а так же, для синтеза цистеина и глутатиона. Кроме этого Hcy является источником сульфидов, участвует в синтезе сукцинил КоА [6]. Избыток Hcy обладает повреждающим действием, механизмами неблагоприятного действия Hcy являются и активация окислительного стресса, и развитие дисфунк-

ции эндотелия, и формирующаяся гиперкоагуляция, и запуск аутоиммунных процессов, и изменение функции иммунокомпетентных клеток [7, 8]. Однако, влияние гипергомоцистеинемии на механизмы хронизации местного воспалительного процесса изучены недостаточно. Таким образом, целью нашей работы явилось изучение роли гипергомоцистеинемии в патогенезе ХРС.

Материалы и методы исследования

В исследование включено 23 человека, страдающих ХРС в стадии обострения и ремиссии. Клиническая картина обострения ХРС характеризовалась гнойными или слизисто-гнойными выделениями из носа, головными болями, затруднением носового дыхания, болью в проекции околоносовых пазух (ОПН). В период ремиссии наблюдалось отсутствие головной боли, однако, носовое дыхание чаще было затруднено, сохранялись слизистые выделения, формируя постназальный синдром. Средний возраст пациентов составил $34,1 \pm 12,3$ лет.

Контрольную группу составили 26 практически здоровых лиц, в возрасте от 30 до 50 лет, без вредных привычек.

Для подтверждения диагноза всем включенным в исследование проводилось стандартное отоларингологическое обследование, мультиспиральная компьютерная томография околоносовых пазух. Кроме этого, в отделяемом из придаточных пазух больных ХРС определялся микробный пейзаж.

В исследование не включались лица с патологическими процессами, сопровождающиеся гипергомоцистеинемией, а также лица, страдающие риносинуситами не бактериальной природы. Для подтверждения диагноза всем включенным в исследование проводилось стандартное отоларингологическое обследование, мультиспиральная компьютерная томография околоносовых пазух. Кроме этого, в отделяемом из придаточных пазух больных ХРС определялся микробный пейзаж.

В работе с обследуемыми людьми соблюдались все этические принципы, предъявляемые к такого рода работам. Все исследования проводились только при наличии информированного согласия испытуемых.

Уровень гомоцистеина в сыворотке крови определяли путем ВЭЖХ [9].

Число циркулирующих эндотелиоцитов (СЕС) на проточном цитометре (аппарат FC (BC) 500). Для идентификации СЕС использовались антитела: CD146+, CD45-, CD 34+, CD 105+. Также применялся ионный краситель 7AAD для дифференцировки живых и мертвых клеток. Подсчет числа СЕС велся на 500 000 лейкоцитов.

Этим же способом оценивали процент моноцитов периферической крови (CD 14+), несущих на своей поверхности тканевой фактор (TF – CD 142).

Содержание цитокинов в сыворотке крови устанавливали ИФА методом с использованием диагностических наборов производства ЗАО «ВЕКТОР-БЕСТ» (Россия).

Оценку системы гемостаза проводили общепринятыми методами.

Статистическую обработку полученных данных проводили с использованием пакетов прикладных программ Microsoft Excel и Statistica 10. Достоверность различий оценивали непараметрическим критерием Вилкоксона при сравнении двух зависимых переменных и непараметрический критерий Манна-Уитни – между независимыми переменными. Показатели приведены в виде медианы и 25 и 75 перцентиля. Статистически достоверными считались различия при значениях $p < 0,05$.

Результаты исследования

Лабораторные признаки воспалительного процесса у пациентов с хроническими риносинуситами сохраняются и в стадию ремиссии заболевания, не смотря на купирование клинической картины. Так, наблюдается сохранение повышенных уровней некоторых цитокинов (рис. 1).

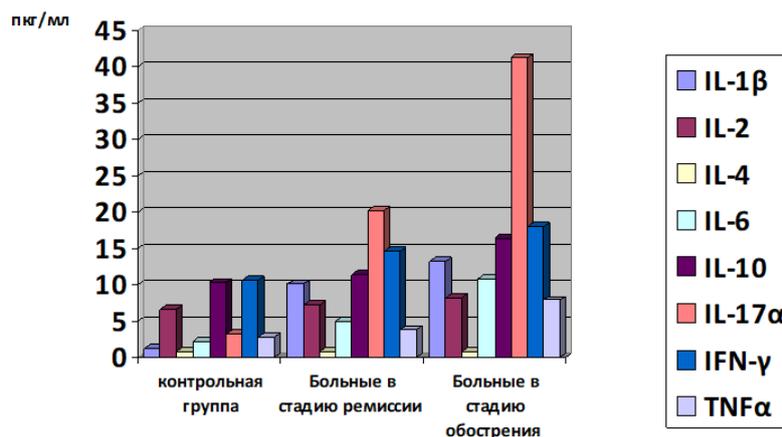

Рис. 1. Уровень цитокинов в плазме крови у больных хроническими риносинуситами

Примечание: * – уровень статистической значимости различий по сравнению с группой контроля

Максимально увеличилась концентрация IL-17α. Этот интерлейкин синтезируется только Т-хелперами 17 типа. Поэтому рост его концентрации свидетельствует об активации этих клеток, выполняющими в первую очередь, защиту организма от патогенов, которые не могут эффективно устранить Т-хелперы 1 и 2 типа. Это же приводит к их активному участию в аутоиммунных реакциях. Поэтому, рост концентрации IL-17α в нашем исследовании свидетельствует о формировании гиперчувствительности к измененным хроническим воспалительным процессам клеткам слизистой полости носа.

Кроме этого, наблюдалось и состояние гиперкоагуляции, проявляющееся высокими концентрациями фибриногена. Так, в стадию обострения процесса его уровень увеличился в 2,1 ($p=0,0001$), а в период ремиссии – в 1,6 раза ($p=0,00001$) по сравнению с группой 20 контроля.

Причина активации системы свертывания крови лежит в повышенной активности тканевых макрофагов и моноцитов крови. Так, нами зафиксирован рост числа CD 14+ клеток, несущих на своей поверхности CD 142 на 31,48% ($p=0,002$) при рецидиве ХРС и на 23, 51% ($p=0,006$) в стадию ремиссии.

Кроме моноцитов и макрофагов на активность системы гемостаза влияют эндотелиоциты.

В результате исследования нами выявлено наличие дисфункции эндотелия у больных с ХРС вне зависимости от стадии заболевания. Маркерами, подтверждающий данный тезис явились как повышенные уровни эндотелина, так и СЕС. Концентрация эндотелина у больных ХРС в стадию рецидива зафиксированна на 38,14% больше ($p=0,000001$), чем в группе сравнения, а в стадию ремиссии – на 29,89% ($p=0,0099$).

Число циркулирующих эндотелиоцитов при обострении заболевания увеличивается в 10,7раз ($p=0,001$) и остается повышенным в 1,5 раз в ремиссию процесса ($p=0,083$). При этом погибшие СЕС отсутствуют. Достоверной разницы в числе молодых и активированных СЕС между исследуемыми группами не найдено.

Возникает закономерный вопрос: что является фактором, поддерживающим воспалительный процесс в стадию ремиссии. Мы предположили, что возможно им является нарушение обмена метионина, так как в процессе хронического воспаления, как известно, потребляются витамины В6, В12, фолиевая кислота, являющиеся коферментами в этом обмене.

Нами, при исследовании обмена аминотиолов обнаружено, что у больных ХРС повышен уровень Нсу в сыворотке крови. Его максимальное значение наблюдалось в стадию обострения процесса и составило 13,87 (13,46; 14,60) мкмоль/л. В период ремиссии уровень его снижается (10,87 (10,47; 11,59) мкмоль/л), но не приходит к значениям контрольной группы (6,75 (5,71; 7,59) мкмоль/л).

Известно, что процесс воспаления направлен, во-первых, на ограничение очага воспаления. Этим можно объяснить значение, наблюдаемой нами гиперкоагуляции у больных ХРС.

Во-вторых, воспалительная реакция ориентирована на элиминацию патогена. В этом активно принимает участие и гомоцистеин, так как он способен активировать свободно-радикальные процессы [10,11]. Удаление же патогена всегда сопровождается развитием вторичной альтерации. И в подтверждение этого мы наблюдаем развившуюся дисфункцию эндотелия, дисбаланс цитокинов, с преобладанием IL-17α, свидетельствующего о присоединении аутоиммунного компонента воспаления слизистой полости носа. Однако, хроническое течение риносинусита, в

свою очередь будет провоцировать повышение уровня гомоцистеина и усиление вторичной альтерации, замыкая тем самым порочный круг [13, 14, 15].

Постоянный воспалительный процесс влияет на работу мукозного иммунитета, ослабевая его. На следующем этапе нашего исследования мы хотели изучить влияние повышенных концентраций гомоцистеина на состав микрофлоры слизистой полости носа. Для достижения этой цели, мы всех больных, страдающих ХРС, разделили по уровню Нсу – менее 8 мкмоль/л и более 8 мкмоль/л. Оказалось, что у лиц с меньшим содержанием Нсу глоточный биотоп представлен только условно-патогенными микроорганизмами (в большей степени – грамположительными кокками). В то время, как у добровольцев второй группы на

слизистой носа найдены еще и патогенные микроорганизмы (в частности патогенная кишечная палочка и золотистый стафилококк).

Таким образом, полученные нами данные свидетельствуют, что наличие хронического воспалительного процесса сопровождается повышением уровня Нсу. Роль его при этом двояка. С одной стороны, этот аминотиол, необходим для элиминации патогена и ограничения очага воспаления, с другой – он интенсифицирует вторичную альтерацию, способствует развитию дисбиоза биотопа глотки, инициирует аутоиммунные процессы, что, в свою очередь, замыкая порочный круг, будет поддерживать течение воспалительного процесса, не давая достичь полного выздоровления.

Литература

1. Fokkens W.J., Lund V.J., Mullol J., Bachert C., Alobid I., Baroody F., Cervin C., Cohen N., Douglas R., Georgalas C., Gevaert P., Goossens H., Harvey R., Hellings P., Hopkins C., Jones N., Joos G., Kalogjera L. Kern B., Kowalski M., Price D., Riechelmann H., Schlosser R., Senior B., Thomas M., Toskala E., Voegels R., Wang D.Y., Wormald P.J. et al. European Position Paper on Rhinosinusitis and Nasal Polyps 2012. // *Rhinol Suppl.* 2012. Vol. 23. № 3. P. 1 – 298.
2. Тарасова Г.Д., Кириченко И.М., Мирзабекян Е.В. Этот привычный диагноз «ринит» // *Медицинский совет.* 2020. № (6). С. 22 – 30. doi: 10.21518/2079-701X-2020-6-22-30
3. Шамкина П.А., Кривопапов А.А., Рязанцев С.В., Шнайдер Н.А., Гайдуков С.С., Шарданов З.Н. Эпидемиология хронических риносинуситов. Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 188.
4. Yanez A., Dimitroff A., Bremner P. et al. A patient preference study that evaluated fluticasone furoate and mometasone furoate nasal sprays for allergic rhinitis // *Allergy & rhinology (Providence, RI).* 2016. № 7. P. 183 – 192.
5. Мирошниченко И.И., Птицына С.Н., Кузнецова Н.Н. и др. Гомоцистеин – предиктор патологических изменений в организме человека // *Российский медицинский журнал.* 2009. Т. 17. № 4. С. 224 – 227.
6. Бутенко А.В. Гомоцистеин: влияние на биохимические процессы в организме человека // *Молодой ученый.* 2016. № 1. С. 78 – 82. URL: <https://moluch.ru/archive/105/24912/> (дата обращения: 30.01.2018)
7. Болдырев А.А. Почему токсичен гомоцистеин // *Природа.* 2009. № 10. С. 18 – 23.
8. Фефелова Е.В., Терешков П.П., Исакова Н.В. и др. Роль гипергомоцистеинемии в механизмах развития гиперкоагуляции у больных ИБС // *Забайкальский медицинский вестник.* 2019. № 2. С. 90 – 98. URL: <http://chitgma.ru/zmv2> (дата обращения: 03.09.2017)
9. Дутов А.А., Никитин Д.А., Федотова А.А. Определение гомоцистеина и цистеина в плазме/сыворотке крови ВЭЖХ методом с УФ детекцией и твердофазной экстракцией на полимерном сорбенте // *Биомедицинская химия.* 2010. Т. 56. вып. 5. С. 609 – 615.
10. Bachert C., El-Akkad T. Patient preferences and sensory comparisons of three intranasal corticosteroids for the treatment of allergic rhinitis // *Annals of allergy, asthma & immunology: official publication of the American College of Allergy, Asthma, & Immunology* 2002. № 89. P. 292 – 297.
11. Zhong H, Ni XJ, Cui M, Liu XY. Evaluation of pharmacist care for patients with chronic obstructive pulmonary disease: a systematic review and meta-analysis // *Int J Clin Pharm.* 2014. № 36. P. 1230 – 1240.
12. Крупович А.Я., Гурожапова Э.Э., Аюшеев А.Б. Микробные ассоциации при воспалительных заболеваниях лор-органов у детей // В сборнике: Медицина завтрашнего дня: Материалы XVII межрегиональной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 65-летию Читинской государственной медицинской академии: сборник научных трудов. Читинская государственная медицинская академия, 2018. С. 211.

13. Tsybikov N.N., Egorova E.V., Kuznik B.I. et al. Biomarker assessment in chronic rhinitis and chronic rhinosinusitis: endothelin-1, TARC/CCL17, neopterin, and α -defensin. DOI 10.2500/aap.2016.37.3899 // Allergy and Asthma Proceedings. 2016. № 37 (1). P. 35 – 42. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26831845/> (date of the application: 15.04.2019)
14. Seys S.F., Bousquet J., Bachert C. et al. mySinusitisCoach: patient empowerment in chronic rhinosinusitis using mobile technology // Rhinology. 2018. № 56. P. 209 – 215.
15. Braidó F., Baiardini I., Puggioni F., Garuti S., Pawankar R., Walter Canonica G. Rhinitis: adherence to treatment and new technologies // Current opinion in allergy and clinical immunology. 2017. № 17. P. 23 – 27.

References

1. Fokkens W.J., Lund V.J., Mullol J., Bachert C., Alobid I., Baroody F., Cervin C., Cohen N., Douglas R., Georgalas C., Gevaert P., Goossens H., Harvey R., Hellings P., Hopkins C., Jones N., Joos G., Kalogjera L. Kern B., Kowalski M., Price D., Riechelmann H., Schlosser R., Senior B., Thomas M., Toskala E., Voegels R., Wang D.Y., Wormald P.J. et al. European Position Paper on Rhinosinusitis and Nasal Polyps 2012. Rhinol Suppl. 2012. Vol. 23. № 3. P. 1 – 298.
2. Tarasova G.D., Kirichenko I.M., Mirzabekyan E.V. Etot privychnyj diagnoz «rinit». Medicinskij sovet. 2020. № (6). S. 22 – 30. doi: 10.21518/2079-701X-2020-6-22-30
3. SHamkina P.A., Krivopalov A.A., Ryazancev S.V., SHnajder N.A., Gajdukov S.S., SHardanov Z.N. Epidemiologiya hronicheskikh rinosinuzitov. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2019. № 3. S. 188.
4. Yanez A., Dimitroff A., Bremner P. et al. A patient preference study that evaluated fluticasone furoate and mometasone furoate nasal sprays for allergic rhinitis. Allergy & rhinology (Providence, RI). 2016. № 7. P. 183 – 192.
5. Miroshnichenko I.I., Pticyna S.N., Kuznecova N.N. i dr. Gomocistein – prediktor patologicheskikh izmenenij v organizme cheloveka. Rossijskij medicinskij zhurnal. 2009. T. 17. № 4. S. 224 – 227.
6. Butenko A.V. Gomocistein: vliyanie na biohimicheskie processy v organizme cheloveka. Molodoy uchenyj. 2016. № 1. S. 78 – 82. URL: <https://moluch.ru/archive/105/24912/> (data obrashcheniya: 30.01.2018)
7. Boldyrev A.A. Pochemu toksichen gomocistein. Priroda. 2009. № 10. S. 18 – 23.
8. Fefelova E.V., Tereshkov P.P., Isakova N.V. i dr. Rol' gipergomocisteinemii v mekhanizmah razvitiya giperkoagulyacii u bol'nyh IBS. Zabajkal'skij medicinskij vestnik. 2019. № 2. S. 90 – 98. URL: <http://chitgma.ru/zmv2> (data obrashcheniya: 03.09.2017)
9. Dutov A.A., Nikitin D.A., Fedotova A.A. Opredelenie gomocisteina i cisteina v plazme/syvorotke krovi VEZHKH metodom s UF detekciej i tverdofaznoj ekstrakciej na polimernom sorbente. Biomedicinskaya himiya. 2010. T. 56. vyp. 5. S. 609 – 615.
10. Bachert C, El-Akkad T. Patient preferences and sensory comparisons of three intranasal corticosteroids for the treatment of allergic rhinitis. Annals of allergy, asthma & immunology: official publication of the American College of Allergy, Asthma, & Immunology 2002. № 89. P. 292 – 297.
11. Zhong H, Ni XJ, Cui M, Liu XY. Evaluation of pharmacist care for patients with chronic obstructive pulmonary disease: a systematic review and meta-analysis. Int J Clin Pharm. 2014. № 36. P. 1230 – 1240.
12. Krupovich A.YA., Gurozhapova E.E., Ayushev A.B. Mikrobnye associacii pri vospalitel'nyh zabolevaniyah lor-organov u detej. V sbornike: Medicina zavtrashnego dnya: Materialy XVII mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov i molodyh uchenyh, posvyashchennoj 65-letiyu CHitinskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii: sbornik nauchnyh trudov. CHitinskaya gosudarstvennaya medicinskaya akademiya, 2018. S. 211.
13. Tsybikov N.N., Egorova E.V., Kuznik B.I. et al. Biomarker assessment in chronic rhinitis and chronic rhinosinusitis: endothelin-1, TARC/CCL17, neopterin, and α -defensin. DOI 10.2500/aap.2016.37.3899. Allergy and Asthma Proceedings. 2016. № 37 (1). P. 35 – 42. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26831845/> (date of the application: 15.04.2019)
14. Seys S.F., Bousquet J., Bachert C. et al. mySinusitisCoach: patient empowerment in chronic rhinosinusitis using mobile technology. Rhinology. 2018. № 56. P. 209 – 215.
15. Braidó F., Baiardini I., Puggioni F., Garuti S., Pawankar R., Walter Canonica G. Rhinitis: adherence to treatment and new technologies. Current opinion in allergy and clinical immunology. 2017. № 17. P. 23 – 27.

*Fefelova E.V., Doctor of Medical Sciences
(Advanced Doctor), Associate Professor,
Tsybikov N.N., Doctor of Medical Sciences
(Advanced Doctor), Professor,
Yegorova E.V., Doctor of Medical Sciences (Advanced Doctor),
Manikovskaya T.M., Assistant Professor,
Shapovalov Yu.K., Assistant Professor,
Chita State Medical Academy of the Ministry
of Health of the Russian Federation*

THE ROLE OF AMINOTHIOLS IN THE PATHOGENESIS OF CHRONIC RHINOSINUSITIS OF BACTERIAL ETIOLOGY

Abstract: chronic rhinosinusitis (CRS) is a disease characterized by persistent inflammation of the nasal mucosa and paranasal sinuses, lasting more than 4 weeks continuously (EPOS, 2012). Moreover, the treatment of this condition is most often ineffective. There are two forms of CRS: chronic bacterial rhinosinusitis and chronic polypous rhinosinusitis (CPRS).

According to the results of statistical processing of the data obtained by P.A. Shamkina. et al. (2019), the prevalence rate of CRS in the world averaged $11.81 \pm 5.81\%$. At the same time, the minimum number of cases was registered in South Korea (1.01%), and the maximum – in India (57.6%). In Russia, the incidence of CRS ranges from 1.42 to 35%.

Rhinosinusitis belongs to the group of multifactorial diseases. However, not a single etiological factor explains the cause of its protracted course. It is assumed that the main link in the pathogenesis of CRS is the low immunological reactivity of the organism, which does not allow it to adequately respond to the introduction of microorganisms.

It has been shown that in patients with periodontitis, chronic diseases of the gastrointestinal tract, a higher level of homocysteine (Hsu) is recorded, its physiological role is to maintain at a constant level the content of the essential amino acid methionine, which is necessary in methylation reactions, for the synthesis of cysteine and glutathione ... Moreover, it is a source of sulfides and is involved in the synthesis of α -ketobutyrate, a precursor of succinyl CoA. An excess of Hcy has a damaging effect, the mechanisms of the adverse action of Hcy are both the activation of oxidative stress, and the development of endothelial dysfunction, and the emerging hypercoagulation, and the initiation of autoimmune processes, and changes in the function of immunocompetent cells. However, the effect of hyperhomocysteinemia on the mechanisms of chronicity of the local inflammatory process has been insufficiently studied. Thus, the aim of our work was to study the role of hyperhomocysteinemia in the pathogenesis of CRS.

Keywords: homocysteine, chronic rhinosinusitis, cytokines, hypercoagulation, endothelial dysfunction, pharyngeal biotope

*Нагорная М.О., аспирант, старший преподаватель,
Институт рыбного хозяйства, биологии и природопользования,
Астраханский государственный технический университет,
Небратенко С.В., доцент,
Котельникова С.В., доктор биологических наук, доцент,
Астраханский государственный технический университет*

ВЛИЯНИЕ РАННЕЙ СПОРТИВНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Аннотация: физическая активность, необходимая для большинства видов спорта, имеет многочисленные преимущества для здоровья – физического, умственного и академического. Некоторые молодые спортсмены специализируются на одном виде спорта, в то время как другие занимаются несколькими видами спорта в подростковом возрасте. Основные причины ранней специализации включают в себя удовольствие от этого вида спорта; доступ к определенному виду спорта. В настоящее время тема ранней начальной специализации в спорте довольно таки актуальна. В соответствии с современными тенденциями спорт и различные виды физкультурно-спортивной деятельности все чаще становятся средством, как для организации оздоровления и профилактики заболеваний детей, так и для проведения свободного времени. Количество конкурсов, организованных специально для детей и подростков, с каждым годом увеличивается. Однако профессионалы, изучающие вопрос о длительной тренировке, сходятся во мнении, что недопустимо сокращать подготовку юных спортсменов на ранних этапах долгосрочного совершенствования только до призовых мест на соревнованиях среди детей, подростков, юношей и девушек.

Ключевые слова: ранняя специализация, рукопашный бой, физиология, боевые искусства, функциональные системы организма

Одним из условий поддержания здоровья и здорового образа жизни является регулярная физическая активность. Движение – это ресурс выражения личности и общения, это комплекс человеческого поведения, который включает в себя все виды человеческой двигательной деятельности. Физическая активность – это проявление человека, включающее все виды деятельности, выполняемые системой скелетных мышц, с взаимодействием всех физиологических функций [1]. Движение является одним из основных механизмов взаимодействия тела с внешней средой, а также фактором психического развития ребенка.

Рукопашный бой как вид спорта – это вид индивидуального боя, когда действия бойцов направлены на преодоление сопротивления партнера. Именно эта характеристика делает рукопашный бой ценным прикладным видом спорта и создает широкие возможности для развития таких физических качеств, как скорость, координация, выносливость, а также для формирования морально-волевых качеств человека.

Целью данного исследования было определение функционального состояния сердечно-сосудистой системы и состояния у учащихся начальных классов в возрасте от 7 до 11 лет с помощью функционального теста Руффье по выраженному индексу Руффье, который является значимым параметром состояния сердечно-сосудистой системы, как следствие положительной динамики ранней специализации. Учащиеся (n = 40) были разделены на 2 группы: эксперимен-

тальная и контрольная, в зависимости количества регулярных физических нагрузок в течение 4 месяцев. Регулярная физическая активность во всех тестируемых группах детей была занятием физической культурой во время стандартного учебного процесса в начальной школе. «Физкультура» проходил два раза в неделю (по полтора часа в неделю). Контрольная группа состояла из мальчиков, занимающиеся физической нагрузкой в школе по предмету «Физкультура» (n = 20), и на экспериментальную группу мальчиков (занимающиеся физической нагрузкой в школе по предмету «Физкультура» с сочетанием другой регулярной физической активности, n = 20), чья регулярная физическая активность состояла из физического воспитания в сочетании с другими внешними видами спорта в обычное время, такими как рукопашный бой, самбо, спортивные игры и т.д. Ученики начальной школы находились в хорошем состоянии здоровья без наличия сердечно-сосудистых заболеваний или нарушений опорно-двигательного аппарата.

Измерение значений частоты сердечных сокращений проводилось в двух выборках: 1. измерение - период, когда ученики/дети начали ходить в школу после 3 месяцев летних каникул; 2. измерение - период, когда дети выполняли регулярные физические упражнения в течение 4 месяцев.

Результаты измерений были получены в тех же условиях, в тот же день и в то же время. Тест Руффье был повторен для каждого ученика через 30 минут во время измерений 1 и 2, чтобы полу-

чить среднее значение ИР (индекс Руффье). На основе индекса Руффье было определено и сопоставлено функциональное состояние организма каждого ученика и среднее функциональное состояние организма детей во всех группах (Банарова и др., 2015). Статистический анализ результатов. Уровень статистической значимости 0,001 был выражен значением p ($p < 0,001$).

В контрольной группе мальчиков (КГ) после измерения до эксперимента были обнаружены восемь человек (40%) со значениями индекса Руффье в интервале от 5,1 до 7,2, и в соответствии с оценкой функционального состояния организма на основе индекса теста Руффье можно охарактеризовать этот результат как хорошее функциональное состояние организма. Девять (45%) показали удовлетворительный результат функционального состояния, 3 мальчика (15 %) показали слабое функциональное состояние. В экспериментальной группе (ЭГ) функциональное состояние оценивалось как хорошее ($n = 8$; 40%), среднее ($n = 11$; 55%), слабое ($n = 1$; 5%).

Второе измерение эксперимента началось после 4 месяцев регулярной физической активности, включающей только физкультуру 2 раза в неделю в течение 1 с половиной часа в контрольной группе, и в экспериментальной с сочетанием регулярного физического воспитания в дополнение к другой регулярной физической активности. У мальчиков контрольной группы было измерено среднее функциональное состояние 9 учеников (45%), хорошее у 11 (55%). Экспериментальная группа достигла хорошего функционального состояния у 13 учеников (65%) и среднего функционального состояния у 7 учеников (35%). Контрольная группа достигла среднего значения функционального состояния до и после эксперимента, а также уменьшила результаты среднего значения ИР на 5%, увеличила результат функционального состояния как хорошее на 15%.

Экспериментальная группа существенно улучшила функциональное состояние по сравнению с КГ. Однако наиболее значительная разница в функциональном состоянии наблюдалась через 4 месяца в экспериментальной группе. ЭГ уменьшила результаты среднего значения ИР на 20%, увеличила результат функционального состояния как хорошее на 25%, при уровне значимости $p < 0,001$. Этот значительный результат свидетельствует о том, что динамическая регулярная физическая активность организма является одним из факторов, влияющих на улучшение функционального состояния организма и участвующих в повышении индивидуального состояния.

На основании полученных данных после эксперимента 4 месяцев регулярных занятий физиче-

ской культурой в двух группах можно констатировать положительный эффект регулярной динамической нагрузки как одного из факторов, влияющих на состояние и сердечно-сосудистую систему, которые занимались в свободное время регулярной физической активностью.

Одна из самых очевидных преимуществ, предлагаемых различными видами боевых искусств, – это упражнения. По своей природе боевые искусства заставляют детей двигаться, что особенно важно в наши дни, поскольку последние тенденции в области физической подготовки показывают, что наблюдается значительный рост ранней спортивной специализации детей и молодежи чем были 10 лет назад [5].

В настоящее время во всем мире происходит интенсивный рост исследований и накопления информации в области биологического обоснования физкультурно-спортивной деятельности («физиология упражнений»). Это явление, а также обновление образовательных стандартов высшего профессионального образования в Российской Федерации обуславливают необходимость обновления фонда учебной литературы, пополнения классических знаний по спортивной физиологии современными научными данными и информацией, необходимой спортсменам.

Процессы адаптации организма к мышечной активности состоят в мобилизации энергетических ресурсов, транспортировке кислорода к работающим мышцам, удалении продуктов энергообмена и, как следствие, поддержания постоянства внутренней среды организма – гомеостаза. Поскольку тренировочная и соревновательная деятельность всегда требует максимально возможной активности клеточных структур и взаимодействия различных систем организма, большой интерес представляет анализ корреляционных зависимостей ряда показателей функциональной системы организма спортсменов рукопашников скоростно-силовой нагрузки [4].

В процессе спортивной тренировки выявляются множественные зависимости между параметрами различных функциональных систем организма. Эти связи проявляются не только на внутрисистемном уровне, но и на меж-системном уровне.

В процессе эволюции возникли новые механизмы адаптации вегетативных и соматических систем организма (да и самого мозга) к внешним воздействиям – механизмы сознательного управления адаптационными резервами организма. А так же цикличность гормональной перестройки физиологических процессов в организме человека на всем протяжении его жизни. Аргументируется вероятная численность таких циклов. Делается попытка обоснования генетической зависимости

продолжительности гормональной цикличности от социальных условий существования человека, обосновывается предположение о внутренних возможностях организма человека по нейронной регуляции гормональных процессов. Формируется таблица новой возрастной периодизации [2]. Классификация биологических периодов в жизни человека, полагая, что для развитых стран средняя продолжительность гормонального цикла в настоящее время составляет 7 лет, получаем следующую периодизацию этих циклов:

Юность

Детство: 1-7 лет;

Подростковый возраст: 7-14 лет;

Юность: 14 - 21 год

Молодость

Молодость: 21-28 лет;

Взрослость: 28-35 лет;

Средний возраст (1): 35-42 года

Зрелость

Средний возраст (2): 43-49 лет;

Зрелый возраст (1): 49-56 лет;

Зрелый возраст (2): 57-63 года

Старость Пожилой возраст (1): 63-71 год;

Пожилой возраст (2): 72-77 лет;

Старческий возраст: 77-84 года

Престарелые: больше 84 лет

Сравнение периодизации по биологическим особенностям человека и 12-кратной периодизации показывает определенное их совпадение, особенно с учетом величины статистических разбросов приводимых значений.

Всё большую значимость для прогнозирования приобретают данные о так называемых генетических маркерах, т. е. таких стабильных морфологических признаках, по которым можно судить о перспективах развития отдельных двигательных качеств.

Аргументы в пользу ранней специализации выдвигались в отношении опыта в развитии навыков. Существует теория, которая утверждает, что чем раньше человек начинает целенаправленно практиковать навык, тем раньше он становится экспертом в этом навыке. Это, по-видимому, тесно связано с “правилом 10 лет”, которое является общим критерием обучения шахматам, предполагающим, что 10 лет-это достаточный период времени для накопления уровня знаний, чтобы считаться экспертом (3). Это правило было экстраполировано и соблюдалось в нескольких видах деятельности, помимо шахмат, включая спорт (3). Используя эту теорию, можно сделать вывод, что для того, чтобы спортсмены были лучшими в определенном навыке или виде спорта, они должны начать рано с развития навыков и практиковать очень конкретные

действия, чтобы улучшить свои сильные стороны и уменьшить свои слабые.

Нужно отметить это в Японии, как во много других стран выполняют раннюю специализацию в дзюдо, которое, будучи национальным спортом, включено в учебный план общего образования. Однако ранняя и целенаправленная специализация на начальном этапе развития юных спортсменов не мешает высшим спортивным достижениям во взрослой жизни тех же спортсменов. Анализ различной литературы по истории боевых искусств позволяет сделать вывод о различии между Западом и Востоком в понимании значения тренировки боевых искусств. Так, например, в Европе занятия боевыми искусствами использовались только для физического совершенствования личности, а другие цели не ставились.

На Востоке, в первую очередь в Китае, национальные виды единоборств традиционно основываются на философских, религиозных и социально-психологических аспектах. Если для европейца, практикующего какой-либо вид восточных единоборств, это имеет только практическое значение и направлено на защиту интересов человека и общества, то для представителя азиатских стран духовная основа боевых искусств имеет большее значение [3]. Боевое искусство стало формой индивидуального самосовершенствования, средством включения в сферу мировой гармонии. Различные виды восточных единоборств основаны на комплексе моральных принципов, где приемы боевых искусств являются средством психофизической регуляции личности и достижения высшей цели. Любой бросок, захват, техническое действие не является самоцелью, но по идеологической подоплеке становится следующим шагом на пути к реализации идеала.

Рукопашный бой, как вид спорта, наблюдает ряд преимуществ повышения возраста для занятий. Рукопашный бой учитывает определенные компоненты развития, для готовности готов к структурированной практике, такие как развитие основных двигательных навыков, связанных со спортом, знание специфики спорта, мотивация и социализация. Для достижения успеха в спорте необходимо развивать фундаментальные двигательные навыки, включая такие навыки, как бег, прыжки, удары ногами и метания. Наличие адекватного уровня физической зрелости или возрастного развития поможет детям овладеть специфическими спортивными навыками, требующими силы и скорости. Знания, которыми обладает о конкретном виде единоборств, повышают его способность учиться навыкам, связанным со спортом, необходимым для занятия этим видом спорта. Чем больше спортсмены знают о спорте, тем больше

они будут помнить важные моменты, необходимые для выполнения двигательных навыков. Навыки обработки, необходимые для обучения, которые присутствуют у взрослых, часто отсутствуют или недостаточны у детей в возрасте до пяти лет.

Это иллюстрирует важный момент, касающийся обучения: если нет мотивации учиться, то обучение вряд ли будет иметь место. Иногда лучшим показателем готовности ребенка учиться и участвовать в спорте является то, что он проявляет к нему интерес. Если у ребенка есть друзья и родственники, которые помогают ему идентифицировать себя как спортсмена, у него будет больше шансов идентифицировать себя как спортсмена. Предварительное знание этих категорий спортивной готовности было бы полезно для того, чтобы поместить ребенка в правильно организованную

спортивную среду. Это даст ребенку больше шансов получить положительный опыт.

Рукопашный бой как средство формирования психо-эмоциональной устойчивости спортсменов к экстремальным условиям, в том числе и к военной службе. Симбиоз техники джиу-джитсу, западных видов борьбы, бокса, боевого самбо, дзюдо, греко-римской борьбы, карате, тхеквондо и другие виды единоборств позволяет разнообразить методику занятий для усовершенствования полученных знаний. Многие спортсмены, занимающиеся рукопашным боем успешно выступают по другим видам единоборств.

Изучение функционального состояния спортсменов является важным аспектом их подготовки. Анализ и оценка работоспособности позволяют прогнозировать успех и дают основу для определения факторов спортивного мастерства.

Литература

1. Анатомия и возрастная физиология [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие: в 2 ч. Ч. 2: психофизиология. Физиология адаптации / сост.: О.А. Шубина, О.И. Пятунина; науч. ред. Н.К. Гайнанова; Алтайская Гос. Акад. Образования. Бийск: Алтайская Гос. Акад. образования, 2013. 184 с.
2. Гуров, В.А. Хронобиология. Возрастная периодизация // *Universum: Химия и биология: электрон. научн. журн.* 2018. № 4 (46). URL: <http://7universum.com/ru/nature/archive/item/5703>
3. Моралес Дж., Фукуда Д.Х., Курто К., Итея М., Кубота Х., Пьеран-Тоцци Э., Ла Моника М. Прогрессирование спортивных единоборств для юных спортсменов // *Журнал прочности и кондиционирования.* 2020. № 42 (3). С. 78 – 89.
4. Рэднор Дж. М., Моескопс С., Моррис С.Дж., Мэтьюз Т.А., Кума, Н.Т.А., Пуллен Б.Дж., Мейерс Р.У., Педли Дж.С., Гулд З.И., Оливер Дж. Л. и Ллойд Р. С. Развитие спортивных двигательных навыков у молодежи // *Журнал прочности и кондиционирования.* 2020. № 42 (6). С. 54 – 70.
5. Бейкер Дж., Кот Дж., Абернети Б. Специальная спортивная подготовка, целенаправленная практика и развитие опыта в командных видах спорта с мячом // *Журнал прикладной спортивной психологии.* 2003. № 15. С. 12 – 25.

References

1. Anatomiya i vozrastnaya fiziologiya [Elektronnyj resurs]: uchebno-metodicheskoe posobie: v 2 ch. CH. 2: psihofiziologiya. Fiziologiya adaptacii. sost.: O.A. SHubina, O.I. Pyatunina; nauch. red. N.K. Gajnanova; Altajskaya Gos. Akad. Obrazovaniya. Bijsk: Altajskaya Gos. Akad. obrazovaniya, 2013. 184 s.
2. Gurov, V.A. Hronobiologiya. Vozrastnaya periodizaciya. Universum: Himiya i biologiya: elektron. nauchn. zhurn. 2018. № 4 (46). URL: <http://7universum.com/ru/nature/archive/item/5703>
3. Morales Dzh., Fukuda D.H., Kurto K., Iteya M., Kubota H., P'eran-Tocci E., La Monika M. Pro-gressirovanie sportivnyh edinoborstv dlya yunyh sportsmenov. ZHurnal prochnosti i kondicionirovaniya. 2020. № 42 (3). S. 78 – 89.
4. Rednor Dzh. M., Moeskops S., Morris S.Dzh., Met'yuz T.A., Kuma, N.T.A., Pullen B.Dzh., Mejers R.U., Pedli Dzh.S., Guld Z.I., Oliver Dzh. L. i Llojd R. S. Razvitie sportivnyh dvigatel'nyh navy-kov u molodezhi. ZHurnal prochnosti i kondicionirovaniya. 2020. № 42 (6). S. 54 – 70.
5. Bejker Dzh., Kot Dzh., Aberneti B. Special'naya sportivnaya podgotovka, celenapravlennaya praktika i razvitie opyta v komandnyh vidah sporta s myachom. ZHurnal prikladnoj sportivnoj psihologii. 2003. № 15. S. 12 – 25.

*Nagornaya M.O., Postgraduate, Senior Lecturer,
Institute of Fisheries, Biology and Nature Management,
Astrakhan State Technical University,
Nebratenko S.V., Associate Professor,
Kotelnikova S.V., Doctor of Biological Sciences
(Advanced Doctor), Associate Professor,
Astrakhan State Technical University*

IMPACT OF EARLY SPORTS SPECIALIZATION

Abstract: the physical activity required for most sports has numerous health benefits – physical, mental and academic. Some young athletes specialize in one sport, while others engage in several sports in adolescence. The main reasons for early specialization include pleasure from this sport; access to a specific sport. Currently, the topic of early initial specialization in sports is quite relevant. In accordance with modern trends, sport and various sports and sports activities are increasingly becoming a means, both for organizing the recovery and prevention of diseases of children, and for spending free time. The number of competitions organized specifically for children and adolescents is increasing every year. However, professionals studying the issue of long training agree that it is unacceptable to reduce the training of young athletes in the early stages of long-term improvement only to prizes in competitions among children, adolescents, boys and girls.

Keywords: early specialization, hand-to-hand combat, physiology, martial arts, functional systems of organism